

ЕЛЕНА АЛЕКСАНДРОВ

АСЕЕВА

По ту сторону

Елена Александровна Асеева

По ту сторону Солнца

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17711661
ISBN 9785447458638

Аннотация

Похищение пришельцами, спейснэпинг, вымысел или, правда?! А что если не вымысел? Что если в похищении людей замешаны органы публичной власти? И что в таком случае происходит с похищенным человеком? Дарья, опутанная проблемами и заботами женщина, внезапно попадает в число тех самых похищенных неземными созданиями людей. И ее, кажется, окончательно ограниченная по времени жизнь так же стремительно приобретает новый невероятный виток, а вместе с ним необычайные события, путешествия и знания.

Содержание

Часть первая	5
Глава первая	5
Глава вторая	11
Глава третья	17
Глава четвертая	22
Глава пятая	29
Глава шестая	36
Глава седьмая	44
Глава восьмая	50
Глава девятая	55
Глава десятая	60
Глава одиннадцатая	66
Глава двенадцатая	72
Глава тринадцатая	77
Глава четырнадцатая	83
Глава пятнадцатая	90
Глава шестнадцатая	95
Глава семнадцатая	101
Конец ознакомительного фрагмента.	104

По ту сторону Солнца

Елена Александровна Асеева

*Дарю эту книгу,
моей любимой мамочке,
Асеевой Вере Николаевне,
человеку, всецело и всегда меня поддерживающему.*

© Елена Александровна Асеева, 2016

© Валентина Гредина, дизайн обложки, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть первая

Глава первая

Дарья сдержала шаг возле серой пластиковой двери, и, вздев голову, прочитала на матово-серой табличке выведенное черным цветом название «Директор филиала». Одновременно с этим она гулко ударила в ровное полотно створки костяшками правой руки два раза, да так и не дождавшись ответа, резко повернула дверную ручку вниз, и, дернув дверь на себя вошла в кабинет.

Мысли, путаясь, мешали в голове выданное минут десять назад указание начальника отдела срочно подняться в кабинет директора с все еще звучащей там мелодией. Едва уловимая сонористика струны гуслей начала преследовать Дашу со вчерашнего вечера. Она, похоже, не смолкала даже ночью, слышалась в редких промежутках бодрствования, точно таила в том звучание волнение или забытие чувств. Впрочем, как знала женщина, всего-навсего тянула за собой новую задумку, может только рассказ, а может более крупное произведение.

Кабинет директора, одной из крупных строительных фирм, глянул на Дарью единственным (почти во всю ширину стены) металлопластиковым окном с двух сторон прикрытым вертикальными бледно-желтыми жалюзи, да чуть покачивающейся веткой дерева настырно поглаживающей с обратной стороны гладь стекла. Зеленые листья на ней, сейчас в середине апреля, такие бархатисто-нежные ласкались с порывами ветра, что с особой мощностью, как это бывает на юге, начал дуть еще ночью. Ветродуя уже к утру пригнал с моря крупные тучи, которые своими серо-синими бурлящими парами заслонили лазурь неба, жаждающая вскоре излить на город потоки дождя.

В первый миг, воззрившись на покачивающуюся ветку, своим искривленным концом тыкающуюся в стекло, Даша снова пропустила через себя легкий наигрыш гуслей, вторящей ему капли дождя перебираемой в ясный день бегущим по лесу родничком, чье каменистое дно расчертили на разрозненные полосы лучи солнца. В той отдельной картинке, несомненно, узрев будущий фрагмент нового произведения.

– Добрый день, Алексей Валентинович, вызывали? – несмотря на отрешенное состояние собственных мыслей, спросила Дарья. И только теперь перевела взгляд на директора филиала, сидящего как раз напротив двери за прямоугольным письменным столом с мощной столешницей, к середине которого впритык был придвинут второй с округлыми формами. Это был средних лет мужчина, сохранивший молодость, довольно щуплого сложения, про которого хотелось сказать, все еще молод, если бы не легкая седина в соломенного цвета вьющихся волосах. Всегда гладко выбритый, распространяющий вокруг легкий аромат сладковатого одеколона, он, казался, и в общении таким же слащаво-льстивым, нудно читающим нотации и возводящим работу в его филиале в ранг первоочередной цели для любого работника. А его безукоризненный, непременно, светлых оттенков костюм придавал ему состояние безупречной чистоты. Наверно, по причине того, что и рубашки он неизменно носил светлых оттенков, и остальная мебель в его кабинете имела белую расцветку, не только столы, стоящие по правой стене шкафы, но и по левой офисные стулья, из металлического каркаса и тканевой обивки, предназначенные для посетителей. Впрочем, и сам кабинет Алексея Валентиновича поражал блеклостью кремовых, крашенных стен, подвесных потолков и вставленных в него четырех светодиодных потолочных светильников да молочностью глянцевого ламината. За глаза Алексея Валентиновича работники уже давно прозвали «чисторучка». Ибо ничего толком не делая, он на столе всего то и имел, что канцеляр-

ский набор из подставки для визитных карточек и карандашей, настольный коврик, ярусный лоток для бумаги и подставку для двух шариковых ручек.

– Здравствуйте, Дарья, – и голос у Алексея Валентиновича был опять же елейным, кротким точно никогда не имеющим в себе мужского зерна, растерявшего его в беге за должностью, или все-таки не вложенного с самого рождения.

Директор неожиданно подскочил со своего кремового кожаного кресла с эргономичной спинкой и механизмом качания, да нервно дернув головой, влево, в сторону сидящего на ближайшем к нему стуле мужчине, дрогнувшим голосом сказал:

– Вас тут хотели увидеть. Хотели поговорить. Мне выйти? – голос его, звучавший высоко, в этот раз раздался отрывисто и с писклявыми хрипами, отчего Дашу тягостно передернуло. Так как она терпеть не могла подхалимства, всегда и во всем действуя прямо и открыто, потому хоть и работала честно, отличаясь дисциплинированностью, трудолюбием в этой строительной фирме за три года дальше менеджера продвинуться не смогла.

– Лучше выйти, – прозвучал приятный низкий голос с легкой хрипотцой и мужчина, досель сидящий на стуле вразвалочку, положив левую руку на грядущку спинки соседнего, неторопливо поднялся на ноги.

Алексей Валентинович торопливо обошел свой стол, спиной слегка подтолкнув стоящие возле стены створки шкафов (тем, определенно, демонстрируя волнения собственного тела), и даже не глянув в сторону подчиненного, в несколько секунд покинул кабинет, бесшумно прикрыв дверь и оставив о себе памятью шлейф приторно-сладковатого одеколона. Дарья, проследив движением головы, за побегом директора из собственного кабинета, все также неспешно вернула ее в исходную позицию. И первым делом увидела перед глазами быстро мелькнувшее красное удостоверение с золотым оттиском герба, опять же мгновением открывшееся и закрывшееся в коем удалось выдернуть синюю круглую печать и звание капитана спецслужб.

Удостоверение уже вернулось в боковой карман темно-синего пиджака, когда Даша, наконец, вскинула взгляд, дабы рассмотреть самого мужчину. Высокий (очевидно, не менее ста девяноста сантиметров), он поразил женщину грубыми чертами лица столь не соответствующих приятному голосу с хрипотцой. Квадратной формы его лицо имело широкую и точно тяжелую нижнюю челюсть, едва выраженный раздвоенный подбородок, придающий капитану спецслужб сходство с собаками, породы немецкий боксер. Коренастое телосложение, широкая, круглая голова и глубоко сидящие темно-карие глаза, вроде сказывали, что от «боксера» он взял много больше, чем от человека, делая и саму манеру общения атакующе-агрессивной. Ибо стоило ему (продемонстрировав удостоверение) опуститься на стул, закинуть ногу на ногу и опять пристроить руку на соседний, как и его лицо приняло грубо-надменное выражение, вызвав в женщине чувство раздражения.

– Капитан спецслужбы Востриков Юрий Анатольевич, – представился он значимо ленивым голосом. – Как я понимаю вы и есть Касторнова Дарья Александровна, – теперь голос зазвучал манерно нагло, будто он видел перед собой не человека, а таракана каковой пытался залезть на его гладко начищенный черный туфель.

Женщина внимательно оглядела капитана, задержавшись взором на голове демонстрирующей темно-русые волосы, подстриженные под бокс. Подумав, что военным, вообще, присуще стричься коротко несмотря на то, что через такой тонкий слой волос просвечиваются все дефекты кожи, достаточно сильно ухудшая и без того нелицеприятный вид головы, и тем вспоминая своего бывшего мужа, нынче служившего в соседнем регионе в войсках связи. Да не больно скрывая желания съязвить, которое (как считали друзья) было ее второй натурой, ответила:

– Это я не знаю, что и как вы понимаете. Это не познано, да и вряд ли возникнет во мне такое желание ваше неосознанное воспринять.

– Шутите, да? Это хорошо! – достаточно бодро отозвался Юрий Анатольевич и слышимо усмехнулся. – Хорошо. Потому как зачастую приходится общаться с гражданами, воспринимающими диалог со спецслужбами в состоянии панического страха. Это мы сейчас пронаблюдали в вашем директоре. Однако я сюда прибыл не забавлять вас, – теперь голос его зазвучал много жестче, вероятно, он не собирался сносить подколы Даши. – Поэтому попрошу отвечать четко и по существу.

– Меня, что в чем-то обвиняют, чтобы я отвечала четко и по существу, или допрашивают? Да и вообще, коли хотите конкретики, так от вас кроме как персонализации моих данных ничего не прозвучало, – дерзко отозвалась Дарья, ощущая к сидящему напротив нее капитану как-то махом разгорающееся раздражение, отчего захотелось развернуться и покинуть кабинет.

Определенным образом Юрий Анатольевич это желание в женщине уловил (али все-таки она дернулась в сторону двери). Потому он резким движением выволок стул, на каковой дотоль была пристроена его рука, и, поставив напротив себя, почитай подперев им стоящую Дашу, кивнув, в той же жесткой манере указал:

– Садитесь, Дарья Александровна, я вас надолго не задержу. Только сверю некоторые данные.

– А! все же я Дарья Александровна, радуется, что вы это признали, – язвительность в голосе женщины не пропала. Тем не менее, всего лишь в голосе, во всем остальном правило благоразумие. Потому не став накалять обстановку, она слегка сдвинула стул в сторону и опустила на него, став моментально ниже своего оппонента.

– Не будем препираться, это не к чему, – сухо отозвался капитан спецслужб, и, сунув внутрь пиджака правую руку, достал из внутреннего кармана мобильный телефон, блеснувший черно-серебристым корпусом. – Потому как я сейчас задержу вас за неповиновение законному представителю власти или иному лицу, исполняющему обязанности по охране общественного порядка, – очевидно, в точности цитируя выдержки из законных актов, – и отправлю на сорок восемь часов в изолятор временного содержания. – Юрий Анатольевич на пару секунд прервался, и легким движением пальцев принялся перелистывать на экране телефона изображения, с той же неспешностью продолжив говорить, – и тогда я уверен, у вас пропадет желание язвить и шутить.

Капитан оторвал взгляд от экрана телефона, перевел его на лицо женщины, и, растянув уголки губ, живописав едкую ухмылку, с насмешкой дополнил:

– Вероятно, не стоит добавлять, как на вашу карьеру неблагоприятно повлияет задержание и пребывание в ИВС. Думается, после тех сорока восьми часов, в вас окончательно иссякнет, какой бы то ни был, сарказм, как и бесследно, испарится занимаемая вами должность менеджера.

– Не пугайте меня. Я вас не боюсь, как и не страшусь потерять эту гребаную должность менеджера, – незамедлительно откликнулась Дарья, повышая голос, и стремительно поднялась со стула, с намерением покинуть кабинет.

Юрий Анатольевич тотчас дернулся вперед верхним корпусом, будто жаждающая пронзить стоящую женщину собственной головой. Он не менее стремительно выкинул вперед левую руку, и, ухватив в мощную хватку каркас спинки стула, тем движением словно опрокинул Дашу на его сидение, требовательно дыхнув:

– Сидите смирно, я еще не договорил.

Энергичность того движения порывом донесла до женщины осознания властности и мощи его фигуры. На нее дыхнуло духом человека, который привык все решать силой, не уступая и в малом, не умеющего церемониться, жалеть или чем-либо поступаться. Эта ощутимая жесткость, а может даже и жестокость его натуры, привела к тому, что Даше захотелось не то, чтобы дергаться, но даже и шутить. Понимание собственной беспомощности

сейчас мощной волной нахлынуло на женщину. Оно появилось в ней не так давно, впрочем, каждый раз нарастало от мужской грубости, точно оставаясь побочным эффектом развода. Когда муж цинично ей сказал, что разлюбил и устал от безумных странностей, идей и мыслей. Чуть зримо вздрогнув, Дарья воззрилась в темно-карие, холодные глаза капитана, осознавая, что не имеет доступного иным женщинам шарма, очарования и красоты, по сути всегда оставаясь дурнушкой, не больно высокой, не больно стройной, с круглым лицом, узким разрезом глаз, и маленьким ртом. Привлекая мужчин всего-навсего способностью неординарного мышления и острым умом. Однако сейчас женщина осознала, что стоит придержать проявления того самого ума, оный всегда сопровождался остротами и едкостью замечаний, дабы не накликать беды. Возможно, промелькнувшая в ее глазах беспомощность и, одновременно, здравомыслие было подмечено Юрием Анатольевичем, потому он согнал с лица, как улыбку, так и ухмылку, и, развернув в сторону Даши экран телефона, с необоримостью в голосе спросил:

– Это ваша страничка в Интернете?

Дарья мгновенно пробежалась взглядом по экрану телефона, на котором изображенная страничка творческого сайта рекламировала выставленные ею десять объемных романа в жанре фэнтези и фантастики, четыре повести и десяток рассказов, а в правом уголке находилась аватарка с ее фотографией, да, не мешкая, кивнув, ответила:

– Моя. Там же фотография. Чего не признали?

– Заглохните, наконец-то. И отвечайте по существу, – сейчас капитан спецслужб прямо-таки рыкнул, и на его шее вздулись расчертившие ее вертикально толстые жилы, а белая кожа лица прямо-таки побурела. – Значит, вы подтверждаете, Дарья Александровна, что эти произведения написаны вами?

– Да в чем дело-то, я не пойму? – встревожено переспросила женщина, в уме перебирая собственные произведения, в которых почитай ничего не было политического. Однако присутствовали нападки на правящие нынче на Земле религиозные учения, в коих она видела врагов свободной воли и разумного подхода к самой сути жизни.

– Вы, что не поняли меня? – Юрий Анатольевич резко наклонился, приблизив свое лицо к лицу Даши, отчего последней пришлось опять же скоро дернуться назад и опереться о спинку стула.

– Да, это моя страничка и мои произведения, – по существу как того и требовали, отозвалась женщина и легонько кивнула.

Юрий Анатольевич степенно отклонился назад и развернув к себе телефон вновь перелистнул на экране изображения. Принявшись медленно выдыхать вопросы и сдерживаясь на чуть-чуть, при ответе Даши, определенно, сверяя их с данными в телефоне, выпрашивая по большому счету о ее прошлой жизни, интересуясь не только датой рождения, но и датой окончания школы, института, переездами, родителями, бывшим мужем и даже сыном.

– Хорошо, – закончил он свой допрос. И медлительно поднявшись со стула, отправил свой телефон в нагрудный карман пиджака, слегка понижая голос и тем, делая его снова приятным, дополнил, – поднимайтесь Дарья Александровна. Вам надо будет проехать со мной в управление. У нас к вам имеются некоторые вопросы. И, пожалуйста, никаких выходов, если не хотите угодить в изолятор и лишиться работы. Возьмите вещи и ждите меня у парадного входа.

– А, что сказать моему начальнику? – продолжая сидеть, спросила Даша, только сейчас осознавая, что вляпалась в какие-то неприятности, кои пробежали мелкими, леденящими мурашками по позвоночнику и замерли, похоже, на пояснице.

– Ничего не говорите, я все улажу сам, – ответил капитан, и, ухватив женщину за плечо, несильно потянул вверх, таким образом, поднимая со стула. Голос его теперь звучал опять низко, а взгляд все время допроса изучающий ее лицо, сдвинулся вправо, едва проскользнув

по стене директорского кабинета, где в три ряда в рамках висели дипломы и грамоты, символизирующие особые достижения, как их обладателя, так и самой строительной фирмы. Губы Юрия Анатольевича насмешливо изогнулись, определенно, потешаясь над увиденными свершениями, а рука, разжавшись, выпустила из хватки плечо Даши, едва огладив примятую ткань голубой рубашки.

– И еще раз, Дарья Александровна, никаких финтов, – заметил он, все с тем же интересом разглядывая висящие награды, точно не интересуясь ни самой женщиной, ни ее чувствами от выдохнутой молви. – Мы знаем, ваш домашний адрес, телефон и даже номер банковской карточки, потому не стоит с нами ребячиться, и тем самым наживать себе неприятности.

До болезненной остроты захотелось плюнуть в эту боксерскую морду, словно с выпяченным носом, однако, Даша сдержалась, слышимо хрустнув зубами. Ее взгляд прополз от носа капитана вниз по подбородку, шее до воротника темно-голубой рубахи, и, остановившись на расстегнутой верхней пуговке, замер. И немедля в голове, вроде как отвлекая, зазвучала высокая мелодия вызываемая щипками пальцев о струны гуслей, а перед глазами возникла капель дождя перебираемая в ясный день бегущим по лесу родничком, чье каменистое дно расчертили на разрозненные полосы лучи солнца, отдельной картинкой представляя фрагмент будущего рассказа. Теперь, непременно, рассказа.

Все еще неосознанно воспринимая прерывистое трепетание струн и колеблющейся воды, Дарья, развернувшись направо, неторопливо направилась к двери.

– У вас паспорт с собой? – дотянулся вслед за женщиной, требовательный вопрос и теперь ощутимо в затылок уперся взгляд Юрия Анатольевича.

– С собой, – отозвалась Даша, подумав, что словно предчувствуя сегодняшний поворот событий интуитивно, как это происходило с ней зачастую, сунула паспорт в карман кожаного рюкзака.

Ухватив дверную, изогнутую, полированную ручку и повернув ее вниз, Дарья потянула на себя створку двери, когда услышала позади, как скрипнул стул, на коем она сидела (возвращенный на прежнее место к стене) и капитан дополнил, вроде опасаясь, что не выполнят выданных им указаний:

– Жду вас у парадного входа. Пять минут вам на сборы, думаю, будет достаточным. И, да, позовите Алексея Валентиновича.

Неспешно выступив из кабинета директора в коридор, женщина огляделась. В тех же блекло-желтых тонах стены и белые подвесные потолки, мало чем отличали убранство этого помещения фирмы от директорских апартаментов. Сейчас, несмотря на обеденный перерыв, в узком коридоре было пусто, точно все работники, узрев блуждающего подле стеклянных дверей (абы незаметно и еже мгновенно наблюдать за подчиненными) директора застыли на своих рабочих местах, растеряв желание даже поесть. Коридор позади Дарьи завершался дверью кухни, а с иной стороны переходил в лестницу, ведущую на первый этаж. Размещенные по обеим сторонам коридора двери, вели в четыре отдельные, небольшие комнаты, где за прямоугольными столами сидели сотрудники, уставившись в мониторы компьютеров. Даша миновала две из них, когда по лестнице поднялся и вышел в коридор, сопровождаемый начальником службы безопасности (не высокого с огромным выпяченным животом, словно бывшего на сносях Сергея Ивановича) директор филиала. Они, углядев, неспешно идущую в их направлении, Дарью, замерли подле проема, что-то оживленно и негромко обсуждая. И тотчас остановилась женщина, окинув взглядом несколько взлохмаченного Алексея Валентиновича и часто-часто поддериживающего головой Сергея Ивановича, да воззрившись на правила строительной фирмы (начертанные на прямоугольной доске и пристроенной на стенке коридора) туго вздохнула. С тяготиной внутри который раз осознавая, что тот, кто их составлял и вовсе не владел не то, чтобы письменным, но даже мало-мальски рус-

ским языком, как всегда с особым негодованием пройдясь по одному из десяти пунктов, гласящим: «Мы выключаем звук у телефона, когда входим на любое совещание». Жажда ухватить шариковую ручку и с тем исправить, словно неверно переведенную с иностранного языка строку или уж совсем ее зачеркнуть.

Алексей Валентинович, наконец, распрощался с начальником службы безопасности, и торопливо направился к Дарье, на ходу оправляя свои расхлябисто разлетевшиеся в стороны волосы. Он вроде, и, не останавливаясь, стремительно кинул в ее сторону явственно испуганный взор, посему Даше показалось, что приказ об увольнение уже подготовлен и даже подписан.

– Вас ждут, Алексей Валентинович, – отметила она, сходя с места, и размеренной походкой, направляясь к лестнице, минуя проходящего директора.

– Надо было вас Дарья не брать на работу. Мне сразу показалось, что от вашей независимой манеры общения у меня будут только неприятности, – значимо понизив голос, сказал директор. И в его голосе женщина ощутимо уловила мощную волну страха за собственное место.

– Неприятности, – враз откликнулась Даша, теперь даже, и, не желая сдерживать рвущегося из нее недовольства. И резко остановившись да развернувшись в упор стрельнула взглядом в ноне точно втянувшего шею в плечи директора, стараясь просверлить в его спине дырку. – Да вы даже не представляете, какие вас ждут сейчас в кабинете неприятности, – едко добавила она и самую толику усмехнулась, узрев, как высоко от испуга вздел свои худобитные, сухопарые плечи Алексей Валентинович, той фразой, определенно, подписывая собственный уход из этой фирмы.

Глава вторая

Даша вышла из офиса не через пять минут, как было указано капитаном спецслужбы, а минуты через пятнадцать. Большую часть из того времени проведя в туалетной комнате, находясь там не столько по нужде, сколько стараясь взять себя в руки. Так как желание не выполнять указания Юрия Анатольевича и покинуть офис через запасную дверь, которая находилась недалеко от их кабинета, было слишком велико и также слишком сильно.

– Дашунь, ты компьютер отключи и из системы выйди, – произнесла Татьяна Владимировна, непосредственный ее начальник отдела снабжения, стоило только женщине войти в кабинет. – Алексей Валентинович сказал, что ты сегодня отпущена до конца рабочего дня.

– Хорошо, что отпущена не навсегда, – раздраженно отозвалась Дарья в сторону Татьяны Владимировны. Впрочем, осознавая, не правомерность собственного раздражения в отношении человека зачастую ее поддерживающего, и сдернув с тумбочки, стоящей впри-
тык к ламинированному столу кожаный рюкзачок, всего-то и хранящий, что кефир и бутерброд, направилась прочь из кабинета.

– Я сказал пять минут, – сердито дыхнул Юрий Анатольевич, стоило женщине выступить из двухэтажного здания через раздвигающиеся стеклянные двери.

Он стоял напротив самих створок, ожидая ее выхода, или, что будет вернее, уже намереваясь за ней отправиться в сам офис, нервно сжимая в руках мобильный телефон. Его темно-карие глаза не просто буравили лицо Даши, они словно хотели ее пожрать. А чуть вздрагивающие мускулы, поигрывающие на лице при шевелении челюстей, определенно, делали капитана спецслужбы идентичным с собакой боксер, желающей тотчас зарычать, оскалив верхние зубы.

– Я заходила в туалетную комнату, – ответила Дарья, с трудом от волнения и единожды недовольства, натягивая на плечи лямки рюкзака.

Она медленно вздела голову и воззрилась в лицо Юрия Анатольевича, разом уловив пышущую от него досаду, не то, чтобы не скрываемую, а прямо-таки выдохнутую.

– Идемте, – довольно строго молвил капитан. И точно, решив несколько снизить собственное возмущение, понизил тембр голоса. Однако с тем он резко ухватил женщину за предплечье и дернул в сторону стоящих на парковке в два ряда машин. Юрий Анатольевич немедля развернувшись, более настойчиво потянул за собой Дарью, направив поступь к стоящему крайним в ряду серебристому автомобилю, с плавной поднимающейся боковой линией кузова и треугольными передними и задними боковыми стеклами.

– Чего вы меня так ухватили, – раздражаясь, молвила Дарья, едва рванув левой сжатой пальцами капитана в предплечье рукой. – Я от вас не убегу. Если б того хотела, уже давно сделала.

Несомненно, женщина это сказала зря. Ибо секундой спустя той фразы, хватка усилилась, вроде Юрий Анатольевич испугался услышанного. Посему он мощнее сжал перста на руке Даши и повел ее по ряду машин в обход той самой немецкой марки. Открыв заднюю дверь, которой прямо-таки впихнул внутрь салона женщину. Отчего последняя въехала в кожаную обивку заднего сидения головой. Безотлагательно щелкнула створка закрывшейся двери, а разгорающаяся от гнева Дарья не менее стремительно оглядела весьма дорогой даже для государственных служителей салон автомобиля, определенно, немецкой сборки. Удобные темно-серые сидения с высокими подголовниками, изящная панель приборов и сам элегантный интерьер салона указывали на особое место, занимаемое теми, кто катался на данном транспортном средстве.

Водительское сидение, как оказалось, занимал темно-русый коротко стриженный мужчина, лет сорока, крепкого сложения и несмотря на весеннюю, прохладную погоду на улице, одетый в синюю с коротким рукавом рубашку и черные брюки.

Капитан спецслужбы торопливо ввалился в салон, усевшись на переднее место, обок водительского и захлопнув за собой дверцу, немедленно зыркнув на женщину в салонное зеркало заднего вида расположенное под потолком машины над лобовым стеклом, повелительно сказал:

– Паспорт дайте сюда, Дарья Александровна.

– Может быть, сначала мне объяснят, что происходит? – отозвалась значимо едко Даша и из ее голоса, высокого и звонкого ассоциирующегося с энергичностью, пропал всякий страх и тревога, потому как она не принимала в отношении себя хамства, грубости, всегда решительно поднимаясь на защиту собственного достоинства. – Растолкуют, куда мы едим? В чем моя вина? И чего от меня желают узнать? – дополнила она свою речь, потоком вопросов, каковые почасту сбивали ее собеседников с толка, заставляя в конечном итоге Дарье вести сплошной монолог.

Водитель повернул ключ в замке зажигания в тот самый момент, когда Юрий Анатольевич резко развернулся в сторону женщины, да упершись левым плечом в спинку своего сидения, простер руку в ее направления. Он крепко ухватил Дарью, за грудки куртки, и срыву дернув на себя, слегка приподняв верхнюю, тонкую губу да оголив белые, крупные зубы, нескрывая жестко проронил:

– Давай сюда паспорт. И закрой свой рот. Никаких более вопросов, колких замечаний, и насмешек, а то я за себя не отвечаю.

Спертое дыхание давно курящего человека наотмашь ударило Дашу в лицо, вызвав на щеках легкий румянец, а в мозгу осознание, что Юрий Анатольевич для того и призван в ряды спецслужб, ибо зачастую плохо отвечает за собственные поступки. Капитан, опять же резко и с той же неприкрытой грубостью, толчком вернул женщину обратно на спинку заднего сидения и демонстративно неторопливо разжал на груди собранную в кулаке поверхность куртки. Дарья от нажима энергично ударилась затылком об сидение автомобиля, вдавив в него не только бутылку кефира, но и бутерброд, находящийся в рюкзаке, все еще висящем за спиной. Однако осознавая, что сила и власть сейчас не на ее стороне, принялась медленно снимать с плеч лямки рюкзака и вновь неспешно развязывать на нем шнурки, дабы найти внутри паспорт.

– Спасибо, – отозвался капитан спецслужбы, когда паспорт Даша, наконец, разыскала внутри рюкзака, и, вынув, протянула ему навстречу.

Юрий Анатольевич прямо-таки выдернул из рук женщины документ, удостоверяющий ее личность, и, вернувшись в исходную позу, оперся спиной о сидение. Он стремительно раскрыл первые листы паспорта, сверив фото и фамилию, да снова глянул в салонное зеркало заднего вида, теперь сличая увиденное с самой Дашей.

– Чего не похожа? – и вовсе ядовито спросила Дарья, едва сдерживаясь, чтобы не шибануть капитана по башке рюкзаком, притом окатив его плюхающими в пластиковой бутылке остатками кефира.

Юрий Анатольевич, впрочем, не отозвался, а закрыв паспорт, убрал его во внутренний карман пиджака, сунув туда же и телефон. Он все с той же размеренностью движений растегнул две пуговицы на бортах пиджака, и, приняв расслабленную позу на сидении, перевел взгляд с салонного зеркала на боковое стекло двери, приметно улыбнувшись. И той своей улыбкой, словно выражающей примирение на время пути, также скоро снял с Даши раздражение. Потому она, прерывисто выдохнув, неторопливо связала шнурки на рюкзаке, и, откинувшись на сидение головой и спиной, воззрилась сквозь стекло двери.

Автомобиль уже выехал с парковки офиса, и, повернув на улицу Парковую, направился по ней явственно в центр города. Неизвестно по какой причине эта улица, достаточно узкая, с двумя полосами движения (по одной в каждом направлении), местами имеющая бордюры вдоль проезжей части, носила название Парковая. Ибо к данному обозначению толком по всей протяженности ничего и не имела, а редкие встречи деревьев (большой частью недавно посаженных), отсутствие клумб и даже мало-мальских остатков почвы указывали на обычный район, где велась мощными темпами застройка. Потому на Парковой улице чаще можно было увидеть поднимающееся многоэтажное здание, чем сквер, или цветник.

Когда-то (около двенадцати лет назад) как раз, когда Дарья перебралась с родителями в этот город, на Парковой был расположен частный сектор. И тогда не редкостью во дворах виделись деревья вишни, абрикосы, черешни, кустарники, и даже небольшие цветочные клумбы. Но пришедшие на смену одноэтажным домам новостройки, вытеснили всю зелень, легкие города (как говорили люди), заместив эту нежность цветения бетонной плиткой, пылью и горьковатым привкусом городского чада.

Именно такие мысли всяк раз охватывали Дашу, когда она возвращалась домой, в маленький трехкомнатный домик, поколь прячущейся в частном секторе, с небольшим приусадебным участком. Эти мысли будто отделяли ее от иных людей усматривающей в смраде города лишь пыль и горечь. Дарья, кажется, с самого рождения разнилась собственным мироощущением с теми, кто был рядом, не только с родителями, мужем, но и знакомыми, товарищами, ибо в силу собственной «странности» (как считалось) толком-то и не имела друзей.

Глупышка с самого детства, поздно заговорившая, начавшая читать и писать только к восьми годам. Дарья лет до одиннадцати оправдывала свое величание запоздалая, заторможенная, набирающаяся знаний, мыслей степенно, медленно, и с тем, однако, закончившая школу с золотой медалью, с красным дипломом университет. Опять же запоздала почувствовавшая в себе творческий порыв, который за последние пять лет вылился в произведениях, описывающих с точностью до звуков, цвета неба, травы, созданий их населяющих разнообразные миры. Отчего у знакомых читающих ее книги, появлялось впечатление живости, жизненности описанного. Даша и сама не могла пояснить каким образом возникали в ней те или иные задумки, не только приносимые звучанием струн гуслей, но и отдельными вспышками картинок во снах. Не редкостью становилось в жизни женщины предвидение событий так, что коллеги, знакомые почасту называли ее ясновидящей. Впрочем, как всегда в жизни Дарьи это были всего-навсего запоздалые, единичные фрагменты предвидения, интуиции, точно степенно набирающие мощь, как и красота творческого слога, четкость переданного эпизода, картинки. Еще не монументального, не великого, но уже значимого, завораживающего. Даше поколь еще не удалось ничего из написанного издать. И не потому как произведения были не интересными, или низкого качества, а потому как лишь раз попробовав и отправив роман в Издательство, она, получив отказ, перешла в настроение, что пишет в первую очередь для себя.

Для себя!

Ибо иначе мозг переполненный сюжетами, задумками, желанием творить прямо-таки лопнет. Пишет для себя, для души, как любил говорить человек. Однако понимание души, кою люди представляли как бессмертную, божественную сущность отражающую личность человека, Даша соотносила только с совокупностью воспитанных, генетически заложенных нравственно-моральных качеств отдельно взятого субъекта, не имеющего ничего общего с понятиями вечность, безвременность существования.

– Я закурю, вы не против, Дарья Александровна? – вновь переходя на уважительное толкование, спросил Юрий Анатольевич и правая его рука, дотоль лежащая на двери с открытым окном, направилась в ближайший карман.

– Я против, чтобы вы курили, потому как не выношу дыма, – немедленно откликнулась Дарья, сейчас проявляя противность собственного характера. – И вообще, лучше будет если вы закроете окно, мне дует в лицо, – дополнила она, ощущая удовлетворение оттого, что говорит наперекор просьбе.

Капитан спецслужбы слышимо хмыкнул, да только не стал закуривать. Он, тотчас нажав на кнопку, расположенную на двери автомобиля, поднял стекло на ней доверху, а после косо глянул в зеркало заднего вида на женщину, будто требуя одобрения. Во взгляде его карих глаз, это Даша не столько узрела, сколько почувствовала, просквозила заинтересованность, любопытство по поводу чего-то необычного, или все же обыденного для него, впрочем, однозначно, занимательного.

Автомобиль промеж того свернув с Парковой улицы, миновал Тенистую, названную так опять же по неведомой причине, потому как на ней совсем не имелось деревьев, а высились двенадцатизэтажные дома, расположенные (как шутила Даша) в доступности протянутой руки. Когда выглядывая со своего балкона, ты мог дотянуться до соседнего окна и даже если того пожелается плюнуть в него. Несмотря на будний день, Тенистая была наполнена машинами, и то благо, что было уже около двух дня, а так бы не раз пришлось на ней простоять в пробке. Проехав по Тенистой до Южной, повернули на эту одну из главных улиц города, и направились (Даша теперь не сомневалась) в Управление спецслужбы, находящееся в пяти кварталах от здания Администрации города.

Ветер, который еще к утру пригнал с моря, серо-синие бурлящие тучи, заслонившие лазурь небосвода, теперь вроде как приглушил собственные порывы. Вероятно, лишь для того, чтобы начать сыпать сначала неспешные, одинокие капли дождя на город и живущих в нем людей. Дождь именно посыпал. Так как по первому это был такой мелкий дождь, какой русские люди зачастую называли ситничек, сравнивая с мельчайшей крапункой, манкой, мукой сеянной сквозь сито.

Увидев на стекле боковой двери эту мельчайшую морось, Дарья гулко вздохнула. Подумав, что ее отец, Александр Иванович возвращаясь с работы и забрав с детского сада Павлушку, непременно намокнет. Так как зонт ни он, ни сынок не взяли, а капюшон с куртки своего любимого мальчика, своей радости и красавчика, она сняла еще вчера. Оставалась, однако, надежда, что беспокойная бабушка, так любящая внука, встретит их хотя бы на трамвайной остановке.

Минут пятнадцать спустя, когда дождь значимо набрал силу и перешел в стадию косяхлест (идущего по направлению вновь задувшего ветра) оставляя на стеклах крупные капли, впереди показалось величественное, четырехэтажное здание Управления спецслужбы, занимающее почти квартал, не только по улице Южной, но и Мира. Оно стояло в хлещущих потоках дождя один-в-один, как исторический монумент, наглядно демонстрируя прочность и основательность того учреждения, что там располагалось. Облицованное серым гранитом, с широкими карнизами, поясами и большущими окнами здание напоминало военное укрепление, крепость, куда не то, чтобы вход, был табуирован даже полет шальной, вольной мысли, на корню отсекаемой путами государственной машины.

– К центральному входу, – бросил негромко в направлении водителя Юрий Анатольевич, да приняв на сидении более напряженную позу, поправил пиджак, смыкая на нем борта и застегивая пуговицы.

Автомобиль медленно миновал перекресток и остановился чуть левее центрального входа здания, прямо на зебре, тем самым указав замершим с обеих сторон от него пешеходам, что в этом районе он важнее и законы действуют другие. Дарья, дотоль неотрывно наблюдающая за сменяющимися картинками за стеклом, едва улыбнулась. Узрев, как один из пешеходов, было начавший переход на другую сторону улицы, торопливо вернулся на тротуар. И яростно взмахнув синим зонтом, тягостно затряс головой, что-то выкрикнув. Поверхность

зонта, переливающаяся собственной гладкостью с каплями дождя, казалась подобной зеркальной глади воды, отчего Дарье представился тончайший родничок, разрезающий неровное полотно почвы и плавно наполняющий широкое озеро.

Даша почасту пребывала в своем мире, на своей волне. Посему не редкостью улыбалась чему-то своему (вот как сейчас, к примеру, ярко вспыхнувшей картинке), перебирала пальцами в воздухе мотив той или иной мелодии, покачивалась, будто жаждая начать танец, и все это порой, даже в общественном месте, на работе. Точно в такие моменты она отключалась от этой земной жизни и переносилась в какой-то иной мир, данной манерой поведения вызывая не только кривые ухмылки коллег, но и явственное сравнение с ненормальной. Впрочем, данное поведение у нее появилось опять же недавно, и как все в ее жизни, имело состояние разгона, набора скорости, или все-таки медленно надвигающейся болезни.

Юрий Анатольевич торопливо открыл дверь автомобиля, и, выскочив на тротуар, резко вздел вверх плечи, вроде нахохлившийся под дождем филин. Он также стремительно, ибо его короткие темно-русые волосы уже покрылись капельками воды, подскочил к задней двери и разком ее открыв, командно сказал:

– Выходите, Дарья Александровна. Да пошустрей!

Даша, ухватив в правую руку рюкзак, тем не менее, не больно спеша покинула достаточно уютный салон автомобиля, да под хлещущими, холодными (как всегда весной) дождинками, остановилась посредине тротуара, наблюдая за торопливо снующими в разных направлениях людьми, куда-то спешащих, а впрочем, торопящихся только в одну сторону. В ту самую, откуда возврата не было.

Рывком закрыв заднюю дверь, Юрий Анатольевич крепко ухватил Дарью за левый локоть, и, не говоря ни слова потянул в направлении входа в управление.

Массивные, деревянные двери, с тонированными стеклами, точно указывали гражданам, что и заглядывать в это здание не следует. Они даже не скрипнули, когда капитан спецслужбы отворил одну из двух створок, не столько пропуская женщину, сколько в той же манерной, властной грубости волоча ее за собой.

Мощный холл с широкой лестницей по середине, уводящей на верхние этажи, да двумя пересеченными проходами по обе от нее стороны (образующими коридоры первого этажа), преграждали два электромеханических турникета со стоящими вооруженными и в полной амуниции трех сотрудников, охраняющих находящихся в здании. Показав в развернутом виде удостоверение, Юрий Анатольевич едва мотнул в сторону Даши головой и авторитарно заметил преградившему им перед вертушкой путь сотруднику:

– Заявлена, по пропуску.

– Паспорт? – гулко дыхнул в ответ военный.

– Не понятно сказано, – теперь и вовсе послышалось в голосе Юрия Анатольевича неприкрытое раздражение, и он резко подтянул к себе женщину, вроде стараясь уберечь ее от лишних взглядов и вопросов. – Была заявлена по пропуску, загляни в журнал.

– Так точно, капитан, – откликнулся другой сотрудник, допрежь стоящий несколько в отдаление, явственно по звездочкам на погонах, имеющий звание лейтенанта. – Проходите.

Он немедленно шагнул к турникету и нажал на пульт управления. Отчего поясной турникет подался вперед, пропуская в само здание Юрия Анатольевича и Дашу. Капитан спецслужбы легохонько качнул головой в сторону лейтенанта, и, потянув женщину за собой, направился направо по коридору. Такому же широкому с высокими потолками (словом монументально построенному), где в светлых тонах стены и красные дорожки, лежащие на полах демонстрировали чуждость, торопливому ходу времени, точно сберегая все еще сохраненные идеалы советского времени, подобно не снятому гербу Советского Союза, венчающему фасад здания управления.

Впрочем, на Дарью эти старинные помещения навеяли тревогу, не понимание того зачем она тут. Ведь в самом деле задерживать ее, да еще и приводить в Управление спецслужбы было не за что. Ибо кроме сына, пожилых родителей, старенького автомобиля, да того самого небольшого домика на задворках города у них ничего не имелось. Политикой Дарья перестала интересоваться. И хотя порой писала мелкие статьи, отзывы на политику государственного аппарата, но никогда не переходила рамки дозволенного законом.

Они остановились напротив расположенных в стене трех дверей лифта. Юрий Анатольевич неспешно вернул удостоверение в нагрудный карман пиджака, и, шагнув к двери лифта, нажал на панели расположенной в стене красную кнопку, покуда Дарья оглядывала само помещение и идущих по нему сотрудников, зачастую одетых в гражданские одежды.

– Отпустите меня, я не убегу. Как можно догадаться, мне отсюда не выбраться, без вашего пропуска, – негромко молвила Даша, так как стоящий рядом не менее рослый, чем капитан мужчина, недоверчиво зыркнул в ее сторону.

Однако Юрий Анатольевич не только мощнее сжал ее руку, но и слегка притянул к себе женщину, так и не удостоив ответом. Определенно, потому как он смотрелся таким жестким, а Дарья почти на две головы была ниже его ростом, иногда она вроде как подвисала в воздухе. В открывшуюся кабину лифта они вступили вдвоем, ибо не только тот, каковой стоял сотрудник, но и другой, минутой позже замерший подле них, не решились войти следом.

Темно-серая бархатистость стен кабинок глянула на женщину своей ухоженностью, выказывая, что государство не скупиться на содержание спецслужб, обеспечивающих безопасность политической системы и его главы, предпочитая их нуждам самих граждан. Нажав на панели кабинки лифта кнопку четвертого этажа, Юрий Анатольевич, только сейчас, когда они остались в лифте вдвоем выпустил руку Даши, к ее удивлению, заботливо огладив смятую поверхность кожаного рукава куртки. А кабинка, ощутив заскользив вверх, с тем понесла туда и саму нарастающую тревогу женщины, коя выплеснулась легким дребезжанием ее звонкого голоса, когда она, обратившись к стоящему подле капитану, теперь неотрывно на нее смотрящему, сказала:

– Вероятно, вы боитесь выпустить меня из своей хватки, физической или зрительной. Подозревая, что если я не убегу, так улечу от вас, – с особой едкостью выделяя последнюю фразу и в ней намекая на полет вниз головой.

– Я ничего не боюсь, – холодно, точно не замечая колкости звучания, отозвался Юрий Анатольевич, и, отвернув взгляд в сторону, уставившись на сомкнутые створки кабинки, слышимо хмыкнул. – Уж кому и следует бояться, так только вам, Дарья Александровна, – дополнил он, вложив в слово «бояться», очевидную угрозу.

Глава третья

Для себя Даша давно решила, что она дурнушка, как ласкательно (проявляя в том, мудрую доброту) сказывал русский народ о некрасивой женщине. Невысокого роста, чуть полноватая, одновременно, сберегшая спортивную фигуру с большими плечами и мускулистыми руками, Дарья имела круглое лицо, узкий разрез глаз, маленький рот да нос «картошкой» круглой формы, достаточно крупный. Впрочем, высокий лоб, густые, длинные, среднерусые волосы (носимые в основном плетеными в косу), брови, ресницы и глубина сокрытых под ними зелено-голубых глаз придавали ей присущую мягкость, теплоту женщины умеющей любить, ценить, быть верной. Ясность прямого взгляда выдавали в ней острый ум, приправленный мудростью не столько прожитого, сколько пережитого, осмысленного к тридцати двум годам, способность поддержать интересный разговор и располагающим в отношении искренности изгибом светло-красных неполных губ, со слегка приподнятыми вверх уголками, символизирующих улыбку. Опять же, что касалось мнения о себе, Дарья долгое время считала себя посредственностью и пасынком судьбы, а после того как стала писать по большей частью стала выражаться о себе, как бумагомарателе. И это притом, что тексты набирала сразу на ноутбуке, не привлекая к тому священнодействию бумагу.

Очутившись на четвертом этаже, Юрий Анатольевич, пропустив женщину вперед, направил ее поступь в конец коридора, такого же широкого с высокими потолками в светлых тонах стен и потолка, да красной дорожки лежащей на полу. Остановившись возле самого крайнего по правую сторону коридора кабинета с массивной одностворчатой дверью (на коей висела табличка №451), капитан спецслужбы вновь ухватил Дашу под левый локоть, да повернув дверную ручку вниз, явил довольно-таки просторное с высоким потолком помещение. Прямоугольная комната, выполненная в классическом стиле с приглушенно-кирпичным цветом стен и потолка, коричневого под паркет полом, имело одно большое в половину стены окно, укрытое тяжелыми темно-зелеными, длинными шторами, собранными на уровне подоконника завязками, потому несколько приглушающими свет. Такая же массивная была и мебель, два широких прямоугольных, деревянных стола, стоящих напротив друг друга, по правую и левую стену, с вычурными ножками и изогнутыми металлическими ручками выдвижных ящиков. На обоих столах поместились подставки под ручки, карандаши опять же в стиле ретро, однако, телефоны и два серебристых ноутбука выдавали приближенность к современности. Подле правой стены, сразу за столом и ближе к выходу, располагался здоровущий темно-зеленый кожаный диван, с деревянными подлокотниками. Напротив него, впритык к стене, поместился не менее вычурно-массивный, темного цвета книжный шкаф, со стеклянными дверцами, чрез каковые проглядывали стоящие на полках корешки скоросшивателей. Две бежевого оттенка люстры с декоративными вставками и пятью лампами светло освещали сам кабинет, посему войдя в него из полутемного коридора, Дарья слегка прищурилась.

Лишь минутой спустя приметив находящихся в комнате двух мужчин. Одного полноватого и невысокого, сидящего на диване, а другого более крепкого, схожего с Юрием Анатольевичем, похоже, спяянного по одному принципу. Высокого, коренастого с мужественными чертами овальной формы лица, мощно выпирающим подбородком, крупными темными глазами и таким же большим ртом. Его короткие каштановые волосы и небольшие, точно набитые усы, придали ему состояние отрешенной задумчивости, отчего в первый момент Даше показалось, он и не заметил, что кто-то появился в комнате. Одетый в темной расцветки костюм и черную рубашку, он, стоял, опираясь на подоконник металлопластикового окна и сильно разнился с тем мужчиной, каковой мгновенно подскочил с дивана, стоило двери открыться, а Юрию Анатольевичу впахнуть в помещение Дарью.

Коротышка, едва превышал в росте женщину, его круглое, упитанное лицо с бело-молочной кожей, поблескивало, вроде чрез наружный покров проступал жир, маленькие глазки изучающе уставились на вошедших, а небольшой ротик с узкими губками приветственно растянулся в улыбке. Темно-пепельные волосы полноватого смотрелись значимо длиннее и также залащено лоснились, а белая рубаха, вправленная в черные брюки, была столь натянута на плечах, груди и выступающем животе, что чудилось еще вздох и материя, на ней треснув, проложит по поверхности множество тончайших линий.

Торопливо подскочив к Даше, он перехватил ее локоть из хватки Юрия Анатольевича и широко улыбнувшись, басисто для такого толстяка, молвил:

– Добрый день, Дарья Александровна. Как погляжу, вы слегка промокли? Надеюсь, Юрий Анатольевич вас в дороге никак не задел?

Теперь он второй рукой подцепил запястье Дарьи, и чуть сместив край рукава куртки, нащупав пульс, на десяток секунд замер, прислушавшись к его биению.

– Пытался, – неуверенно отозвалась женщина, вновь оглядывая помещение и задерживая взгляд на третьем мужчине, теперь в упор воззрившимся на нее.

– Ну, ничего, ничего. В Юрии Анатольевиче грубость только напускная. На самом деле он очень милый человек, – умягчено проронил полноватый и улыбнулся еще шире, заложив на щеках множество мельчайших складочек, каковые не повернулся бы язык назвать морщинками, так как они возникли не вследствие старости, а в силу обильного питания. – Меня зовут Петр Михайлович, а напротив вас, дюже серьезный в плане разговоров Владимир Сергеевич, – дополнил пояснительно полноватый, несомненно, своей болтовней стараясь успокоить не на шутку разволновавшуюся Дашу.

– Верится с большим трудом, что Юрий Анатольевич милый человек, – немедля откликнулась Дарья, и, ощутив легкое, поддерживающее пожатие локтя и запястья левой руки, вздохнула значимо ровнее. – Точнее будет сказать про него солдафон. И это не только в понимании грубости, но и знаний, не выходящих за рамки профессии.

Хмыком теперь отозвался не только стоящий напротив Даши подле окна Владимир Сергеевич, но и сам Юрий Анатольевич. Он демонстративно обогнул застывших коротышку и женщину, и на ходу расстегнул пуговицы на пиджаке да распахнув его борта, уселся в ближайший угол дивана, развалившись в нем и даже вытянув вперед ноги. Однако более жизненно, подмеченному Дарьей, отреагировал Петр Михайлович, не только снова встряхнув зажатую в пальцах ее левую руку, но и гулко засмеявшись. Его смех, тем не менее, длился не долго, и резко прервался, а после пальцы выпустили из плена руку женщины, но только для того, чтобы перехватить из ее другой руки рюкзачок.

– Вы только не волнуйтесь, Дарья Александровна, – отметил он тем же слащавым тоном так, что бас его не гудел, а вроде как плыл, насыщая помещение спокойствием. – Мы вас надолго тут не задержим. Вы, вероятно, желаете узнать, зачем мы вас сюда привезли?

Он едва потянул на себя рюкзак Даши и та интуитивно его, выпустив, торопливо пожав плечами, тотчас произнесла, теперь глядя только в лицо полноватого:

– Если честно, я желаю, чтобы вы меня отпустили. И меня совсем не интересует, зачем я сюда приехала.

– Так, так, вас определенно отпустят, – насмешливо откликнулся Петр Михайлович и пролегли по его щекам складочки, приподняв нижние веки, и вовсе скрыли в глубине глазных щелей глаза, оставив там всего-навсего тончайшие разрывы.

А в прозвучавшей молви Дарья, всегда достаточно остро воспринимающая какую-либо фальшь, уловила неприкрытое напряжение. Посему она резко протянула руку, и, схватившись за материю рюкзака, дернула его на себя, одновременно, рывком ступив назад. Отчего не только встрепенулся сидящий на диване Юрий Анатольевич, но и поднялся с подоконника Владимир Сергеевич. Однако, словно предупреждая движение женщины в направле-

нии двери, ее очень крепко схватил за предплечье Петр Михайлович, и, расправив на лице складочки, властно и с тем ласкательно сказал:

– Успокойтесь, Дашуня. Вас тут никак не заденут. Нам надо провести небольшой тест на реакции вашего мозга, а потом мы вас отпустим.

– Какой такой тест? – спросила Дарья, теперь дергая на себя удерживаемую руку, потому как совсем не любила какие бы то ни было тесты, осмотры, зачастую стараясь их избегать.

– Небольшой медицинский тест на реакции мозга. И не волнуйтесь я майор медицинской службы. Потому этот тест вам не навредит, я проконтролирую данный процесс, – добавил коротышка, настойчиво выдергивая из рук женщины рюкзак и протягивая его в сторону Юрия Анатольевича.

Капитан спецслужбы торопко привстал с дивана, и, прихватив из рук майора рюкзак, положил его подле на сидение. А Петр Михайлович между тем принялся расстегивать замок на куртке Даши и помогать ее снимать.

– Я думала, меня вызвали, чтобы допросить, – молвила Дарья, выуживая из куртки руки и оставляя ее саму в руках коротышки.

– Сначала тест, а затем если захотите, можем и допросить. Владимир Сергеевич в том большой мастак, – в шутливой форме отозвался Петр Михайлович, вызывая на губы женщины улыбку.

Как только и куртка была передана Юрию Анатольевичу и оказалась на диване подле рюкзака, Петр Михайлович оправил на Даше рукава голубой в тон джинсам рубашки, и, подхватив под локоть, повел к стоящему в правом углу помещения столу, усадив на деревянный стул с высокой тканевой спинкой. Он развернул стул таким образом, чтобы женщина смотрела на створку входной двери, поставив его немного диагонально. Затем выдвинул верхний ящик стола, где находилось небольшое устройство, на серебристой панели которого располагались маленькие световые датчики да мельчайшие клавиши, и, соединив его с ноутбуком, принялся вытягивать из самой поверхности технического средства тонкие белые проводки с укрепленными на их концах прозрачными пяточками. Сами пяточки он прижал к вискам, за ушами, по поверхности лба и даже на макушку головы женщины, потому последняя предположила, что ее будут проверять на полиграфе.

– Насколько я знаю, без моего согласия, вы не можете меня проверять на детекторе лжи, – дрогнувшим голосом проронила Даша, отклоняясь, когда майор попытался удлиненные, голубоватые с множеством присосок полосы укрепить вдоль линии ее носа.

– Не пугайтесь, это не полиграф, – останавливая свои движения, ответил Петр Михайлович. Он явственно в противовес капитану спецслужбы, пытаясь успокоить, говорил медленно, уверенно и мягко. – Хотя это техническое средство выполнит психофизиологическое исследование, но только работы мозга. Давайте, вначале проведем тест, – проронил он, ибо узрел, как рот женщины приоткрылся, жажда вновь, что-то спросить. – А погода я постараюсь ответить на ваши вопросы, Дашуня, – добавил майор, ласкательно произнося ее имя, и тем, определенно, желая успокоить.

Петр Михайлович укрепил голубоватые с присосками полосы и на запястья женщины, одел на голову беспроводные наушники, полностью поглотившие всякие сторонние звуки. И лишь после того как на экране ноутбука проступило темно-синее пространство неба с чуть вздрагивающей чертой, точно бьющейся жизни, да белыми вкраплениями созвездий по углам, одел Дарья на глаза черные, идущие полосой очки.

– Дашуня, – послышался голос Петра Михайловича из наушников. – Не волнуйтесь, пожалуйста, и расслабьтесь. Наблюдайте за сменой кадров.

А минутой спустя, перед глазами женщины и впрямь появились, замелькав, картинки, а в наушниках послышался высокий звук, иногда сопровождаемый звучанием струны

гуслей. По первому звук подали столь высокий, что он оглушил Дарью, и враз от него задребезжало в барабанных перепонках, выплеснувшись тягучей болезненной волной прямо в мозг. Однако погода боль вместе с дребезжанием осели, а на первый план выступило звучание одной струны гуслей, и мелькающие картинки, похоже, принесли на себе давеча просмотренные сны. Дарья это поняла, когда в их бегло сменяющемся темпе, смогла узреть отдельные фрагменты, эпизоды когда-то виденных городов, природных ландшафтов или отдельные образы созданий. Напряженно замерев, женщина старалась выхватить из потока мерцающих изображений саму сюжетную линию, чтобы сопоставить события, определить и различить одиночные фрагменты. От этого мощного усилия Даша, кажется, перестала слышать и саму звучащую, бьющую по ушам струну гуслей, будто мозг в попытке разобрать увиденное, отстранился от всего стороннего, и, очевидно, не существенного.

Внезапно звук в ушах взвился до запредельной высоты, от которого внутри головы все тягостно заскрежетало и тотчас остановилось движение картинок перед глазами, явив раскинутую черную поверхность космического пространства укрытую разноцветными, разрозненными туманами и стайками мельчайших, точно просыпанных чрез сито, сизовато-голубых звезд. Длинный, схожий с самолетом космический корабль с серебристым корпусом и проложенными по спинке голубоватыми полосами люков, только без крыльев, впрочем, имеющий фюзеляж, хвостовое оперение досель ровнодвигающийся через рыхлые, волокнистые туманности оранжевого цвета, внезапно застыл. Так, словно наткнулся на преграду, достаточно плотную. Еще пара секунд и из его слегка округлой головы вылез толстый серебристый бур. Он достигнув того невидимого препятствия, по-видимому, прозрачной стены упершись в преграду, принялся крутиться. Сначала бур вращался не быстро, словно наращивая обороты, однако, вскоре набрал надобную скорость и вроде как преобразился в ядреный яркий луч света, который стал медленно, но верно прожигать в той препоне широкую брешь.

Из-под серебристого луча-бура в разные стороны отлетали комки густого света, лоскуты пламени и ошметки какой-то твердой породы, схожей с камнем. Все эти отломки некогда единого целого, отскакивая от своего родителя, превращались в горящие сгустки, хвостатые светила-астероиды, в болиды и метеориты, порой смешиваясь с парящей округ оранжевой туманностью. Бур меж тем зримо прожег преграду, обнаружив в том месте почти черную дыру с тремя жидкими голубоватого отсвета языками. Все еще не убирая бура, космический аппарат неторопливо пополз в образовавшуюся дыру. Чудилось это вытянутое космическое судно с трудом протискивается сквозь незримую, прозрачную, тем не менее, дюже крепкую и плотную препону. Каждую секунду, с натугой замирая, вновь полыхая серебристым буром, и продолжая свое едва заметное движение, свое едва заметное исчезновение. Космический аппарат поколь был все еще виден и подобно живому организму изредка втягивал в себя отдельные части собственного тела, извивался, иль подталкивал свой ход хвостовым оперением, нервно изгибая приподнятый вверх конец. Так, что немного погодя в прожженной дыре сначала пропала его голова, затем весь корпус, а напоследок, чуть качнувшись, исчез и сам хвост. Не более трех-четырех секунд просматривалась прожженная дыра охваченная лепестками голубоватых размывов, но после данная поверхность дрогнула и резко стала сворачивать собственные окоемы, стремясь войти в единую точку, в центр и с тем поглотить, и саму горловину, и ее голубоватые, размытые лепестки.

А на место космическому пространству, когда-то виденному Дарьей во сне, пришла натянутая по его верхнему слою одинокая струна, тронутая щипковым движением кончиков пальцев. Струна нежданно мелко-мелко задрожала, а мигом спустя ее металлическая видимая закругленная грань, будто множественно напаянная друг на друга, принялась рваться, сниматься слоем за слоем, слезать как обветшала кожа, степенно превращая собственный корень в тонкую нить. Шелковистая, вроде только, что вытянутая из кокона тутового шелко-

пряда, нить теперь ощутимо завибрировала, и, дав, наконец, разрыв по своей поверхностной стороне, неожиданно выпустила из надлома малую частичку красного света, огонька, искры!

О, нет! мельчайшей пятиконечной, красной звезды. Один-в-один ассоциирующей с той, что когда-то носили октябрята Советского Союза на груди, с изображением маленького Володи Ульянова и с тем соотносившие себя с коммунистической партией великой страны. Звездочка, теперь разгорелась много ярче приняв прямо-таки рубиновый оттенок и свершив кувырок в воздухе коснулась одним своим лучиком носа Даши, зацепившись за его круглый кончик, насыщенно полыхнув светом и не просто ослепив ее глаза, а прямо-таки закупорив дыхание, застопорив биение сердца и течение крови в сосудах, застлав густой влажностью ноздри, легкие, гортань, склеив поверхность губ и ноздрей. Отчего допрежь недвижно сидящая Дарья резко вскинула вверх руки и принялась срывать с лица очки, с ушей наушники, стараясь освободить себя, свой мозг от оков, предоставить себе пространство для дыхания, место для движения и осознания происходящего.

Глава четвертая

Видимо, Дарья потеряла сознание и это впервые за тридцать два года жизни. Ибо в следующий момент, когда жидкий белесый туман заместился коричневым, под паркет, полом, а на смену стянутости дыхания пришло его дробное рокотание, четко расслышала взволнованный бас майора медицинской службы:

– Держите, держите ее руки.

Секундой спустя чередующийся с хрипло звучащим голосом Юрия Анатольевича:

– Володя, передай им все данные, чего ты тянешь?

Осознание приходило вяло и несмело, вроде мозг степенно включал свою работу, также как всегда медленно начиная собственный разгон, отчего еле-еле закончив первый и второй класс на четверки и тройки, в шестом даже в четверти, не больно-то и напрягаясь, Дарья не имела ни одной четверки. Кружащее же пространство с белесым, почему-то не оранжевым (как дотоль было видно), а именно белесым, дюже разрозненным туманом степенно заместилось на черные гладко начищенные, кожаные, туфли, опирающиеся на коричневый ламинированный пол, и прорезавшаяся склейность гортани, рта сменилась на неодолимую тошноту, скрутившую в тугой узел сам желудок.

– Дашуня, вы меня слышите? – послышался четкий вопрос исторгнутый Петром Михайловичем.

Непреодолимое желание вырвать, не столько на туфли майора, сколько вообще, привело к тому, что Даша резко дернула лежащей повдоль тела левой рукой и прикрыла рот. Лежала на правом боку, как оказалось, не только рука, но и сама женщина, на том самом темно-зеленом кожаном диване, с деревянными подлокотниками. Именно по этой причине она и видела пол и туфли майора, а также не менее лощенные туфли прохаживающегося подле шкафа Юрия Анатольевича. Впрочем, стоило ей вскинуть руку, как незамедлительно капитан спецслужбы остановился, а после, смыкая видимость, пред ней нависло лицо сидящего на диване Петра Михайловича с беспокойством, как оказалось в серых радужках глаз, спросившего:

– Дашуня, вам нехорошо?

– Сейчас меня вырвет, – чуть слышно через приткнутую руку отозвалась женщина, чувствуя как рвотные массы, выскочив из желудка, подкатили к самому рту.

Однако опережая их, перед глазами Даши возникла серая пластиковая корзина для бумаг, окутанная черным мусорным пакетом, точно выдернутая откуда-то или загодя заготовленная. Более себя не сдерживая, Дарья ухватила ведро правой рукой и склонив как можно ниже к нему голову принялась рывками рвать, ощущая одеревенение внутри желудка и стремительно вторившую, тем позывам, острую боль внутри черепа, мгновенно распространившуюся на лоб, виски, затылок и глаза. Ощущение многодневной, беспробудной попойки наполнило все тело женщины, и хотя она (как и многие другие) всегда писала, говорила о вреде алкоголизма, сама почасту тем грешила. Поутру мучаясь угрызениями совести, расстройством желудка и головной болью. Да только в состоянии легкой эйфории писалось всегда быстрее, а возникающие картинки были столь жизненными, четкими, что чудилось еще миг и можно будет коснуться того или иного создания рожденного на экране ноутбука степенно складывающимися словами, буквами и клацающими по клавиатуре пальцами. Поэтому Дарья знала, что такое похмелье.

Однако нынешнее ее состояние было не столько отходником от чрезмерно принятого спиртного, сколько сильнейшим отравлением. Так, что отстранив в бок корзину для мусора, она, откинувшись на диване на спину и сомкнула веки. Также разком почувствовав резкое сокращение мышц в конечностях, оцепенение распространившиеся теперь не только

по всему желудку, но и поднявшееся вверх по легким до бронхов, трахеи, гортани и горла, слегка отяжелив само дыхание. Липкий пот, пробив все тело, выступил на коже рук, ног, особенно плотно покрыв лоб и подносую выемку. Даша открыла рот и тяжело задышала через него, едва уловив разговор, происходящий в кабинете.

– Я переслал все данные, в течение минут пятнадцати они ответят. Потому ждем. Как она? – это сказал, определенно, Владимир Сергеевич, потому как его баритональный голос женщина слышала впервые.

– У нее поднялось артериальное давление, – ответил Петр Михайлович и влажной салфеткой утер лоб и губы Даши. – Необходимо его снизить, чтобы не вызвать нарушения мозгового кровообращения. Сообщите им о последствиях теста и запросите разрешения на проведение оперативных мер.

Майор слегка приподнял тяжелую голову женщины, и, подложив под шею, что-то плотное, тем самым немного облегчил в ней боль, вызвав возможность дышать через нос.

– Хорошо, – начальственно отозвался Владимир Сергеевич, впрочем, таким тоном, что сразу стало ясным, в этом кабинете старшим все же оставался и был он.

А Дашу внезапно срыву затрясло, словно все тело стал бить озноб, какой бывает при высокой температуре, и перед сомкнутыми глазами вновь появилась рубиновая звездочка, только сейчас не имеющая на своей поверхности изображение маленького Володи Ульянова. Вспять того она смотрелась объемной и свершающей значимые кувырки. Звездочка неожиданно врезалась в кончик круглого носа Дарьи (проступившего даже чрез тьму закрытых глаз) и замерла на нем, уткнувшись в кожу лучиком, принявшись парой секунд спустя, вибрируя, мигать, будто передавая сообщение. Женщина совсем немного неподвижно наблюдала за мерцанием рубинового света, а потом медленно подняла правую руку к носу, попытавшись схватить звезду. Только пальцы, даже не задев ее, прошлись по кончику носа вскользь, едва сбив с самой пятиконечной, объемной звездочки мельчайший оранжевого сияния песок. Сыпучие крупинки, тем не менее, хоть и слетели в сторону, не просыпались. Вспять того они зависли чуть ниже правого глаза да зараз принялись наматываться промеж себя в виде пружины. Также степенно распределяя по винтообразной изогнутости полотна весь осыпавшийся песок и вдобавок медленно склеиваясь в единое целое, образовывая сверло или бур подобный тому, что Дарья видела давеча на картинке с космическим аппаратом, прожегшим дыру в оранжевой туманности.

Впрочем, сейчас сыпучие крупинки, обратившись в оранжевый бур, просверлили горловину в темном пространстве сомкнутых глаз, явив с обратной стороны окрашенную поверхность потолка и укрепленную на ней бежевого оттенка люстру с декоративными вставками и пятью ярко пылающими лампами. Мгновением спустя оранжевый бур принялся накручивать на себя и сам потолок, и люстру, с пылающими стеклянными лампочками.

Резкая боль в момент наполнила весь мозг, всю голову и точно выплеснулась из ушей, глаз, рта и даже ноздрей насыщенным, однократным проблеском света. Теперь принявшись наматывать на кончик бура кожу, вытягивая ее с лица, с кончика носа, щек, расширяя дотоль узкие глазные щели, выживая отдельные полосы со лба и подбородка.

Эта невыносимая, острая боль сотрясла все тело женщины, или ей все досель испытанное лишь показалось. Так как в следующий миг времени она ощутила собственные пальцы на коже лица, вошедшие в сомкнутые веками глаза, щеки, расплющенный под поверхностью ладони нос. И тот же миг прорезалось понимание происходящего, также разком поглотившего в радужных кольцах, пляшущих перед глазами, оранжевый бур. Кто-то из мужчин, очевидно, Юрий Анатольевич ухватил ее за вжатую в лицо руку и с силой потянув в сторону, одновременно, удерживая на диване вздрагивающее рывками телом, гулко выкрикнул:

– Да, вколите же ей успокоительное, Петр Михайлович! Она сейчас вырвет себе глаза!

– Что делать, Владимир Сергеевич? – озабоченно прозвучал голос майора, наполнивший пространство вокруг женщины дрожащим силуэтом натянутых в разных направлениях струн гуслей.

– Колите, черт вас дери. Они не ответили пока, – глухо отозвался Владимир Сергеевич, и в мозгу Даши, что-то гулко щелкнув, приняло рвать на части наблюдаемые струны. Впрочем, точно разрывая на части, куски и сам головной мозг, снимая покрывающие его оболочки. Сначала мягкую, состоящую из рыхлой соединительной ткани, испещренную многочисленными сосудами, примыкающую к самому веществу мозга. Затем и вовсе тонюсенькую, называемую в медицине паутинной оболочкой, прилегающей к извилинам мозга. Высвобождая саму суть мозга – твердую оболочку, схожую с удивительным созданием. Черного цвета с чуть красноватыми тонами по бокам твердая оболочка мозга имела полусферическую форму, где сами края преобразовывались в шестнадцать коротких, замерших и направленных кончиками друг в друга, тончайших усиков (вроде ропалии) с голубоватым переливом.

Голова женщины ощутимо дернулась в бок, разрушая виденный изнутри мозг, и возвращая ее в настоящий миг, высвобождая наблюдение окрашенной поверхности потолка и укрепленную на ней бежевого оттенка люстру с декоративными вставками и пятью ярко пылающими лампами. Над Дарьей тот же миг проступило круглое, упитанное с бело-молочной кожей лицо Петра Михайловича, беспокойно уставившимися в нее маленькими глазками, а узкие губы, ограняющие небольшой рот, шевельнувшись, разрушили, дотоль правящую, тишину, встревожено вопросив:

– Дашуня, как вы себя чувствуете?

Сейчас в нос ударил острый, кисловатый запах спирта, и Дарья, скосив глаза, увидела стоящий подле дивана стул и лежащий на нем открытый кожаный дипломат, в коем находились упакованные шприцы, ампулы, бинты, рулонная вата и даже небольшие темно-коричневые пузырьки.

– Сейчас лучше, – отозвалась Даша, все еще не выпуская из наблюдения, коричневый пузырек на котором майор медленно закручивал крышку, одновременно, другой рукой придерживая ватный тампон на вене ее локтевой ямки правой руки.

– Как я ее повезу? Ты предлагаешь мне Владимир, если с ней, что-то случится в полете держать потом ответ перед ними? – послышался явственно раздраженный голос Юрия Анатольевича, а затем он, вероятно, шагнув, нарисовался стоящим возле шкафа. – А если у нее в дороге вновь начнется этот припадок или поднимется давление. Что я буду делать? Это пять-шесть часов пути, да еще и перелет. Пускай Петр Михайлович отправляется со мной, он все-таки врач.

– Замолчи, – пророкотал достаточно сурово Владимир Сергеевич, сейчас и он появился в поле видимости Даши, обойдя сидящего на диване майора со спины и воззрившись в ее лицо. – Чего ты запаниковал. Везти придется тебе, ты же знаешь Юра их распоряжения. Петр Михайлович вколет ей сейчас указанное ими лекарство, и она уснет.

– Одновременно, толимил нормализует артериальное давление и частоту сердечных сокращений, как сказано в их представлении, – дополнил Петр Михайлович, и, убрав пальцы от ватного тампона на локтевой ямке, согнул руку женщины в локте, слегка ее придержав. Он широко и ласково улыбнулся смотрящей на него Даше и поддерживающе кивнул, точно старому знакомцу.

– Кого везти и куда? – шевельнув несколько одеревеневшим на кончике языком, спросила Дарья.

Она продолжала лежать на спине, а под головой все еще находился какой-то сверток, видимо, ее куртка, потому как шея затекла, распространяя легкое покалывание вдоль позвоночника, вплоть до поясницы.

– Неудобно лежать? – вопросом на вопрос откликнулся Петр Михайлович, приметив, как слегка выгнула женщина шею, подав голову назад.

Он торопливо приподнял ее голову, и, сместив сверток выше, уложил Дашу в более удобную позу так, что мгновенно пропало покалывание в позвоночнике, осталось только тянущее состояние в пояснице, увы! последствия когда-то не долеченного миозита поясничных мышц.

– Все будет благополучно, – молвил Петр Михайлович, как поняла Дарья, направляя это толкование в сторону шагнувшего ближе к дивану капитана спецслужбы. – Не волнуйтесь, Юрий Анатольевич. Они знают, что нужно в таких случаях внутривенно вводить, потому как, и, это, очевидно, заинтересованы в Дарье Александровне. Сами же видели, даже не пришлось ждать положенного времени, а ведь тест, как я подметил, по показаниям ничего не дал. Лишь вырвал единичные реакции на поверхностные шумы и изображения. Никогда не пойму, каким образом они различают те или иные показатели работы мозга и вообще, что в них видят.

Майор медицинской службы слышимо усмехнулся и нежно огладил лоб Даши, да оттянув нижнее веко на правом глазу, заглянул в его недра. Его серые радужки глаз внезапно пошли малой волной, качнув на них черные зрачки, в свою очередь, живописав наполненный ярким светом летний день, неограниченное пространство бурой земли, покрытой бетонными надгробьями, деревянными крестами и мраморными памятниками. Кажется, секундой погодя, показав темно-красный гроб и лежащее в нем обряженное в белое венчалное платье тело юной девушки с неестественно желтым цветом лица.

– А! – громко вскрикнула Даша и мотнула головой в сторону, разрушая виденный погост, и отворачивая сам взгляд от глаз майора. Отчего кончики пальцев Петра Михайловича удерживающие ее правое нижнее веко, торопливо раскрывшись, скользнули по щеке.

– Все равно надо жить, – прошептала женщина, и сама не понимая, что и зачем говорит, однако, ощущая затаенную боль, живущую в этом мужчине, а может только в ней. – Несмотря не на что, Петр Михайлович, несмотря на смерть близких, родных, детей. – Дарья вновь вернула взгляд в исходное место, только не стала заглядывать в глаза майора, лишь уставившись на его удлиненный нос с расщепленным кончиком, как и у умершей девушки. – Ибо жизнь это единственное, что есть. Того света нет и никогда не было, это все человеческая выдумка, чтобы уменьшить боль от потери близких, чтобы иметь возможность с ними встретиться, попросить прощение, прикоснуться. – Женщина теперь тяжело вздохнула, будто ей придавили само горло, и не в силах смотреть на дрогнувшие черты лица майора, сомкнув веки, все также неосознанно договорила, – хотя бы раз прикоснуться.

На глаза Даши разком навернулись слезы, и, просочившись через сомкнутые веки, выступили из уголков, лениво принявшись бежать по щекам. И в Дарье вновь всколыхнулась до сих пор испытываемая боль от пережитой потери, а на смену ей опять же мгновенно явилась отстраненность от собственных близких, притупившаяся нежность к сыну и родителям, словно итог в понимание неизбежности происходящего и конечности всего существующего. Того, что будет невозможно вернуть, изменить, избежать, что придется принять. Невозможности, вследствие хода жизни, рождения и смерти не только самой планеты, системы, но и даже малой ее частички человека.

Потому, даже сейчас, стараясь отодвинуться от прозвучавших слов:

– Что вы сказали Дашуня? По поводу детей? – озвученных дрогнувшим голосом Петра Михайловича, Дарья не отозвалась. Она всего-навсего качнула головой, ибо и сама не понимала о чем только что говорила, и зачем обобщенно это сказала. Может, просто ощутив в этом смеющемся, почасту улыбающемся майоре мощную боль от когда-то пережитой боли, а может, всего-навсего переложив свою боль на него.

Она открыла глаза снова, когда Петр Михайлович (так и не дождавшись от нее ответа) выпрямил ее правую руку и обильно смазал локтевую ямку руки спиртом, после принявшись набирать шприцом зеленовато-сизое лекарство из пластиковой ампулы. Только сейчас, глядя на пухнувший от зеленовато-сизого лекарства шприц, Даша внезапно осознала (словно переварив разговор мужчин), что толмил вколует ей, чтобы она уснула, и ее смогли куда-то увезти. Потому она, резко поднявшись с дивана, села и также стремительно подалась вперед всем корпусом тела, жаждая обогнуть сидящего подле Петра Михайловича и стоящего позади него Владимира Сергеевича.

– Э! Куда? Куда? – первым будто пробудившись, вскричал Петр Михайлович, и, подскочив с дивана, отвел в сторону уже полный лекарства шприц, тем самым высвобождая место рядом с женщиной Владимиру Сергеевичу. Тот немедля отреагировав, шагнул вперед, и достаточно грубо схватив Дашу за плечи, с силой повалил на диван. Одновременно, предплечьем собственной руки он надавил на грудь и горло, притиснув своим весом женщину к поверхности сидения. Петр Михайлович попытался поймать дергающуюся руку Дарьи, однако, опережая его, это сделал Владимир Сергеевич. Свободной рукой, он перехватил ее правую верхнюю конечность, и, распрямив, сдержал в не менее мощной хватке.

– Не придушите ее, – встревожено дыхнул майор, снова обрабатывая ватным тампоном локтевую ямку правой руки Даши, да очень медленно вводя конец шприца в вену, также неторопливо, малыми порциями инъецировал в нее зеленовато-сизое лекарство.

Дарья, несмотря на придавленность верхней части корпуса, все то время, что вводили лекарство яростно дергала ногами, стараясь вздуть колени и шибануть ими в спину Владимира Сергеевича. Но последний явно не раз справлялся со всякими брыкающимися, лишь плотнее придавил нижние конечности Дарьи к стенке дивана, собственным коленом, тем самым упреждая ее движения. Он ослабил хватку немного погодя, когда Петр Михайлович, вновь обработал вену женщине, и, прижав ватный тампон к выемке, согнул в локте руку, опускаясь подле.

– Я, вас Юрий Анатольевич, могу сопровождать до Архангельска, если Владимир Сергеевич позволит, – отозвался майор, когда Дашу перестали удерживать, и она резко села на диване. – Все равно сегодня больше никого не удастся осмотреть. Да и я согласен с вами, Юрий Анатольевич, так будет спокойнее за здоровье Дарьи Александровны. А завтра начнем обследование в Костроме, я посмотрел список, там, около десятка заявленных.

Даша внезапно яростно качнулась, а удерживающую голову шея и вовсе дрогнула, мгновенно ослаб и весь позвоночный столб так, что если б не подхватившее ее руки Петра Михайловича, определенно, шлепнулась плашмя на диван.

– О! Спокойнее, тише, Дашуня, – ласково произнес он, бережно укладывая женщину на диван и поправляя под ее головой куртку.

– Хорошо, – лениво произнес Владимир Сергеевич. Он так и не отошел от дивана, внимательно наблюдая за движением Дарьи. – Сопроводите их, Петр Михайлович, до Архангельска. На Зенит, впрочем, не ездите, в пропуске вы не заявлены. Подождете в гостинице Юрия Анатольевича, а потом полетите вместе с ним в Кострому.

Слабость сейчас окутала все тело женщины. Пропала сила не только в руках, ногах, похоже, и само туловище смягчилось в мышцах, расслабилось и даже дыхание стало степенно снижать свой временной промежуток, делая медленный вздох и не менее продолжительный выдох.

Петр Михайлович, меж тем смочив ватный тампон, вновь протер локтевую выемку на руке Дарьи, распрямляя ее и укладывая себе на бедро, но лишь затем, чтобы сильнее закатать на ней рукав рубахи, почтай до плеча и достать из дипломата автоматический тонометр. Обернув манжету вокруг руки, чуть выше локтевого сгиба, он принялся нагнетать в нее воздух, ощутимо сжав саму поверхность руки в крепкие силки, отчего внезапно слышимо

для Даши внутри груди неторопливо пару раз отозвалось биением сердце. Впрочем, уже в следующий момент майор начал стравливать воздух из манжеты, одновременно, наблюдая за показаниями электронного манометра лежащего на диване.

– Вот и ладушки, Дашуня, – произнес майор, достаточно низким голосом, словно стараясь загладить собственную вину перед женщиной. – Давление у вас нормализовалось. Как говорится, стало как у космонавта.

Слышимо хохотнул отошедший от дивана в направлении окна Владимир Сергеевич, вроде как заслоняя дневной свет, дотоль блекло наполняющий помещение.

– Не увозите меня, пожалуйста, – просяще молвила Даша, неожиданно ощутив в шутке предостережение. Она распластала на ноге майора ладонь и надавила подушечками перст на поверхность бедра, стараясь, вроде как ухватится за него. – Пожалуйста, у меня маленький сын, – теперь и вовсе всю ее пробила острая волна паники, безысходности и бессилия, не столько физического, сколько морального. – Ваша дочь, – голос Дарьи значимо снизил звук, а поперед глаз проплыло белесое облако.

– Моя дочь, – едва донеслось до женщины звучание баса Петра Михайловича, и он ощутимо принялся снимать с ее руки тонометр. – Не на много старше вашего сына, почему вы о ней сказали? и откуда знаете, что у меня дочь?

Белесое облако теперь поглотило все пространство вокруг Даши, оставив только четкое слуховое восприятие, посему уже в следующий момент до нее долетели слова, сказанные Владимиром Сергеевичем:

– Успокой ее. Скажи, что мы сообщим ее родным об отъезде.

– Она уже не слышит, уснула, – словно из глубины доплыл голос Петра Михайловича. – Интересно откуда она узнала, что у меня дочь? – это он молвил тревожно, и тотчас пред глазами Даши проплыла картинка, наполненная солнечными лучами летнего дня, будто отраженного от неограниченного пространства бурой земли, покрытой бетонными надгробьями, деревянными крестами и мраморными памятниками. Стоящий возле глубокой пустой могилы темно-красный гроб и лежащим в нем телом юной девушки, одетой в белое венчалное платье. Девушки так похожей лицом на Петра Михайловича, таким же круглым по форме, с маленьким ртом, узкими губами (точно растянутыми в улыбке) и удлиненным носом имеющем расщепленный кончик, однако, как и присуще мертвым людям с желтым цветом кожи.

А секундой спустя мертвое лицо девушки сменилось на смеющееся личико Павлушки, Пашуни, Панички, как его величали, любимого и единственного сына Даши. Круглое, полненькое, как у мамы, оно глянуло на нее двумя крупными серо-голубыми глазками, обрамленными длинными темно-русыми ресничками и изогнутыми негустыми бровками. Прямой с широкими крыльями нос и небольшой рот с четко выраженной галочкой на пухлой верхней губе, растянувшись в улыбке, явил глубокую ямочку, залегшую на левой щечке. Звонкий смех Панички загасил все сторонние звуки, и даже голос Владимира Сергеевича, сказавшего:

– Спит, тогда собирайтесь. Места в самолете уже забронированы.

К смеху сына прибавилось его четкое изображение, одетой в голубую курточку и синие джинсы коренастой фигурки. Плещающего обутыми в белые кроссовки ножками по широкой луже, покрывшей сверху серый асфальт, и ссыпающего на его густые, русые волосы с медным оттенком крупные капли дождя. Павлушка резко качнул головой вправо-влево и сейчас же капли прицепленные к его давно нестриженным волосикам разлетелись в разных направлениях, неспешно вращая своими округлыми формами и с тем принимая на свои прозрачные бока рубиновые лучи света, спущенной с крупной красной звезды, зависшей где-то справа.

Резкая боль теперь пробила не только мозг, но и все тело Дарьи, на мгновение вернув ощущение времени, и тотчас она услышала приглушенный голос Петра Михайловича:

– Сейчас сделаю ей укол. У нее, очевидно, было какое-то повреждение мозга, а может даже опухоль или киста, потому такие судорожные приступы. Очень плохо, что это случилось уже в дороге. Хотя бы вы успели Юрий Анатольевич доехать до Зенита без повторных приступов.

Глава пятая

Даша пришла в себя от легкого покачивания, точно взяла на руки дотоль снившегося ей Павленьку, а он цепко ухватив ее за шею, крепко прижался. Чем и вызвал то самое покачивание вперед-назад, ибо к пяти годам был крепким бутузом. Чувство оцепенения (как сравнил бы человек душевного онемения или правящей в нем утраты) такого которое бывает от потери близкого, любимого, неважно его ли смерти или только подлого, злого предательства, наполнило Дарью горечью и обидой. Не то, чтобы она не могла жить без бывшего. Просто дотоль едва пережитая боль от смерти полуторагодовалой, старшей дочери (умершей от осложнения после прививки), заслонила заботой о рожденном Пашуле, особым болезненным попечением о его здоровье, создании идеальной семьи, чистоты, уюта и радостью приготовления чего-нибудь вкусненького. Нежданно, именно вдруг все ее хлопоты вылились в предательство, не менее жуткое, чем смерть Любавушки, когда заглянув в карие глаза Виктора, Дарья прочитала там приговор собственной семье и ее чувствам.

– Люблю другую, – прозвучало из его уст, точно перечеркивая прожитые года, потерю дочери, рождение, как надежду – сына, и его давешнее двухлетие.

Нет, Даша, не стала психовать, кричать, просить, она, молча кивнув, ушла в комнату к сыну, чтобы прижав его русую с медным оттенком волос головку к собственной груди, прикусив верхнюю губу, ждать.

Ждать, когда Виктор соберет свои вещи в сумку, также, молча, покинет ее дом, хлопнув громко дверью. Потом будет страшная ночь и горькие, наполненные воем рыдания, опрокинутые в немую, глухую подушку. Потом будет болезненный развод, в котором бывший окажется столь меркантильным, что разделит все нажитое, включая мебель, посуду и даже постельные принадлежности. А после три года тишины, два или три денежных почтовых перевода, да один звонок на пятилетие Пашули с поздравлением по поводу его дня рождения.

После сумбурно тяжелого расставания, потери дочери почитай и не осталось веры в себя, лишь появившееся за год до развода творчество, не столько приглушало боль, сколько просто от нее отвлекало. Вместе с тем внутри Даши, появившись, поселился страх указывающий, что веры в мужскую половину не осталось. Даже сама мысль о крепком мужском плече, почему-то вызывала горькие воспоминания, как упавшие на кофейного цвета ковролин голубые, махровые полотенца Виктор торопливо засовывал в черную с белыми широкими полосами сумку.

И еще!

С тех самых пор, хотя вернее раньше, с момента, когда гвоздями заколотили маленький гроб, навечно отделивший от нее Любушку, в Дарье появилось чувство временности. Осознание всего законченного, завершено, не имеющего продолжения. Ощущения праха. «Все идет в одно место: все произошло из праха и все возвратится в прах», – именно эти слова Библии, почасту отзывались в мозгу женщины, пониманием ограниченности времени, чувством четко выверенного этапа жизни, имеющего уж слишком короткий срок действия.

Голова Даши сызнова качнулась взад-вперед, а десятком секунд спустя пришло осмысление, что она лежит на заднем сидении автомобиля, на левом боку, поджав ноги в коленях. Это она поняла, еще даже не открыв глаза, определив только по гулу двигателя, и особому запаху каковой был насыщен едким духом бензина и приторной кожаной, довольно пыльной обивки сидений.

Резко открыв веки, она, вздев взор, оглядела сидящих на передних сидениях автомобиля людей, угадав в одном из них, по чуть плосковато-округлой макушке голову Юрия Анатольевича. Неспешно спустив ноги вниз, женщина, поднявшись с сидения, села и тотчас увидела встревоженный взгляд, мелькнувший в зеркале заднего вида капитана спецслужбы.

Ее слегка качнуло назад и Дарья разком прислонилась к спинке сидения, сейчас более осмысленно оглядевшись. Притом приметив удобные черные кожаные сидения с высокими подголовниками, округлую панель приборов указывающих на салон достаточно дорогого автомобиля с элегантно-красивым интерьером, хотя и очень прокуренного внутри. Сквозь тонированные стекла задних дверей просматривалась охваченная с двух сторон плотными рядами хвойных деревьев дорога, местами освещенная разрозненным светом, падающим от невысоких фонарных столбов, и тем явно указывающая на наступившее ночное время суток. Легкий озноб пробил Дашу с головы до ног, вызвав крупные мурашки на коже и это несмотря на одетую куртку, и дотоль прикрытые шерстяным пледом ноги, при подъеме упавшем вниз на ворсовой коврик. Юрий Анатольевич сидящий справа от водителя торопливо выглянул из-за сидения и тот же миг внутри салона вспыхнул свет, осветив и саму женщину, и салон, как оказалось не черный, а серебристого оттенка.

– Как вы себя чувствуете, Дарья Александровна? – нескрываясь обеспокоенно спросил Юрий Анатольевич, оглядывая женщину с головы до ног. – Укройте, потому как снаружи прохладно, – отметил он, и, просунув через сидения руку, поднял с коврика плед, натянув его до талии Даши.

– Куда мы едим? – не отвечая на вопрос капитана, впрочем, подхватывая края пледа и натаскивая его почти до плеч, отозвалась Дарья.

– Скоро приедем. Я только очень вас прошу, Дарья Александровна не бузите. Мы в полете несколько раз снимали с вас судорожные приступы, – достаточно скоро и очень низко, вроде успокаивая, молвил Юрий Анатольевич, распрямляя полы пледа на коленях женщины. – Но тогда был Петр Михайлович, сейчас его нет, и если начнется приступ, придется вам терпеть до самого прибытия. И, поверьте мне, это надо увидеть. Увидеть, нет смысла, что-либо рассказывать.

Дарья туго вздохнула, вновь озябши передернув плечами, и перевела взгляд с лица капитана спецслужбы на стекло. А он, словно обрадовавшись, вернулся в исходную позу, только продолжив наблюдение за женщиной через зеркало заднего вида. За окном же деревья прекратились, и появилась огромная в размахе местность, теперь ничем не ограниченная. На коей немного погода, однако, стали проступать длинные и единожды высокие металлические ангары. Сама местность продолжала демонстрировать удивительно ровную асфальтную поверхность, насыщенно освещаемую сверху, сейчас стоящими в удалении, высокими фонарными столбами.

Даша подалась к самому дверному стеклу, вжавшись в него носом, стараясь разглядеть находящуюся за ним местность. От резкого движения на глаза наплыл серо-черный туман, схожий с тем, что нежился в ночном небосводе, вроде смыкая сами звезды. И пронзительная боль застучала в висках, а после кровавым привкусом стала ощущаться во рту. Еще не более минуты и из обеих ноздрей широкой струйкой потекла кровь. Женщина торопливо хмыкнула носом, и, отклонившись от стекла, приподняв голову, приткнула тыльную сторону ладони к ноздрям, стараясь перекрыть ее поток, переправив его в рот. Так почасту поступая, ибо в детстве обладая слабой слизистой, страдала кровотечением из носа.

– Что случилось? – спросил Юрий Анатольевич, вероятно, услышав хмыканье женщины, и вновь выглянул из-за сидения.

А мозг Даши внезапно ярко полыхнул сиянием голубоватого света, расчертив пространство во всех направлениях и вовсе тонкими лучами, и вроде как наполнил дробной болью саму голову. Миг спустя разрезав сам мозг на две части, правую тяжелую и левую одеревеневшую.

Капитан спецслужбы торопливо протянул женщине свернутый в рулон сине-красный платок, вынув его из кармана, и демонстративно недовольно молвил:

– Возьмите платок. Сколько с вами мороки, в самом деле. Впервые такой беспокойный заказ у меня.

– Заказ, – мгновенно отозвалась Дарья, наполняя свою речь язвительностью. – Просто замечательно, что мне, наконец, подобрали название. И просто-таки замечательно, что меня в этом же и обвинили. Точно я просила меня увозить и колоть всякую дрянь.

Дарья значимо повысила голос на последней фразе, указывая тем самым, что в исходящем вину должен ощущать Юрий Анатольевич, днем неизвестно зачем явившийся к ней на работу. Впрочем, она взяла у капитана платок и приткнула его к носу, ощутив как он в доли секунд напился тягучей, будто ее мысли, вязкой кровью, вытекающей, похоже, из самого мозга. Того самого черного цвета с чуть красноватыми тонами по бокам твердой оболочки имеющей полусферическую форму, где сами края преобразовывались в шестнадцать коротких, замерше-неподвижных и направленных кончиками друг в друга, тончайших усиков (вроде ропалии) с голубоватым переливом.

Открытого, точнее даже вскрытого путем отслоения двух верхних оболочек, покрывающих его сверху. Сначала мягкой, состоящей из рыхлой соединительной ткани, испещренной многочисленными сосудами, а после тонюсенькой, называемой в медицине паутинной оболочкой, прилегающей к извилинам мозга, дотоль вязкой, розовой материи.

Ехали еще минут десять-пятнадцать в полной тишине, лишь изредка сопровождаемой хлюпающим носом Дарьи. Юрий Анатольевич не менее часто зарился в зеркало заднего вида, оглядывая женщину и явно волнуясь за ее состояние. А свет от фар транспортного средства все более четко освещал пространство извне, посему водитель, напоминающий Дарье безмолвного робота, точно сливался с тенью отбрасываемой ангарами. Немного погодя исчезли и сами помещения, служащие для стоянки самолетов или других летальных судов, живописав мощное пространство, лишённое каких-либо построек, однако, ярко освещенное сверху. Свет был столь насыщенным, что водитель выключил фары, автомобиль буквально минут пять спустя, сделав разворот, остановился, стих звук двигателя и Юрий Анатольевич бойко отворив дверь, покинул машину. Впрочем, только для того, чтобы передернув плечами отворить дверь перед Дашей. Зябкий, промерзлый ветер лизнул не только поверхность пледа, но и само лицо женщины, оставив на нем мельчайшие капли росинки.

– Дарья Александровна выходите, – приглушенно сказал капитан, и женщина впервые уловила в его голосе прозвучавший тугой зябью страх.

Откинув в сторону плед, Даша неторопливо вылезла из салона автомобиля, и, шагнув вперед (дабы была возможность сомкнуть дверь), враз замерла, напряженно вздрогнув и не столько от холодного ветра лизнувшего все ее тело, сколько от увиденного. Ибо в непосредственной близости в воздухе нависала огромная в диаметре круглая платформа, минутой погодя распознанная, как обшивка космического (определенно, космического) корабля, полностью заслонившая небосвод. Густо заполненная по полотну металлической обшивки голубоватым сиянием, тем кое и распространялось вокруг, освещая и саму местность, и площадку, и, похоже, удаленные ангары. По этому голубоватому пространству света, едва перемещалась в разных направлениях мелкая рябь, схожая с волнением на водной глади, в виде не только окружностей, но и множества мельчайших точек, тонких линий, очевидно, выпускаемых из более насыщенного по цвету ярко-синего объемно выпирающего пятнышка, слегка различимого, где-то по центру.

Дарья никогда не интересовалась всеми этими рассказами об инопланетянах, считая их всего-навсего выдумками. Однако, сейчас, узрев нависающее космическое судно, моментально осознала, что это был корабль не землян. Вероятно, потому ее правая рука, дотоль прижимающая платок к носу резко упала вниз, а кровь из ноздрей стала сочиться, заливая не только губы, но и сам подбородок. Все еще неосознанно она сделала шаг назад,

когда Юрий Анатольевич, закрыв дверь машины, торопливо ухватил ее под левый локоть, и, вспять того, потянул вперед в направлении объемно выпирающего синего пятна.

Впрочем, Дарья опять же разком остановилась, попутно пропустив, видимо, в треснувшем на части мозгу всего пару коротких мыслей:

– Не может быть. Наверно это сон или галлюцинация. Галлюцинация, вызванная передозировкой лекарств.

И, чтобы разрушить такое очевидное явление обмана Дарья сомкнула веки, туго качнувшись взад-вперед. И снова почувствовала, как острая длинная и, одновременно, тонкая, подобно натянутой струне, боль разрежала голову на две части. Ощутимо отделяя теперь затылочную часть от всего иного, и вылившись дробными ударами в виски да стремительно скрутившими мышцы пальцев на правой стопе ноги.

– Надо дойти до определенного места, чтобы они увидели наше прибытие, – издалека доплыл до женщины голос Юрия Анатольевича, вновь ставший приятным, низким с легкой хрипотцой, направленной на очарование слабого пола.

Капитан спецслужбы, вероятно, ощутив слабость в Даше, придержал ее теперь и за талию, да медленно потянул вперед. И ведомая тем движением она достаточно скоро ступила, сделав сначала один, а после другой шаг, степенно обретая уверенность в собственных ногах. Потому погода пошла хоть и рывками, все же проворнее, однако, каждый раз стараясь остановиться.

– Что это? – спросила Дарья, так, Впрочем, и, не снизив бойкости шага, да открыв глаза, уставилась на нависающее над ними дно корпуса судна.

Более насыщенное по цвету ярко-синее объемно выпирающее пятнышко (различно расположенное по центру корпуса судна) внезапно свершило вращательно круговое движение, будто раскручивая пробку с бутылки, и выпустило вниз, медленно опускающуюся широкую, серебристого свечения, платформу, на самом кончике удерживающую двух неподвижно стоящих людей.

– То о чем молчат правительства и судачит желтая пресса, – отозвался Юрий Анатольевич, и, оглянувшись назад, точно соизмеряя пройденное, остановился. Так, что продолжающая идти Даша сдержала поступь лишь парой шагов спустя, теперь слегка обойдя его.

Впрочем, капитан торопливо потянул ее назад, сразу за локоть и талию, и, прижав к себе, плотнее приобнял, ибо в следующую секунду Дарья качнулась значимо сильнее. Серый густой туман сокрыл пространство вокруг, а мелко-мелко задрожавшая струна, точно касающаяся ее мозга, сразу же принялась срезать отслоения двух верхних оболочек, покрывающих его сверху, каждым таковым движением доставляя нестерпимую боль, от коей ослабли ноги в коленях, и повисли точно плети руки, а из разжавшихся пальцев вниз упал окровавленный платок.

Даша надрывно вздохнула, когда Юрий Анатольевич слегка дернул ее вверх, тем самым возвращая в настоящий момент, заодно, данным толчком вернув способность стоять. Платформа, теперь достигла самого бетонного (как казалось покрытия площадки), и в ней будто в зеркале отразилась с голубоватым мерцанием обшивка судна, а сошедшие с ее края люди направились навстречу стоящим женщине и капитану спецслужбы.

– Этого не может быть, – чуть слышно дыхнула Дарья, будто откликаясь на молвь Юрия Анатольевича, только что достигшего ее слуха.

– Я тоже так вначале думал, – также негромко отозвался капитан и так как шедшие им навстречу люди обрисовались много четче, выпустил из объятий женщину, ступив единожды в бок и тем, отделив себя от нее.

Впрочем, идущих существ, сложно было назвать людьми в привычном для Дарьи понимании. Оно как это хоть и были человекоподобные создания, имеющие туловище, голову

и две пары конечностей с тем, однако, разнились с Гомо Сапиенсом, человеком разумным, вида рода Люди, проживающим на планете Земля.

Первое, что бросилось в их формах в глаза женщине, это довольно-таки длинная, тонкая шея, удерживающая на себе небольшую круглую, с вытянутым, узким, расщепленным надвое подбородком, голову. Потому зрительно шея образовывала дугу и изгибала саму спину. Голова в верхней половине черепа смотрелась объемной, немного расширенной, схожей по форме с перевернутым плодом, грушей. Достаточно приятными были их лица, с небольшим, можно сказать даже слабовыраженным носом, впрочем, имеющем две круглые ноздри и костисто-выступающую спинку, и вовсе маленьким ртом (вряд ли достигающий четырех сантиметров) с округлыми черными губами, в тон крупным миндалевидным глазам и впадинам на месте ушей. Серо-вошенная кожа инопланетян чуть-чуть светилась, точно была обильна натерта не только воском, но и сверху смазана жирным кремом. Эти, коренастого сложения, создания смотрелись столь высокими, что даже Юрий Анатольевич со своим не менее ста девяносто сантиметровым ростом глянул на них снизу вверх. Их безволосые головы на округлой макушке имели серебристый, овальной формы выпуклый рисунок в виде какого-то растительного узора, а тела были плотно обтянуты светло-синими комбинезонами так, что манжеты доходили до самих больших пальцев пятипалой ладони, а ворот укрывая шею, поддерживал голову, подпирая подбородок.

Плотно прижимая к бокам длинные, почти до колен, руки инопланетяне подошли к Даше и капитану, остановились напротив, в непосредственной близости, едва разделив этот промежуток шагом их мощных, долгих и весьма ровных ног. И тотчас перевели взоры с лица Юрия Анатольевича на женщину. Их миндалевидные глаза, имеющие лишь черную радужку, внезапно блеснули, явив совсем маленькие, не больше крупинки белые зрачки. И также резко, как они уставились на Дарью, та энергично ступила назад, да от острой боли в голове, тягостно качнулась. Кровь, из носа, дотоль сдержавшая свой бег моментально выплеснулась из обеих ноздрей и вовсе каким-то студенистым, плотным потоком.

Тот, серо-вошенный инопланетянин, оный остановился напротив женщины, торопливо перевел взгляд на текущую кровь, и, шагнув вперед, вздев руку, бережно ухватил ее за плечо, придерживая от раскачивания. Его нежно-крепкая хватка будоражище сказала на Дарье, отчего ноги последней (допрежь дрожащие в коленях) мгновенно окрепли, а в приоткрывшийся рот энергично плюхнулись вязкие потоки крови, на чуток перебив дыхание.

– Мне надо будет ждать? – достаточно тихо спросил Юрий Анатольевич, и в голосе его Даша уловила не просто уважение, а колеблющийся ужас.

– Конечно, – ответил ближайший к нему инопланетянин, переводя на него взгляд, и притушивая внутри черных радужек подобие белых зрачков. – Ведь необходимо будет подписать передаточный акт, – легкое дребезжание наполняло его голос, вызывая зримую вибрацию всего тела и подергивание, будто подвешенной к шее головы. – Однако мы не можем сейчас приступить к обследованию данного субъекта, потому как ожидаем прибытия Наблюдающего. Посему вам придется ждать, и естественно, перебросить транспортное средство, на котором вы прибыли, в дальний район к постройкам, – едва качнув головой в сторону все еще одиноко стоящего вдали на площадке автомобиля. – Абы прилет Наблюдающего пройдет в ближайшие десять минут.

Дарья резко дернула левым плечом стараясь вырвать его из хватки инопланетянина, и не менее стремительно сделала шаг назад. Впрочем, немедля вернулась в исходное место, так как хватка серо-прозрачного не позволила отойти, сдержав ее движения.

– Замечательно, – возвращая присущую себе едкость общения, молвила Даша. – Сначала я заказ, теперь уже субъект, еще, вероятно, малость и превращусь в товар.

И тотчас взгляд второго, толковавшего с капитаном инопланетянина прицельно ударил в голову Дарьи, вроде пробивая в черепной коробке дыру и заглядывая внутрь, дабы поковы-

ряться в мозгах, вызнать, подчинить или только окончательно снять висящие кусками оболочки с его поверхности. Осознание, что ее хотят подчинить себе через эту дырку пришло также моментально. И, чтоб того не допустить, Даша более настырно дернулась из хватки инопланетянина (вложив в этот порыв всю свою мощь) да, одновременно, взмахнула правой рукой не столько загораживаясь от взглядов, сколько стараясь разрушить установившуюся меж ней и ими связь. И тотчас достаточно громко, не скрывая досель испытываемой боли, а вспять выплескивая ее на них, крикнула:

– Не смейте! Не смейте ковыряться в моих мозгах! Не имеете на это прав!

Она вновь взмахнула правой рукой, засим выставя вперед ладонь и закрывая собственное лицо от взора инопланетянина и с тем опять же мгновенно ощутила, как натянутая в недрах головы струна (досель вибрирующе касающаяся ее мозга) слышимо звякнув, разорвалась, выплеснувшись болезненной судорогой в лодыжку левой ноги. И, чтобы, устоять на ногах женщина торопливо схватилась за удерживающую ее руку серо-вощенного, подняв правую ногу и нагрузив зашедшуюся в судорожном приступе левую, явственно притом качнувшись взад-вперед.

– Дарья Александровна, успокойтесь, пожалуйста, – немедля прозвучал не менее дребезжащий голос поддерживающего ее инопланетянина, а во взоре его Даша уловила особую тревогу. Он протянул навстречу ее телу и вторую руку, да приобняв, придержал еще и подмышкой.

– Не нужно так тревожиться, Дарья Александровна, – вставил стоящий напротив капитана серо-вощенный, дотоль дырявящий ее взглядом и значимо качнул своей грушеподобной головой, точно вытряхивая оттуда, что-то. – Мы не причиним вам вреда. Сейчас поднимемся на наше судно и избавим вас от боли. Нам весьма, весьма жаль, что вы вследствие медицинских тестов вынесли такую боль.

– Мы избавим вас от боли, Дарья Александровна, – вновь заговорил инопланетянин, придерживающий ее, и беспокожно оглядел левую ногу женщины, с коей, наконец, спало произвольное, болезненное сокращение мышц. – А потом проведем общее обследование, абы установить причины появившихся симптомов, и если не обнаружим аномалии, отпустим. За беспокойство вам, непременно, все возместят.

– Аномалии, – повторила Даша, представляя себе собственный мозг, допрежь будто представленный изнутри с облупившимися оболочками и черной полусферической сердцевинкой, определенно, вылезший из фильма ужасов. – Что вы подразумеваете под словом аномалия? И что будет, если эти аномалии обнаружат во мне? И вообще интересно, кто вы такие?

– Если обнаружат, мы поговорим о том позднее, не сейчас, – достаточно уклончиво, хотя демонстративно успокоительно, можно молвить даже ласково, молвил инопланетянин. – А теперь идемте, – дополнил он, так и не отвечая на последний вопрос женщины об их роли.

Мягко потянув на себя Дашу инопланетянин и сам развернулся, теперь, вроде как приподняв ее тело и не столько повел, сколько понес к платформе. Дарья, впрочем, ощущая болезненность в лодыжках обеих ног, не стала сопротивляться и спорить, осознавая, что любая ее горячность отберет силы и прибавит еще боли.

– Благодарим ваше правительство за сотрудничество, – молвил второй серо-вощенный, сказав это все еще стоящему Юрию Анатольевичу. Он медленно развернулся, и, направившись вслед за собратом и женщиной, дополнил уже на ходу, – и покиньте посадочную полосу, сейчас прибудет корабль Наблюдающего.

Идущий позади инопланетянин, однако, не стал их догонять, а шел следом, отчего Даше показалось, он страхует ее действия, словно ожидая побега или неадекватного поведения, наполняющего тем желанием весь мозг. Мысли сейчас роились в голове, как пчелы

в улы, потому стало сложно отделять их друг от друга. Да и вообще в мозгу помимо боли ощущалась такая тяжесть, будто на него нагроулили, что-то неподъемное. Так порой Даша чувствовала себя, когда подолгу или неотрывно печатала на ноутбуке произведения, засиживаясь до глубокой ночи, подсвечивающей ей прекрасным серебристо-белым лунным лучом в окно. В такие моменты ночного единения с собственным мозгом она внезапно начинала слышать легкий шепот, точнее даже шорох, вроде спускающий на нее те или иные фрагменты ее книг.

Коли бы Дарья верила в Бога!

Хоть какого-нибудь! не важно Христа, Аллаха, Иегову, Будду, Кришну, или, черт возьми! в самого Сварога, непременно, предположила, что ею овладели темные силы. Ну, всякие там бесы, демоны, нежить, нечисть. Однако Дарья была отделена от религии собственным, медленно выращенным в ее мозгах мировоззрением, основанным не столько на отвержение Высших сил, сколько на их разумном и мудром вмешательстве в жизнь землян.

Мудром! а это значит очень редком, точнее будет даже сказать редчайшем!

Потому и шорох в собственном мозгу Даша воспринимала, как его неторопливое развитие, общение с ней. Внезапно, вдруг начавшей чисто говорить, враз ходить, мгновенно читать и писать, закончившей с золотой медалью школу и красным дипломом университет, и опять же рывком принявшейся писать.

Глава шестая

Таким неспешным ходом Дарья с инопланетянином дошли до платформы, достаточно ровной, схожей с зеркальной гладью, и, ступив на ее край, остановились. Ибо сама платформа принялась медленно подниматься, одновременно, втягиваясь в корпус судна. Край платформы внес обоих серо-прозрачных и женщину в небольшое цилиндрическое помещение, со сводчатым потолком и вогнутыми стенами. Сама поверхность стен и потолка в комнате была голубого сияния и вроде водного полотна пускала по всему окоему легкое волнение. В помещение не имелось дверей, окон, проходов, тем не менее, стоило в нем оказаться, и платформе состыковаться с полом, как диагонально всем трем стоящим в стене разошлись в разные стороны две створки, обнаружив неширокий коридор с теряющимся концом. Стены, пол и потолок в нем, четко соответствующие четырехграннику, имели темно-зеленый с переливами цвет, столь мрачный, придающий всему помещению тусклые, погребальные тона. Потому усмехнувшись, Дарья отметила в мозгу, что, определенно, попала в потусторонний мир, по ту сторону света, жизни, а может даже и по ту сторону Солнца.

Впрочем, когда по коридору направились вперед на самих стенах, потолку и даже полу стала проступать рябь, подобно закручивающейся на воде круговерти. Здесь в стенах, в отличие от первого помещения, располагались нечастые двери. И хотя они имели единый с поверхностью оттенок, заметно проступали впадины, проложенные от стыка створок и стены. Несмотря на пасмурность правящую в коридоре круговое движение сияния значимо освещало само помещение так, что в нем немного погодя Даша рассмотрела проходящие по потолку тонкие, черного цвета не шире пальца жилы, проложенные в пять рядов. Кои вероятно и испускали из себя ту самую водоверть и сияние света.

Заинтересовано оглядывая сам коридор, инопланетного судна, Дарья не прекратила хмыкать носом, приоткрывать рот и слизывать языком с губ текущую из ноздрей кровь, утирать ее правой рукой, стараясь хоть как-то унять. Однако кровь даже и не думала прекращать собственного течения, и в сияние этого полутемного коридора стала смотреться и вовсе не алой, а густо черной.

Инопланетянин меж тем остановился, придерживав женщину, возле одной из дверей в правой стене. Две створки бесшумно расползлись в разные стороны, открыв проход в кипельно-белое помещение. Большая, прямоугольной формы, комната, имела ровные стены, потолок и пол, едва оттенясь голубоватым отливом лощеных стен, словно отражающихся от прозрачного, шарообразного устройства, поместившегося в центре. В точности повторяя форму шара, устройство стыковалось с полами, прозрачными, узкими трубами, наполненными черным газом или жидкостью. Впрочем, сейчас черный газ или жидкость имела удивительную структурированную форму в виде, хоть и мелких, но различных круглых пузырьков. Одна из полых труб внедрялась в сам потолок, а вторая в правую стену, возле укрепленного на ней широкого серебристого (вроде плазменного) экрана с множеством мельчайших, перемигивающихся огоньков, окружающих его грани.

Сама шарообразная установка была достаточно большой, в ней с легкостью мог поместиться в полный рост инопланетянин, а небольшие выемки в форме стоп и кистей рук, не только пятипалых, но и четырех и шести располагались в нижней и верхней части его недр соответственно. Тонкость стенок шара поражала так, что если бы не выделенные матовым цветом места для стоп и кистей, можно было б подумать, что самого устройства и нет, а всего только отражается белым светом расположенная напротив стена комнаты.

Вступив в помещение, инопланетянин, досель поддерживающий Дашу, выпустил ее из объятий, прямиком направившись к шарообразному устройству. А вошедший следом его соплеменник, на чуть-чуть застыв подле женщины, беспокойно оглядел ее лицо. Он вне-

запно протянул руку к лицу Дарьи, и слегка нажимая тремя перстами, прощупал нос, щеки, едва отекающую под глазами кожу и даже виски. Затем инопланетянин резко качнул своей подвешенной на полусогнутой шее головой, и, развернувшись, двинулся к правой стене, прямо к экрану, каковой разком засветился, показав на зеркальной поверхности само шарообразное устройство. Остановившись напротив экрана, он провел средним пальцем по панели, отчего все огоньки ярко вспыхнув, сменили цвет на единый, ярко-бирюзовый, и гулко загулил, вроде подражая воркованию голубя. Иногда сопровождая свою речь (ибо Дарья сразу поняла, что это была именно речь) тем самым глухим хмыком.

Женщина прислушалась к переговорам инопланетян, так как минутой спустя загулил стоящий возле шара, подумав, что и сейчас проявила привычную себе любознательность, которая притушила даже чувство страха перед неизведанным. Стараясь не задумываться не только о лечении, но и о самом обследовании, и выявлении какой-то непонятной аномалии. Припоминая услышанные когда-то рассказы людей о похищении инопланетянами, их грубом исследовании касающемся в основном генетики человека и изучения его репродукции, а именно воспроизведения себе подобных.

Инопланетянин, замерший возле устройства, провел подушечкой указательного пальца (как сейчас разглядела Даша) имеющего серого цвета роговой покров, прикрывающий и сам кончик, по передней поверхности шара, прочертив на нем короткую дугу. А пару секунд спустя по прозрачному его полотну пролег четырехугольник. Округлая четырехугольная створка, заметно дрогнув, выползла вперед и плавно сместилась в сторону трубы, зависнув сбоку от устройства.

Дарья, неотрывно наблюдающая за съехавшей створкой, вновь утерла текущую с носа кровь, и, глянув на ладонь, испуганно вскрикнула. Потому как кровь, хоть и не была черной, но зримо потемнела, превратившись из алой в темно-бордовую, близкую к коричневому цвету.

– Черт возьми, – теперь, дабы погасить волнение она грубо выругалась. – У меня определенно от тех лекарств из головы вытекают мозги.

Не менее грубо пошутив, Даша тягостно передернула плечами, понимая, что такой цвет крови, это однозначно, что-то нехорошее. Находящийся возле устройства инопланетянин, даже не взглянув на женщину, торопливо направился к стоящему возле экрана соплеменнику, и когда из-под панели выехал прозрачный неширокий ящик, вынул оттуда голубую пористую губку и плоские пяточки. Он все также скоро вернулся к Даше, и, оглядев ее лицо, положил на выставленную ладонь губку, мгновенно втянувшую в себя с поверхности кожу всю кровь.

– Сейчас я вставлю живец вам в ноздри, – молвил инопланетянин, нежно ощупывая пальцем крылья носа женщины. – Больно не будет, может несколько неприятно. Однако живец закупорит дыхательный процесс через нос и вам придется дышать через рот, Дарья Александровна. Но поверьте, эта неприятность не продлится долго, вскоре прибудет Наблюдающий и остановит кровотечение.

– Так, что это ваш живец не остановит кровотечение? – качнув головой от недовольства, переспросила Даша.

– Немного снизит сам процесс течения, – неуверенно задрезжал в ответ серо-вощевый, продолжая оглядывать лицо женщины. Он ласково придержал ее подбородок, и слегка развернув голову вправо, заглянул в ее ухо.

Но только затем, чтобы снять с выставленной ладони женщины губку и обработать спервоначалу правую ушную раковину, а после левую. Так, что Даша поняла и из ушей у нее также сочится кровь, только не так сильно, как из носа. Инопланетянин утер впитывающей губкой лицо Даши, не только нос, подбородок, но и шею, да воткнул в обе ноздри по плоскому серебристому пятаку, таким образом, закупорив приток воздуха. Впрочем, не прекра-

тив кровотечение, ибо оно теперь стало ощущаться легким бульканием в недрах ноздрей и тягучей болью, будто пролегшей от лба к кончику носа. Еще раз, обработав нос пористой губкой, к удивлению не только поглотившей кровь, но даже не изменившей цвет от впитанного, инопланетянин с осязаемой заботой в голосе, качнув в сторону шарообразного устройства головой, сказал:

– Сейчас я попрошу вас, Дарья Александровна, войти в ха-голу, поелику в течение двух минут начнется обследование. Наблюдающий уже прибыл на планету, – слышимо выделив величание кого-то более важного, точно руководящего их действиями.

– Кто такой этот Наблюдающий? И почему вы не можете остановить кровотечение? И вообще, интересно, разве такое кровотечение нормально? – потоком вопросов отозвалась Даша, да сморщив от резкой боли лоб, громко застонала. Немного погодя, когда от боли в голове осталось тугое состояние напряжения, чуть ниже дополнив, – боль, кровотечение, видимо, указывают на травму головного мозга. Определенно, эти спецслужбы не проводили никакого медицинского теста, а просто-напросто налупили меня.

– Вещи лучше будет снять, – словно не воспринимая не только насмешку в словах Даши, но даже сами слова, вопросы, отозвался серо-вощенный, между тем внимательно оглядывая ее голову, и изменяющиеся черты лица.

– Вещи? – переспросила Дарья и вновь застонала, так как к болезненному состоянию всей головы, добавился скрипящий шум в ушах и онемение стоп на обеих ногах и кистей на руках.

– Да, для полноценного осмотра будет лучшим снять с себя вещи, – дополнил серо-вощенный инопланетянин и придержал Дашу под локоть, так как ее вновь тягостно качнуло вправо-влево, а онемение стало распространяться, достигнув коленей на ногах и локтей на руках.

– Еще чего не хватало. Может вам и волосы коротко подстричь, али обрить их вообще налыску, – язвительно отозвалась женщина, тем не менее, не став вырываться из рук инопланетянина, потому как ее внезапно затопило, а после пред глазами проплыли радужные круги, похоже, выплеснувшие из ушей значимые потоки крови.

Она вообще не переносила все эти медицинские обследования и всегда шла на них только по крайней необходимости, ассоциируя их с казнью. А уж раздеваться донага перед этими, скажем честно, неизвестно кем (даже не назвавшимися), не собиралась совсем.

Инопланетянин не просто почувствовал недовольство женщины, он его увидел, опять же приметив плеснувшую из ушей кровь, потому спешно протянув руку, утер ушные раковины, и пояснительно сказал:

– Для полноценного обследования лучшим образом было бы снять вещи, тем более при любом исходе они вам не понадобятся в ближайший срок. Но если вы, Дарья Александровна не желаете, хотя бы снимите верхнюю одежду и обувь.

Неприкрытый намек на то, что она увидит родных не скоро, хлестко полоснул женщину по мозгам, осознанием какой-то законченной участи, вызвав очередную в них боль и судорогу в правом бедре ноги. Отчего Дарья тягостно застонав, одной рукой принялась растирать бедро, а другой придержала раскачивающуюся один-в-один, как у инопланетянина голову, тяжелую и точно дурную.

Серо-вощенный немедленно выпустил из хватки руку Даши и загулил в сторону соплеменника, застывшего подле экрана и зримо увеличившего сами объемы шарообразного устройства, будто разворачивая его недра. Когда острая боль в бедре сменилась на тянущую, Даша принялась медленно расстегивать на куртке замок, снимать ее, и кроссовки. Понимая, что в данный момент без обследования не обойтись, осознавая, что еще десяток минут этих мучений, и она сама себе вырвет постоянно отдающий болью мозг. Расшнуровав кроссовки и вытащив ноги, Дарья положила сверху на них куртку, да вскинув взгляд от серых полос

(оставленных на полу ихними подошвами) на инопланетянина стоящего напротив, нервно вздохнула. И тотчас миндалевидные его глаза, увеличившись в размере, выказали внутри черных радужек подобие белых зрачков, словно жаждая, мечтая понять саму суть Даша, разгадать ее появление и становление, ощутить, ощупать мысли, чаяния, испытанные чувства.

– Не смейте этого делать! – жестко крикнула женщина, узрев, как весьма стремительно дернул в сторону взгляд инопланетянин, будто испугавшись мощи ею указанного. – Вы, что не понимаете, у меня все болит! Все, тело и особенно голова, мозг, – теперь Даша, однозначно, жаловалась, чего делала редко, привыкнув с детства терпеть и хранить в себе сам смысл пережитого, редко позволяя слезы, стоны, жалобы. И высказывая их зачастую не родителям, коллегам, а маленькому Паньке живущему, дышащему с ней на одной волне.

– Извините, Дарья Александровна, – произнес, не скрывая собственной вины в дребезжащем голосе, серо-вощенный и вновь подхватив ее под локоть, развернувшись, повлек к шарообразному устройству. – Не хотел доставить вам дискомфорта, просто не смог справиться с желанием вас понять и единожды рекогносцировать. Вряд ли сие нам позволит Наблюдающий.

Инопланетянин мягко потянул Дашу в направлении открытого проема в шаре и она, вскинув высоко вверх ноги, вошла вглубь, да ведомая его рукой и пояснениями развернулась. Ноги слегка раздвинулись в бедрах, разместившись в покатых (как оказалось) выемках, тотчас прилипнув к ним, а руки серо-прозрачный развел в стороны, и, подняв, ввел в матовые пятипалые кисти, схожие с вязкой, точно клей субстанцией.

– Кто такой Наблюдающий? – снова спросила Даша. Впрочем, не ожидая ответа, дополнила, – сейчас я как «Витрувианский человек».

Инопланетянин склонившись, лишь плотнее вогнал ее стопы в выемки, и враз испрямившись, не скрывая изумления в собственном, точно лишенном каких-либо эмоций, складок лице, глянул на женщину, определенно, ожидая разъяснений.

– «Витрувианский человек», всемирно известный рисунок Леонардо до Винчи, где человеческое тело, вписанное в геометрические фигуры, изображалось в правильной, четко выверенной пропорции. Вы сейчас также впяли меня в это шар, – пояснила Дарья. Но так как серо-вощенный ни проронив, ни звука и даже не моргнув, внимательно изучал ее, доскакала, – ладно, проехали. Так кто такой Наблюдающий? – в третий раз задала она интересующий ее вопрос.

– Наблюдающий, это представитель одной из высокоразвитых рас, причастный к вашему обследованию, – и вовсе туманно отозвался инопланетянин, и разком загулил в сторону своего соплеменника так, что не менее резво на экране появился сам шар и в нем впаянная женщина. – Скажите мне, Дарья Александровна, почему вы о себе столь низкого мнения, считая себя посредственностью, пасынком судьбы и бумагомарателем?

– Вы опять ковырялись в моих мозгах? – сердито отозвалась Даша, едва дернув голову вправо и с тем отвернув взгляд от лица инопланетянина, серо-прозрачная кожа, которого на щеках чуть зримо затрепетала.

– Нет, – торопливо ответил он, и качнул головой вправо, а после также рывком тягостно вправо. – Это вы сами мне передали. Уж слишком громко вы мыслите, Дарья Александровна, не стараясь сокрыть собственных ощущений от существования. Впрочем, я просматривал высланное на вас представление. В нем был, очевиден, потенциал вашего мозга. Однако данные по проведенному тесту указывали, что вследствие сформировавшихся субъективных причин, а именно низкого мнения о своих способностях, вы не обладаете потенциалом роста в человеческом обществе.

Дарья, гулко хмыкнула и тотчас застонала, потому как боль, переместившись с головы, наполнила, кажется, и само туловище, содеяв дыхание более тугим, одновременно, заполонив онемением полностью все конечности.

– Не думаю, что в человеческом обществе, где материальное потребление имеет статус обожествления, а духовность затеряна среди беднейшей прослойки, можно себя ощущать полноценным человеком, – парой секунд спустя все-таки отозвалась она. – И дело тут совсем не в том, что ущербна я. Эти ущербные мысли в тебе возникают всякий раз, когда ты не можешь купить лишнюю игрушку своему сыну, потому как необходимо заплатить налоги или сделать очередную выплату по кредиту.

К удивлению инопланетянин растянул свой маленький рот, вроде изобразив улыбку. Он протянул руку и заботливо поправил, чуть растрепавшиеся вылезшие из косы, волосы женщины, завернув их за уши, да бережно промокнул ушные раковины голубоватой, пористой губкой.

– Тогда почему неполноценны вы? – спросил он и слегка вздев верхнюю губу, показал Дарье на нижней и верхней челюстях по два ряда мелких треугольной формы голубых зуба. – Правильнее надо думать, что ущербна ваша система политическая и общественная. И если вы об этом пишите, говорите, думаете, нельзя считать ущербной себя.

Теперь инопланетянин медленно расстегнул пуговицы на манжетах рубашки на обоих руках женщины и закатал их почти до локтя, а после также неспешно, словно укачивающе снял с Даши ремень с джинсов, принявшись сворачивать его в руках в рулон.

– Если ты выбиваешься из общего строя, – протянула Дарья, неотступно глядя на гладь полотна свернутого ремня, мигом спустя отправленного на пол к куртке и кроссовкам, словно напоминая о собственной ненужности. – Думаешь или действуешь иначе, ты уже дефектный, неправильный.

Серо-вощенный теперь неспешно ступил назад, и, вздев руку, едва огладил поместившуюся справа от него створку, единым мановением придавая ей движения, дополнив:

– А может всего-навсего неповторимый, непохожий?! Созданный, рожденный для чего-то иного, чем просто потребление? – слышимо долетело до женщины сквозь сомкнувшуюся перед ней створку, понижая само звучание дребезжащего голоса инопланетянина.

Чуть ощутимый гул, вроде нагона воздуха, сбил на малость и без того тугое, через рот, дыхание, Даши. Шарообразное устройство неожиданно приподнялось вверх, будто подпрыгнуло и в отходящих от него трубах, зрительно закипев, начали вращаться мельчайшие пузырьки черной субстанции. Миг спустя принявшись лопаться и выпускать из себя черные паровобразные всплески. Теперь, похоже, и сама внутренняя изогнутая поверхность шара словно вспухла, набрякнув собственными боками, и обхватила их покатою мягкостью все тело женщины, не только ее конечности, она напозла и на лицо, совсем чуть приобняв голову, поэтому образ инопланетянина стал видиться расплывчатым, нечетким.

Впрочем, Дарья все еще могла разобрать, как он нежданно торопливо оглянулся на отворившиеся створки двери, впустивших в помещение кого-то. Даша сейчас не могла распознать вошедшего, хотя отметила, что он был такого же роста, что и серо-вощенные, выделяясь каким-то бело-синим, глянцевым одеянием. Нежданно черные пары стали выплескиваться из трубы и наполнять шар, заволакивая всю его внутренность, окончательно меняя цвет и заслоня видимость. Так, что когда вновь вошедший подошел к устройству, женщина уже не смогла разобрать его очертаний. Однако она уловила его голос отрывистый с хрипотцой, одновременно, наполненный ощутимой авторитарностью:

– Каковы показатели?

– В общих чертах, пречистый гуру, наблюдаются нарушения работы головного мозга, – отозвался стоящий подле него инопланетянин. – Боль, онемение или произвольные сокращения мышц в конечностях, кровотечение. Да и данные по тесту выявили аномалии роста.

– Аномалии, – и вовсе хрипяще отозвался пришедший и как показалось Дарье, хмыкнул. – Много вы понимаете в том, что наблюдаете. Обаче не будем полемизировать, приступим к обозрению.

Еще оставались силы немного вздеть голову, вырвав ее из мягкой, окружающей со всех сторон (на вроде комковитого одеяла) субстанции и чуть глубже вздохнуть ртом. Но тот же миг откуда-то сверху, как дотоль разграничивала боль в мозгу Дарьи пришла ярко-желтая полоса света. Она коснулась головы женщины и медлительно стала опускаться вниз, шипя, и, видимо, вибрируя, тем, наполняя сам мозг ощущением отстраненности от всего организма в целом, и пониманием скорого отдыха. Отдыха, о котором так долго Даша мечтала, уже давно чувствуя внутри себя нескончаемую усталость, слабость, будто отжившего, пришедшего к негодности собственного еще столь молодого тела.

Когда нижний край полосы света достиг бровей в приоткрытый рот женщины (досель осуществляющий дыхательный процесс) прыснул черный, парообразный газ, схожий с тем, который поднимается от печки в парилке, после того как плеснуть на камни воды. Густой, вязкий он моментально перехватил дыхание, сомкнув веки, а секунду спустя притушив и слышимость, потому последняя фраза, сказанная вновь вошедшим: «нарастите кислородную прослойку округ мозга» кажется, переплелась с той, которую молвил инопланетянин, стоящий возле экрана «таким побытом, мы можем вызвать паралич нижних конечностей».

А Дарья уже вроде как проваливалась в какую-то бездонную, широченную в размахе пропасть, где не было видно не то, чтобы дна, но даже стенок. Скорость падения с каждым вздохом (теперь, видимо, производимым через нос) придавало женщине ощущение потери собственного веса, потом и тела, легкости и плавности полета, или даже дуновения, реяния ее мозга в клейких, тягучих парах насыщенно оранжевой туманности, заполненной скоплениями газов, плазмы, пыли. Имеющая форму выпуклого кольца оранжевая туманность внутри представляла собой волокнистую структуру, в виде отдельных вытянутых струй, спиралей и значительно более мелких глобул, в основном темно-синего или черного, глянцевого сияния. Впрочем, особенно, в туманности обращал на себя внимание участок, напоминающий огромный человеческий глаз, каковой был вроде как прикрыт оранжевыми парами со всех сторон. С тем, однако, оставался просматриваемым. Его форма более плоская, чем у сферического глаза человека, имела вздетые, значительно вытянутые уголки. Слегка вывернутыми были подвижные складки вокруг глаз, без ресниц и устья желёз, с розовой тонкой полосой, проходящей по самому краю. В насыщенно лиловой радужке глаза, без присущей человеческому виду склеры, находился овально-растянутый синий зрачок. Неподвижный, окаменевший глаз, будто тонул в самих оранжевых парах. Тонул или лишь рассеивался, распадался на отдельные мельчайшие, пылевидные крупинки, определенно, смешиваясь с туманностью, и, одновременно, создавая нечто в виде бесформенной темной, газопылевой глобулы, наблюдаемой на данной объемной поверхности только оттеночным пятном.

На место удивительной оранжевой туманности и человеческому глазу, а также чувству реяния подле него внезапно пришел яркий свет и застывшая неподвижность всего тела. Это был непривычный желтый или белый свет, а какой-то блекло лазурный, впрочем, самую малость приглушенный. Даша немного вглядывалась в эту лазурную неясность, а после смогла разобрать расположенный над ней наклонный потолок с угловатыми стыками, вроде бордюров, соединяющих его с пятью стенами. И тотчас услышала, еле-еле долетевший до ее слуха диалог. Очевидно, говорил, тот самый вошедший перед забытием и серо-вощенный инопланетянин дотоль находящийся возле экрана.

– Итак, днесь Вейвейо Гиминг выставляете диэнцефалон на торги, только в указанных мною параметрах. Всю остальную информацию направляете, с удалением, к нам на Церес, – сказал вошедший и его отрывистый с хрипотцой голос, словно погас на последнем слове. Потому Даше, дабы его услышать дальше пришлось напрячь слух, – субъект незамедлительно перемещаете на виомагам. Понеже процесс отслоения вже начался и нам следует поторопиться.

– А, что делать с остальными субъектами, пречистый гуру? – спросил инопланетянин, совсем едва слышно.

А в голове Дарьи неожиданно от напряжения, что-то мощно заскрипело, отчего она моментально вскрикнув, потеряла слышимость диалога. В ее глазах опять же резко потемнело, а когда видимость вновь появилась, и на место скрипу пришел чуть доносящейся свист и легкое вибрирование тела, вроде женщину обдувал ветер, или то на чем она лежала, перемещалось, над ней проступило лицо серо-вощеного инопланетянина. Его миндалевидные глаза, блеснув черной радужкой, показали крупинчатые, белые зрачки, а маленький рот, вздев верхнюю губу, изобразил широкую улыбку.

– Как вы себя чувствуете, Дарья Александровна? – очень мягко спросил инопланетянин, привнося в царящую приглушенность, состояние жизни. И немедля промокнул ее глаза, а после нос, и губы голубой, пористой губкой. Так, что Даша поняла, теперь кровь сочится у нее и из глаз, вытекая из уголков и иногда, словно заслоняла видимость.

– Что со мной? Почему я не могу пошевелиться? – взволнованно вопросом на вопрос отозвалась Дарья, только сейчас осознав, что не ощущает не то, чтобы ног, рук, тела, но, кажется, и самой головы. Понимая, что долетевшая до ее слуха молвь про паралич нижних конечностей, скорее всего была не вымыслом мозга. И посему, желая удостовериться в собственных подозрениях, она враз попыталась поднять голову. Однако кроме вновь появившегося и наполнившего все пространство скрипа ничего не уловила и не сделала. Наверно, женщина опять вскрикнула, потому как уже в следующий момент, когда пористая губка огладила ее глаза и ушные раковины, услышала, довольно-таки начальственный тон нависающего над ней инопланетянина:

– Дарья Александровна никаких, пожалуйста, больше физических аль мозговых усилий. Сейчас это вредно. С вами все благополучно, просто куда тело обездвижено. И, да, – теперь он, вздел верхнюю губу много сильнее, показав на нижней и верхней челюстях по два ряда мелких треугольной формы голубых зубов, тем напомнив Даше славянского оборотня, перевертыша и кровососа, упыря. Словом, мертвеца нападающего на людей и скотину, встающего из могил и сосущего с них кровь. – Как я и говорил, ранее вы не ущербны, – дополнил, между тем, он. – Ваш мозг обладает огромным потенциалом, в котором мы в отличие от землян заинтересованы. Потому буквально в течение суток по течению земного времени вы окажитесь на планете Садхана, системы Тарх, Галактики Сварга, где вам придадут надобный вид. А после вас переправят в систему Дюдолы-тиара, на планету Велесван. Посему вскоре вы попадете к велесвановцам и перестанете считать себя посредственностью, пасынком судьбы и бумагомарателем. Або велесвановцы одна из самых мощных, высокоразвитых рас в нашем Веж-Аруджане.

– Какой Аруджан? Куда я попаду? – чуть слышно переспросила Дарья, похоже, каждый миг, теряя саму суть рассказываемого, впрочем, весьма остро осознавая, что сегодня Павлушку не удастся увидеть. А, следовательно, не получится досмотреть очередную нудную серию современного сериала по телевизору, которые так любил ее мальчик. – Я не куда не поеду, у меня сын, – все же смогла выразить свой отказ женщина.

И тот же миг видимость снова заслонила пористая губка, сейчас почему-то приобретающая состояние легкой вуали и почти черный цвет.

– Правительство вашей страны выплатит, согласно заключенного согласительного пакта, близким, изымаемого субъекта, фиксированную плату, в валюте данного государства, – точно цитируя, произнес инопланетянин, убирая губку от глаз и возникая в пределах видимости Дашиного взгляда. – Они обеспечат ваших близких, Дарья Александровна, об том не стоит беспокоиться.

– Завершайте сие толкование Зихазихао Кинг, – откуда-то издалека долетел отрывистый с хрипотцой голос сейчас насыщенный диктаторской мощью. – Вы, днесь, данным суесловием перегрузите диэнцефалон и навредите ему, абы в нем усилился процесс отслоения.

Тот, который говорил, определенно, приблизился. Так как голос его стал звучать много громче, ближе. Впрочем, в тот же момент серо-вощенный инопланетянин распрямив, дотоль согнутую шею, отступил вправо, а поперед глаз Дарьи появилась черная вуаль, заслонившая видимость. Еще мгновение и окаменели губы женщины, притухло восприятие, чувства и желание, погода приглушенные одной жаждой, наконец-то, отдохнуть или хотя бы выспаться.

Глава седьмая

Осознание жизни вернулось также мгновенно, как до этого, пропало, принесся на себе легкость ощущаемого тела, его юность или только многодневного, отличного отдыха. Дарья открыла веки и увидела над собой чуть приглушенное сияние белого потолка. Сферической формы, он ступенчатыми изгибами входил в стены. Очевидно, распространяя свет из тех самых, как насчитала женщина, семи, хоть и небольших, ступеней. Этот свет не имел в своем сиянии желтых оттенков, разливаясь в разные стороны, он подсвечивал не только потолок, пять стен комнаты, но и лежащую на чем-то в центре воспринимаемого пространства Дашу. Сияние света, однако, не слепило, а светило несколько приглушено, глухо, не раздражая глаза, придавая самому помещению если не сумрачность, то легкое затемнение.

Дарья еще несколько минут лежала неподвижно, рассматривая сам сферический, округлый потолок, стараясь припомнить, что досель предшествовало ему, а затем неторопливо поднявшись, села. И немедля насыщенность света увеличилась вразы, волнообразно выпорхнув из ступеней (махом всех семи) и растекшись по всему потолку, стенам, озарив все вокруг, и сами угловатые стыки этой пятистенной, большой комнаты. Достаточно ровными, белоснежного отсвета были стены и пол в помещении, не имеющей окон, дверей или того подобия, почитай по середине ее, можно сказать в самом центре, стояла тахта, на которой сидела Дарья. Узкой формы тахта, закругленными формами краев напоминала диван, только не имела спинки, подлокотников. Ее поверхность довольно-таки жесткая, также смотрелась ровной и белой, слегка даже переливающейся, вроде бархатистой материи. Установленная на двух удлиненных металлического свечения, тонких ножках, поверхность тахты весьма возвышалась над полом, определенно, на высоте полутора метров, а может и более того.

Окинув взглядом само помещение, женщина перевела его на лежащие сверху на тахте вытянутые ноги и тотчас испуганно вздохнула. Ибо то, что поместилось на тахте, не могло принадлежать ей. Стройные (без особого деления на голень, колени, бедро) ноги были очень ровными с гладким зеленовато-коричневым наружным покровом, имеющим более темные, болотные, расплывчатые пятна по всей поверхности. На коже не просматривалось не то, чтобы волоска, но даже малой выемки, родинки, с тем она была покрыта вязким бесцветным веществом, схожим со слизью, очевидно, препятствующим высыханию данного покрова. Очень крупными, удлиненной формы теперь выглядели стопы, завершающиеся семью пальцами без ногтей. Будучи широкой по подошвенным окончаниям пальцев (одинаковой ширины и длины) сама стопа к пятке значительно сужала форму, впрочем, и там имея сглаженность и ровность, как и на самой подошве.

Медленно вскидывая взгляд вверх, Даша теперь осмотрела новое свое туловище, к собственному ужасу, зафиксировав на нем отсутствие признаков пола. Не только того, что причисляло ее досель к женщинам, и выражалось в груди и наружных половых органах, но и обобщенно относил к Гомо Сапиенсу, человеку разумному, вида рода Люди, проживающему на планете Земля, в Солнечной системе, Галактики Млечный Путь.

Небольшая вогнутость живота и отсутствие впадинки, оставленной от пупка (некогда связывающей не рожденного младенца с последом и матерью) да и сама плавность его линий, точно указывающих на отсутствие ребер, на миг испугали Дарью. Посему она торопливо вскинула упертые в тахту руки и ощупала живот, определив, что ребра у нее все-таки есть, хотя они были многожды более плоскими, вероятно, из-за этого и само туловище стало уплощенно-стройным, вернее будет сказать худым. С этим Дарья напрочь лишилась положенной ей полноты, отодвинув в никуда попытки похудеть и желание сесть на диету.

Парой секунд спустя Даша уже переключила собственное внимание с грациозно сложенного туловища на руки, кои обладая плечами, предплечьями, суставами, запястьями

и кистями, также смотрелись в пропорциях ровными, стройными, не имеющими тех самых переходов. И вовсе длинные, тонкие в ладонях кисти удерживали на себе по четыре пальца, на каждой руке. Не обладая безымянными пальцами они завершались округлыми, опять же без роговых покровов, подушечками. Большой палец, самый длинный, выходя почти из верхней конечности запястья (точно из костей предплечья) завершался на одной линии с остальными, тем самым, похоже, являясь отдельным органом движения.

Тягостно передернув плечевыми суставами, слегка вскинутыми вверх (за счет высокого стояния лопатки) Дарья принялась ощупывать голову и лицо, теперь, как и все иное, составляющее ее физическую структуру. Шея, впрочем, у нее оставалась схожей с человеческой, правда, также слегка вытянувшись и естественно став тоньше. Форма головы изменилась. Череп значительно удлинился, по виду схожий с яйцом, он немного наклонялся назад верхней оконечностью, с тем приподнимая закруглено-вытянутый подбородок. На лице более не имелось привычного носа, того самого видимого, представленного из корня, спинки, верхушки и крыльев. Сейчас на месте него находились лишь две широкие впадины ноздрей, с оттопыренными короткими колыхающимися бортами (овально-спаянные меж собой костяной перегородкой). Глазные щели укрупнились и вытянули свои уголки, войдя в височные части головы, с тем расширив обзор. Сама форма глазного яблока стала более плоской, а веки, лишившись ресниц, чуть-чуть вывернулись вниз и вверх, соответственно. Не имелось на голове привычных ушных раковин. На их месте располагались, созданные хоть и из упругого хряща, по две с каждой стороны, колеблющиеся пластинки. Одна из которых слегка возвышалась по длине и высоте над другой, порой полностью прикрывая складчатой формы слуховой проход. Высоким несколько выступающим был лоб, а голова, как и все тело, покрытая вязкой бесцветной слизью не имела волос или даже того подобия. Тем не менее, в изучении себя новой, Дарья отметила, что маленький, и всегда вызывающий в ней негативное восприятие, рот она сохранила прежним.

Чуть слышно хмыкнув, от тех исследований (будто жажда зареветь), Даша тягостно выдохнула через ноздри, когда справа от нее в одной из стен резко разошлись в стороны две створки и в помещение вошел инопланетянин. Тот самый с серо-вощеной кожей, чрез тонкую поверхность каковой Дарья разглядела темно-синюю венозную систему и текущую по ней кровь.

Удерживая на своей тонкой, длинной шее грушеподобную голову, он достаточно сильно изгибал и ее саму, и спину, точно горбатился. Его лицо со слабовыраженным носом, небольшим ртом и двумя крупными миндалевидными глазами глянуло на Дашу не черными, а темно-карими радужками и находящимися в них, будто на выкате, белыми зрачками. У этого инопланетянина лысая голова на макушке была увита зеленым рисунком, напоминающим хвойную ветку, с едва выступающими на общем полотне игольчатыми листочками, расположенными по три в пучке. Одетый в серебристого цвета без рукавов облегающую майку, и длинные узкие лазурные штаны, с многочисленными складками в нижней части конечностей, плавно переходящими или входящими в серебристую, плиссированную обувь, инопланетянин принес в руках небольшой сверток.

Вступив в помещение, он широко растянул тонкие губки, изобразив, таким образом, улыбку, и когда позади него сомкнулись створки, приветливо сказал:

– Доброго времени АЭ-сто двадцать четыре.

Серо-вощенный инопланетянин сделал несколько широких шагов, миновав треть помещения, и остановившись напротив Дарьи, так, что последней в связи с его высотой пришлось вздеть голову (и одновременно для себя отметить, что рост в ней остался прежний), вновь произнес, теперь чуток растягивая само обращение:

– Доброго времени АЭ-сто двадцать четыре.

– Это я, что ли АЭ-сто двадцать четыре? – переспросила Даша, слухом воспринимая отсутствие в голосе серо-вощеного дотоль плившего дребезжания, и по привычке вскинув вверх руки, прикрыла ими грудь.

– Вы! – четко отозвался инопланетянин, это, явственно, был соплеменник серо-вощенных, впрочем, имеющий более мягкие черты лица, и значимо сильнее расщепленный надвое подбородок. – По предпродажному свидетельству вы проходите как Аукционный Экземпляр номер сто двадцать четыре. Не часто, последний промежуток времени, что-то ценное выставляется на торги из диэнцефалонов, тем паче из той части Галактики, откуда поступили вы. Конкретно же для Солнечной системы сие есть достижение, абы там зачастую присутствует весьма низкий показатель роста мозга. Достигнутая же вашим диэнцефалом фаза развития, придает самим солнечниками, как величают представителей данной людской прослойки принятой по месту обитания, высокий параметр конкуренции меж планетоподобными человеческими системами.

– Ого! Я очень рада, что придала солнечникам, как вы назвали землян, тот самый параметр конкуренции, – вновь со свойственной ей едкостью отозвалась Даша, воспринимая собственный голос как алыт, считающийся на планете Земля вторым из четырех главных человеческих голосов. В этот раз, тем не менее, звучавший как самый низкий певческий голос, однако, лишенный какой-либо женственности и наполненный только властной силой.

– Но у меня, как это ни странно, ни спросили, хочу ли я данных изменений, торга и согласна ли покинуть Землю и Солнечную систему, – дополнила свою речь Дарья. Она хоть и говорила с раздражением, в этот раз полностью владела собственными мыслями и телом, почти и не испытывая привычного дотоль ей телесного волнения или напряжения.

– Давайте, АЭ-сто двадцать четыре спервоначалу оденемся, а засим обо всем спокойно потолкуем, – проронил инопланетянин, и вновь шагнув вперед, неспешно положил на тахту возле ног Даши принесенный сверток. – Днесь мы входим в пределы системы Дюдола-тиара. Вмале за вами придут ваши соплеменники, поелику хотелось бы некие вопросы пояснить до вашей с ними встречи, ежели пожелаете!

Дарья медлила совсем чуть-чуть, и, осознавая разумность предложенного, притом ощущая себя голой, торопливо развернувшись, спустила ноги вниз, и, опершись о пол подошвами стоп, встала с тахты. Соизмерив собственный рост в отношении со стоящим инопланетянином как прежний, едва достигший ста шестидесяти семи сантиметров.

В первый миг, как только она выпрямилась, ее качнуло взад-вперед и ноги дрогнули по всей длине. Потому серо-вощеному пришлось торопливо придержать ее за локоть, и с мягкостью во взоре темно-карих глаз, обзревших с головы до ног всю Дарью, молвить:

– Нашу расу величают таусенцы, по основной системе, где мы проживаем Таусень и ближайших к ней Говсень, Усень, Баусень.

Данным коротким рассказом, снимая с Даши волнение, и придавая ее организму крепости и силы. Отчего уже в следующий промежуток времени таусенец, перестав поддерживать ее, развернул лежащий на тахте сверток и взял оттуда белую полосу ткани, очень легкой, да пристроив на бедра Дарьи (которые выпирали при стоянии костяшками таза) на три раза обернул вокруг тела. С тем сделав из нее нечто похожее на парео, дотягивающееся почти до лодыжки (впрочем, сейчас не больно разнящейся по ширине с самой голенью или бедром). После инопланетянин одел на Дашу через голову белую рубашку без рукавов, туникобразного покроя, достаточно длинную (до середины ног), обработанную понизу и пройме рукавов зеленой атласной полосой. Проймы рукавов на рубашке заканчивалась чуть выше талии, потому чрез них просматривался край парео.

– Меня зовут Минжминжо Нию, – произнес инопланетянин, ощупывая одеяние на Дарьи, точно перепроверяя его удобство. – Я наблюдаю за вами, как раз с того момента, как мы покинули систему Тарх, планету Садхана, где вас перекроили в данный структур-

ный вид, предав изначальные формы велесвановцев, и направились в систему Дюдола-тиара, также принадлежащей Галактики Сварга. Это сама крупная Галактика в нашем объединенном, тройственном Веж-Аруджане, района Вселенной, который вы земляне называете местной группой, включая туда Сваргу, Вышень и Брахму.

– Мне это кажется, или я и впрямь слышу знакомые названия: Сварга, Дюдола, Велес, Таусень принадлежащие ведической вере моих предков славян? – спросила Даша, неучтиво перебивая Минжминжо Нию на полуслове и с тем оставляя собственные вопросы в приоритете.

Таусенец неторопливо повел ее локоть (за который досель держал) в сторону тахты, указывая присесть. И когда Дарья, послушно исполнив означенное, опустилась на поверхность тахты, воззрившись снизу вверх на инопланетянина, тот степенно молвил, определенно оставляя ее заинтересованность в преимуществе:

– Возможно, что вы слышите знакомые величания. Поелику данные планеты, системы и расы порой принимают участие в жизни человекоподобных существ. Иногда обучая, передавая собственные знания, аль только их, продавая за отбираемый биоматериал. Хотя, велесвановцы, которыми вы выкуплены, за достаточно приличную контрибуционную плату, величаются так, поелику их планета Велесван, поросла рослыми деревьями. Она покрыта вельми плотными пространствами леса. И это не только бор, вязник, дубняк, ельник, кибела, но и пан, марь, урема, чернь. Самих же велесвановцев опекает старшая раса Веж-Аруджана тарховичи, и ближайшие их соседи с планеты Перундьяаг и Сим-Ерьгл. Сии две мощные высокоразвитые расы, проживая на ближайших к Велесван планетах, обеспечивают ее жителей защитой и продуктами. Взамен, обаче, как и многие иные расы, пользуясь услугами велесвановцев, способностями, каковые в процессе исследования выявлены в вашем диэнцефалоне АЭ-сто двадцать четыре.

Минжминжо Нию прервался, и, не скрывая интереса, оглядел Дашу, сдержав движение взгляда на ее лице. Впрочем, в отличие от своих соплеменников, встреченных на Земле, он не пытался проникнуть в ее мысли, выковыряв оттуда, то самое интересное. Таусенец всего-навсего обзрел Дарью. А она весьма четко смогла (даже притом, что лишь прошла ответным взглядом по его лицу) различить не только темно-синюю, наподобие сети тонких нитей, венозную систему, пролегающую под его серо-вощеной кожей, но и текущую по ней ржаво-красную кровь.

– Теперь же, что касается общих данных по нашему Веж-Аруджану, – снова заговорил Минжминжо Нию, и несколько развернув голову, тягостно качнул ею вправо-влево, точв-точь, как подвешенной на ветке грушей. – Веж-Аруджан объединяет, как я ранее поведал, местную группу Галактик, кои вы ранее соотносили, как Сварга – Туманность Андромеды, Вышень – Млечный Путь и Брахма – Галактика Треугольник. Хотя центральной, правящей является именно Галактика Сварга, с основополагающей системой Тарх, где Великое Вече Рас, составленное из представителей высокоразвитых рас, возглавляемое амирнархом, осуществляет политику и управление всем Веж-Аруджаном. – Таусенец смолк, вероятно, только для того, чтобы перевести дух, ибо это отразилось в легчайшем колебании его вощених щек, а минутой спустя продолжил, – помимо высокоразвитых рас, таких как мы – таусенцы, тарховичи, перундьяговцы, ерьгловцы, асгауцы, яссанийцы, табиты, прпацманцы, коредейвы, и естественно, велесвановцы. В Галактиках существуют и малоразвитые расы, кои мы указываем, как существа, дикари, различные человеческие виды. Те, оные осуществляют поставку органов центральной нервной системы, для нужд Веж-Аруджана. И не всегда в такой поставке мозг достается в обслуживающий персонал, порой он выступает, как продолжение подвида той или иной расы. С властными структурами таковых планет, систем мы зачастую заключаем согласительные пакты и выплачиваем небольшую в нашем понимании

контрибуционную плату, или одариваем их какими-либо научно-техническими достижениями. Достижения, конечно, в понимании лишь сих малоразвитых существ.

Минжминжо Нию теперь широко растянул уголки губ, приоткрыв сам рот и явив ряды голубых зубов, на углах увенчанных небольшими темно-синими, определенно, драгоценными камушками, больше похожими на шляпки грибов нанизанные на тонкие ножки.

– Отбираем мы только взрослые особи существ, – вновь начал он толкование, и, сделав небольшой шаг вправо, выходя из пристального обозрения Дарьи, одновременно, отвернул голову в сторону, точно не в силах его переносить. – С определенными параметрами органа центральной нервной системы и непереносимым условием его дальнейшего развития. Поелику не все высокоразвитые расы, в виду значительного срока жизни, в настоящую пору могут иметь собственное продолжение, путем деторождения.

Внезапно свет (досель наполняющий помещение) лишь на мгновение сменил сияние с белого на зеленоватый. Впрочем, оставив на самих стенах и потолке еще на пару-тройку минут крупные бирюзовые пятна, степенно рассеявшиеся или впитавшиеся. Зеленые переливывы отразились даже от белой бархатистой поверхности тахты, на немного ослепив глаза Минжминжо Нию. Потому он торопливо сомкнул веки, однако, оставив меж ними тонкую почти черную полосу. Медленно таусенец развернулся в сторону закрытых створок дверей, сейчас, как и прежде (когда Даша очнулась в комнате) не просматриваемых, и пояснительно дополнил:

– Прибыли велесвановцы. Это особая уважаемая и оберегаемая всеми иными высокоразвитыми, раса. Або их услугами пользуются все проживающие в Веж-Аруджане. Они обладают характерными качествами диэнцефалона, особым мастерством. Потому перекройкой поступающих засим к ним физических структур малоразвитых существ занимаются только тарховичи. Всех остальных перекраивают, зачастую те расы оные их выкупили, выменяли или выиграли в торгах.

Минжминжо Нию резко качнул головой влево так, что она будто груша крутнувшись, явила Дарье его лицо с широко открытыми миндалевидной формой глазами. Из глубин его карих радужек как-то и вовсе мощно выкатившись, укрупнились белые зрачки, вроде указывающие подняться с тахты. Даша немедленно встала на ноги, опершись новыми лоптасто-широченными в пальцах стопами о пол, единожды подумав, что вот сейчас в ее жизни наступает какой-то иной, очередной или просто ожидаемый этап. Не законченный, не заверченный, как чувствовалось последнее время, а продолжающийся, точно пролонгированный на какой-то неопределенный срок действия. И этому новому отрезку существования собственного мозга (теперь уважительно называемого диэнцефалон) она никак не могла противостоять. При сем ощущая внутри того самого мозга-диэнцефалона особую горечь, что никогда более не увидит своего Пашуню, не прижмет, не поцелует его, как дотоль произошло с дочуркой Любушкой, оставившей по себе дикое желание хотя б ее коснуться. Одновременно, пришло и осознание того, что жизнь столь любимого ее сына теперь будет зависеть от бывшего мужа и его пассивности, или все же (как благо!) от бабушки и бабушки.

– В ближайшие колоходы, – понизив голос, каковой сейчас стал звучать, перемешиваясь с глухим эхом, вроде перемигиваясь с потухающими бирюзовыми пятнами на стенах и потолке, дополнил таусенец. – Это исчисление времени принятое в системе Дюдоло-тиара вы вырастите и с тем окончательно приобретете общие признаки расы велесвановцев.

– Почему же, интересно, вы не спросили у меня, хочу ли я этого переезда и такого явственного изменения тела? – достаточно громко бросила Дарья и, точно уловив плывущую от Минжминжо Нию тревогу, и сама тягостно передернула плечами, тем самым возвращая привычное для себя чувство волнения.

– Ваше мнение допрежь никого не интересовало. Поелику у вас был лишь мозг. Обаче, и днесь, он хоть и назван диэнцефалон, мощь присущую велесвановцам наберет

не скоро, – довольно-таки ровно и снова приглушенно ответил таусенец. Теперь он вернул положение головы в надобную форму, и, воззрившись на стену, досказал, и вовсе едва шепнув, – а по поводу изменения, ежели вы не поняли. Изменения не было. Ваш диэнцефалон перенесли в новое, юное тело, выращенное в Научном Ведомстве планеты Садхана, системы Тарх, дотоль взяв необходимые компоненты от расаначальника велесвановцев.

Он тотчас смолк, теми пояснениями, окончательно придав Даше состояние нервного возбуждения и легкого покачивания вправо-влево. А секундой погодя обе створки двери раскрылись, впустив в помещение двух таусенцев, обтянутых в белые комбинезоны, скрывающие не только туловище, но и конечности, всего-то и демонстрирующие головы да лица на них, с четко проступающей темно-синей венозной системой и даже розоватой на вид, слегка трепещущей, плотью.

Глава восьмая

Вошедшие таусенцы, враз шагнули в разные стороны, высвобождая проход позади себя, в виде бело-серого длинного коридора с округлыми стенами, в котором обозначились создания – велесвановцы, как мгновенно догадалась Даша. Не столько ассоциируя их схожестью с собой, сколько просто принимая в своем диэнцефалоне проскользнувшую информацию, как данность.

Велесвановцев было двое, оба высокие, рост коих может сантиметров на десять даже превышал таусенцев. Их ровная, без волос, выемок, родинок с зеленовато-коричневым цветом кожа имела более темные, чем у Дарьи, прямо-таки болотные с сизым отливом, расплывчатые пятна по всей поверхности и была покрыта значительно-густой слизью, кое-где (а именно в местах стыков с одеждой) свернувшейся в мельчайшие желтоватые катушки. Голова, если на нее смотреть со стороны, и впрямь имела схожий с яйцом вид, а закругленно-вытянутый подбородок придавал лицу в целом наклонное состояние. Отсутствие на лице носа, которое заменяли две широченные впадины ноздрей, с оттопыренными короткими колыхающимися бортами, окружающие трепещущие розоватые выемки, делали велесвановцев, коли не страшными, так однозначно (на взгляд Даши) безобразными. Крупными, с удлинненными уголками (заканчивающимися в височной части головы) были глаза, без привычной склеры с черными овально-растянутыми вдоль век зрачками. И если у вошедшего первым в комнату они имели бирюзовые радужки, то у второго смотрелись темно-синими. На веках и впрямь не имелось ресниц, устья желёз, впрочем, по их слегка вывернутому краю проходила тонкая белая полоса. По две пластинки с каждой стороны головы заменяли уши и прикрывали складчатой формы слуховой проход также розоватый на вид. Ошиблась Дарья и по поводу рта, ибо последний хоть и был у велесвановцев небольшим, напрочь лишился губ или даже малого их напоминания, представляя собой точь-в-точь тонкую щель.

Войдя в помещение, оба велесвановца остановились напротив Минжминжо Нию так, что шедшего вторым заслонила фигура первого, и замерли. И тотчас склонились головы не только двух застывших около открытых створок таусенцев, но даже и Минжминжо Нию, вроде сейчас пред ними стояли более мощные, значимые создания, обладающие особым статусом, и если говорить понятиями землян, крупным денежным запасом.

– Доброго времени, пресветлый авгур Девдас, – первым заговорил Минжминжо Нию и Даша для себя, наконец, отметила, что его голос звучал приглушенно с шипящими оттенками.

Стоящий впереди велесвановец одетый (подобно Дарье) в темно-фиолетовую без рукавов тунику, обработанную понизу и пройме рукавов серебряной атласной полосой, и темно-бордовое парео, медленно перевел взор с лица таусенца на нее. Потому Даше удалось более детально разглядеть расовые черты велесвановцев, а значит и свои. Высокий лоб велесвановцев, как оказалось, почти не имел приметных для человека надбровных дуг и самих бровей, переходя в чуть угловатую верхнюю оконечность. И у первого (коего Минжминжо Нию, назвал пресветлый авгур Девдас), впрочем, как позднее разобрала Дарья, и у второго был украшен рядами крупных (с ноготок) выпирающих чешуек. И если у Девдаса, в пяти рядах проходящих по лбу, количество их соответствовало четным числам: десять, восемь, шесть, четыре, два, обладая серебристым отливом. То у второго в четырех рядах соответственно располагалось нечетное их количество: девять, семь, пять и три, с желтоватым отливом. Опять же у них имелись волосы, вельми жидкие в понимание волос человека. Соломенного цвета они вылезали из макушки головы и были заплетены в тонкие (вернее, даже тонюсенькие) три косички у каждого.

Второй велесвановец, имел более низкий статус, чем Девдас, потому что также как и таусенцы приметно клонил голову, да и был одет в более блеклые тона одежды: голубую туннику (обработанную понизу и пройме рукавов зеленой атласной полосой) и розовое парео. Интересным штрихом, отмеченным Дашей, оказалось наличие на обоих велесвановцах поясов, стягивающих их тонкие талии, больше напоминающие широкие кушаки. Соответственно серебристой расцветки с длинными висячими прядками различной длины, уни-занными густо-фиолетовыми драгоценными камушками у Девдаса и шафранового цвета с золотистыми пятью камушками на концах у его помощника, секретаря или ученика, как догадливо отметила Дарья.

– Доброго времени, панчен Минжминжо Нию, – после значительно продлившейся паузы, в коей почти ничего не улавливалось слухом Даши, отозвался Девдас. Его голос к удивлению прозвучал столь низко, едва воспринимаемо, будто он не столько говорил, сколько перебил на последнем слог собственную речь шумным дыханием, при этом сопроводив ее легким дрожанием струны гуслей.

Старший велесвановец, или авгур, вероятно, в понимание статуса, титула, протянул в направлении Даши руку и большим пальцем (как оказалось гибким и подвижным) и мизинцем ухватил край подбородка, да чуть вскинув вверх голову, воззрился в ее глаза, слегка притом изогнув вниз нижний край собственного рта.

– Вы, знаете, панчен Минжминжо Нию, нам понадобятся свидетельства, что во время доставки выкупленного нами бурсака в систему Дюдола-тиара, с ним не производили никаких обследований, кроме положенных диагностик, – вновь заговорил Девдас, и, вскинув вверх от подбородка большой палец, огладил края века правого глаза Даши, слегка его, оттянув вниз и с тем, вероятно, осматривая саму радужку.

– Пресветлый авгур, Девдас, – незамедлительно отозвался таусенец, изогнув еще сильнее шею и спину, да мощно качнув своей подвешенной головой. – Могу заверить вас и его превосходительство негуснегести Аруна Гиридхари, что даже выложенные диагно-стики, над перевозимым АЭ-сто двадцать четыре, мы проводили под наблюдением Научного Ведомства Садханы. Весь материал вы можете запросить у тарховичей и лично в том участвующего пречистого канцлер-махари Врагоч Вида Вышя. Впрочем, как и всегда, мы неукоснительно соблюдали пункт Уложения четырнадцать пазух одна тысяча двести семьдесят первый.

– Чаятельно, при встрече с вами, – проронил Девдас, нежно огладив подушечкой большого пальца по краю века глаз Дарьи. – Панчен Минжминжо Нию я наблюдаю сию возрастающую и вельми неприятную мне в вас изворотливость. Наполненную жаждой, ежели не сжультничать, так, непременно, сокрыть. Понеже, так-таки придется мне обратиться напрямую к калиффу таусенцев Фухуфухуо Хао, абы он на посту панчена сменил вас на менее вёрткого поверенного.

Авгур велесвановцев вновь ласково огладил подушечкой большого пальца край века Даши, и медленно выпустив из хватки ее подбородок, перевел взгляд своих бирюзовых глаз на таусенца, тем резким движением предав его голове, и изогнутой шее еще большее покачивание.

– Ох! пресветлый авгур, Девдас, – точно задыхаясь речью, торопливо произнес Минжминжо Нию, и порывисто дернувшись вперед всем корпусом тела, выкинул вверх свои тонкие руки, сложив их ладонями промеж себя, видимо, собравшись молиться. – Вы меня не правильно поняли. Весь материал в полном объеме, я незамедлительно вам представлю. Просто уточняя информацию, я хотел только одного. Успокоить вас по поводу перевозимого нами АЭ-сто двадцать четыре, уверив, что за его диагностикой и нахождением неотступно наблюдала девятая Заакха Научного Ведомства Садханы.

– Во-первых, прекратите называть моего воспитанника АЭ-сто двадцать четыре, – все в той же форме авторитарного разговора, молвил Девдас, определенно, стараясь подчинить себе панчена таусенцев, а может лишь урезонить. – Ибо, сие недопустимо в отношении велесвановца, бурсака, и оскорбительно для меня, его ассаруа.

Два коротких восклицания наполнили само помещение, и, кажется, выкатились в коридор, отразившись там клокочущим, вроде рвущимся эхом. И коль один принадлежащий таусенцу выражал сильнейшее чувство удивления, то второй выплеснутый Дашей не менее сильное раздражение. Также враз, перебивая друг друга, они и заговорили, впрочем, немного опережая, сказал Минжминжо Нию:

– Замечательная новость. Прямо-таки достижение для солнечных, что их бывший соплеменник сейчас называется бурсаком одного из четырех авгуров его превосходительства негуснегести Аруна Гиридхари.

– Сначала заказ, субъект, потом аукционный экземпляр, – это говорила уже Дарья, и тягостно передернула плечами, будто некие движения нового тела ей еще не до конца подчинялись. – А теперь и вообще какой-то бурсак! Ужас, да, и только!

– Выражаю признательность, панчен Минжминжо Нию, за приветствие, – отозвался незамедлительно Девдас, той фразой сдерживая раскачивание головы таусенца.

Он медлительно вернул взгляд на Дашу, и теперь оглядел ее сверху вниз. Словно дотоль оглаживая перстом, любовался, а сейчас жаждал подчинить, потому и голос его ставший звучать насыщенно баритональным с достаточным напором, демонстрирующим властность, произнес:

– Бурсак, величание юного велесвановца, куда не получившего собственного имени. И сие величание не может обозначаться понятием ужас, понеже вельми достойно! И еще! – взор бирюзовых глаз авгура уперся в лицо Дарьи, будто совсем чуть-чуть толкнув, потому она внезапно качнулась назад-вперед. – Когда, говорю я, ваш ассаруа, вы бурсак молчите. Вашим мнением, желанием от данного момента времени никто не интересуется. Понеже вы всего токмо мой младший, третий воспитанник, ссасуа.

Последнюю фразу Девдас сказал, будто отрезал, резко завершив свою речь. Видимо, ожидая, что от нее или под его взглядом Дарья пригнет, как таусенцы голову и подчинится данной властности. Впрочем, Даша по привычке собственной независимости мозга (точнее диэнцефалона) мгновенно отозвалась вопросами, словно, и, не восприняв досель сказанное велесвановцем:

– Из всего до этого мною пережитого, любопытно одно. Мне внедрили в мозг новый язык, потому я вас понимаю, или вы все, не только таусенцы, но и велесвановцы говорите на языке землян, в частности, русском языке?

Нижняя часть рта авгура резко изогнулась, образовав покатую дугу, отчего Дарье почудилось, он улыбнулся. Может, оставшись довольным такой независимостью нового воспитанника, а может, всего оценив его любознательность. Потому немного погодя Девдас ответил, однако, вложив в тембр сказанного очевидное негодование, вроде был раздражен услышанным:

– Язык на коем мы толкуем, единогласно принят Великим Вече Рас, как язык межрасового общения и называется перундьяговский. Хотя, ежели говорить о его происхождении, так его прародиной является система Дюдола-тиара, планета Перундьяаг. Понеже на нем говорят перундьяговцы. Это, касаясь нашего общения, – голос авгура снизился до едва уловимых звуков, словно жаждая проучить любознательность Дарьи, довольно-таки сильно напрягшей слух. – Во всем остальном, вы бурсак, как я погляжу, достаточно не почтительны. Поелику коли не жаждите, по прибытию на Велесван, пройти наказание, соизволите молчать.

Даша хотела б, что ответить, но ее вдруг так энергично качнуло от волнения вперед, а перед глазами на доли секунд (не более того) показалось прямо-таки частое движение мельчайшей пятиконечной, красной звезды, досель зримой на Земле. Определенно, сбившей в ее новом теле правящее спокойствие и обкромсавшее желание спорить. Потому уже в следующий момент времени, когда звезда, испарившись, оставила лишь малое покачивание, Дарья услышала молвь Девдаса:

– Займемся, панчен Минжминжо Нию, условиями тройственного соглашения. Понеже, как ежели я его не одобрю, тарховичи вряд ли возместят за ваши труды.

И тотчас вновь Дашин слух уловил шумное дыхание, сопровождаемое легким дрожанием струны гуслей. Девдас неторопливо развернулся, впрочем, секундой спустя, вновь вернул себе исходную позу, и, вскинув вверх обе руки, перстами одной ухватил Дарью за подбородок, а второй ласково огладил края ее ноздрей, точно снимая волнение и придавая самому телу состояние стабильности. Он медлил еще чуть-чуть, оглядывая юного своего воспитанника со всех сторон, и лишь после того, как последний перестал раскачиваться, выпустил его подбородок из хватки, и, развернувшись, размашисто шагнул вперед. Отчего второй велесвановец, в котором Даша подозревала помощника, секретаря или ученика, но каковой оказался, как и она, воспитанником Девдаса, торопливо ступил вправо, высвобождая проход. Авгур на миг замер подле этого велесвановца и на слуху Дарьи и вовсе особыми мотивами отразилось его шумное дыхание и звучание теперь уже трех струн гуслей. Его широкий шаг более не сдерживался, лишь послышалось уже сказанное по-русски, точнее по перундыаговски, указание, направленное к тем, кто находился в коридоре:

– Двое останьтесь, и сопроводите моих воспитанников в зал отбывания.

Поспешивший вслед за авгуром панчен Минжминжо Нию, слегка вскинувший вверх голову, еще немного был, видим, а после его также стремительно заслонили, кажется, выступившие из стен два мощных существа, совершенно отличные от велесвановцев и таусенцев, и чем-то напоминающие созданий из произведений Дарьи. Внушительные по виду с широкими спинами и длинными руками существа, тот же миг ввели Дашу в так называемый ступор. Потому она не сразу восприняла, что досель стоящие в коридоре создания разделились, и, четверо из них направились сопровождать Девдаса и Минжминжо Нию, а двое других вошли в комнату, значимо потеснив стоящих возле створок таусенцев, и тем, будто прикрыли спину оставшегося в помещении велесвановца.

Существа!

О, да! это были самые настоящие существа! К каковым еще стоило применить сравнение чудовища, или как сказал бы землянин (точнее, солнечник), фантастическое, сказочное, огромных размеров, существо. Возможно, их стоило отнести к человекоподобным создания, человеку разумному, Гомо Сапиенс, вида рода Люди, проживающему на планете Земля, в Солнечной системе. Ибо Даша поколь все виденное продолжала ассоциировать именно с основополагающим видом, обитающим на Земле. Потому наблюдаемые ею создания имели туловище, голову и конечности. Тем не менее, в отличие от вида Люди, данные существа обладали четырьмя руками. Они выходили из плечевых суставов по две зараз, оттого и их спина смотрелась широкой и мощной, прямо-таки выпирающей горой. Ореховый цвет кожи, если он вообще имел место, прятался на телах тех чудовищ под бурой мельчайшей волосней, кою все же нельзя было величать шерстью. Все четыре руки имели четырехпалые кисти, также плотно покрытые, вплоть до подушечек волосней. Обращающей на себя вниманием была голова чудовищ, так как малый в сравнение с параметрами всего тела ее размер, хоть и имел лицо с явственно раскосыми (глазеющими темно-серыми радужками) глазами, приплюснутым носом, нависающий кончик, которого укрывали густые усы и борода (с тем напрочь скрывая сам рот), и тут отличалась собственной формой. Оно как макушка головы завершалась не привычной оконечностью или волосами, а была схожа

по виду со шлемом. Лишь немного погодя, неотрывно рассматривая тех существ, Дарья поняла, что это не шлем, а именно форма головы, имеющая овально-удлиненную макушку штырек и два лопастых уха, точь-в-точь, повторяющих своим видом небольшие крылышки. Поняла, потому как и сам штырек, и макушка, и крылья поросли все той же темно-русой, мелкой волосней.

Широкие из плотных тканей белые рубашки были одеты на существах (на вроде тех, что когда-то носили предки Даши славяне), они полностью скрывали туловище, дотягиваясь до колен, а их рукава завершались на запястьях, переходя там, в расписные металлические пластины. Такие же пластинчатые опояски проходили по вороту рубашек, прикрывая короткую шею. На них, как и на подоле материи рубашек были нанесены символы, в коих Дарья признала руническую письменность славян, и даже разглядела отдельные из них: первую руну ряда, называемую мир, Белбог, Древа Мира; руну Бога Перуна, символизирующую борца за свободу Родины; руну Опора, представляющую собой связующую горизонталь разрозненных частей Вселенной в единый поток.

Широкими, стягивающими их мощным талии, были пояса, точно сделанными из загнутой полосы металла, и с загнутыми носами серебристые сапоги. На поясах существ (перепутанные серебристыми тончайшими цепочками) поместились воронкообразные приспособления, похожие на рога для вина, с остроконечными носами, увитые серебристыми вставками какого-то чудного, расписного орнамента.

Дарья разглядывала существ, вероятно, не более десяти секунд, а когда сомкнулись створки за ушедшим авгуром, Минжминжо Нию и четырьмя чудовищами, тотчас перевела взор на оказавшегося теперь напротив нее второго велесвановца, который внезапно сказал:

– Ассаруа Девдасу не позволительно противоречить. Недопустимо с ним спорить, грубить, перебивать или задавать не существенные вопросы. Среди велесвановцев не принято говорить младшему в присутствии старшего, без его дозволения. – Глядя в лицо этого велесвановца, Даша отметила, что оно выглядело много женственней, чем у авгура, будто он был не то, чтобы его моложе, а прямо-таки много младше годами. – Прашант, – отозвался тот и легонько качнул головой, очевидно, выражая, таким образом, приветствие. – Меня зовут Прашант, я старший ссасуа, ассаруа Девдаса. А вас поколь будут величать бурсак, и не нужно с тем спорить. Покуда, вам ассаруа не выберет имя.

– У меня есть имя, – немедля отозвалась Даша, чувствуя, как раздражение в ней переплелось с волнением, которое, как оказалось, не покинуло ее новое тело и, определенно, было всегда спущено на него мозгом или диэнцефалом.

– Нет! У вас нет имени. Покуда вы только аукционный экземпляр, оный, может быть подвергнут перепродаже, обмену или уничтожению, – молвил Прашант, его голос хоть и звучал для юнца высоким, как алыт, был наполнен осиплостью, точно он дотоль долгое время хворал, мучаясь горловой простудой.

Глава девятая

Прашант ступил резко вперед, слегка потеснив Дарью, и положив на тахту небольшой сверток, принялся неторопливо его разворачивать. И перед развернувшимся в направлении тахты Даши появилась белая, широкая, и видимо, верхняя одежда без рукавов и с просторным капюшоном, да пара туфель. Это была схожая с мокасинами, кожаная обувь. Опять же белого цвета с тонкой подошвой, будто цельно скроенная, с высоким вставкой-язычком, и зелеными по его краям нашивными швами. Скинув на пол мокасины старший ссасуа, подняв, развернул верхнюю одежду, напомнившую Даше плащ, коль сейчас и носимую на Земле, так в основном военным, потому одеваемую внакидку.

– А если вы, бурсак, не хотите, подлежать очередной переплавке, – заговорил после небольшой паузы Прашант, разворачиваясь в сторону стоящей Дарьи и слегка встряхивая удерживаемый в руках плащ. – Лучшим для вас станет слушать меня и выполнять все, указанное пресветлым авгуром Девдасом, моим и вашим отныне ассаруа. А днесь, обувайтесь, – дополнил он, воззрившись взглядом своих темно-синих радужек в лицо Даши, точно зондируя его. – Мне же, как старшему ссасуа, необходимо озвучить перед вами основные уложения поведения юного велесвановца. Итак, первое уложение – всегда молчать; второе – всегда подчиняться слову старшего, в сем определяющее значение имеет слово негуснегести Аруна Гиридхари, засим слово ассаруа, после слово старшего вас по колоходам ссасуа. И третье...

Прашант, так и не договорив, резко прервался, и вновь встряхнув удерживаемым в руках плащом, прочертил линию собственным взором до лежащих, на белоснежном полу, мокасин, отличимых от одетых на нем, всего только зелеными нашивными швами на язычках. Видимо, тем молчаливым указанием, каких-то чуждых, лишенных привычной склеры, глаз стараясь, если не напугать, так, непременно, подчинить себе юного велесвановца. Его взгляд еще немного зондировал мокасины, затем весьма резко вскинулся вверх и уперся в лицо Даши, вроде жаждая прожечь щель меж ее глаз, имеющих там небольшое углубление-выемку. Только, в отличие от испытанного когда-то на Земле приступа физического страдания, от проникнутого в черепную коробку взгляда одного из таусенцев, сейчас было ощущение лишь слабого толчка в голову, осознание собственной защищенности от взора Прашанта. Впрочем, также разком обозрение перед Дарьей сомкнул удлинненный луч пятиконечной, красной звезды, нежданно набухшей в своих размерах, и с тем заслонившей пространство вокруг. Резко качнув головой, она все же изгнала и сам луч, и красную звезду, расчистив себе обзор, да тотчас узрев впереди темно-синие радужки глаз Прашант, неосознанно подумала, что старшему ссасуа не удастся ее подчинить, и опять же энергично опустила на присядки. Завершив сим движением противостояние между Прашантом и собой, разумно оставляя его на потом. Да принялась натягивать на стопы мокасины, теперь на ощупь показавшиеся Дарье изготовленными не из кожи, а будто из тончайшего шелка.

– И третье уложение, – вероятно, Прашант решил, что сломил Дашу, посему голос его не скрывая торжествуя, звучал высоко. – Всегда и безоговорочно исполнять указанное старшими велесвановцами.

Натянув мокасины на ноги Дарья, юный велесвановец, бурсак, как теперь ее величали, стремительно поднявшись, испрямилась. Она вздела голову, так, дабы прожечь щель меж глаз Прашанта, и откровенно раздраженно проронила, стараясь, раз и навсегда расставить (как сказали бы русские, земляне, солнечники) все точки над «и», а именно довести до логического конца дотоль свернувшееся противостояние:

– Не смей лезть, в мою голову. Это не по твоим силам, иначе... – юный велесвановец прервался не более чем на несколько секунд, а после с неукротимой мощью собственного

диэнцефалона и взгляда, прямо-таки буравящего голову старшего ссасуа, додышал, – тебе не поздоровится, так как я это гадство не потерплю!

Судя по всему, последнюю фразу Дарья сказала с особой силой. Ибо в следующий момент Прашант, стремительно качнулся назад-вперед, а дрогнувшие где-то в локтях его руки, прижали к груди всю поверхность удерживаемого плаща, словно загораживаясь им от молвленного юным велесвановцем. Он срыву выдернул из хватки взгляда Даши собственные глаза и энергично развернул голову вправо. А по его тонкой зеленовато-коричневой коже с болотно-сизыми, расплывчатыми пятнами щек пробежала легкая зябь, подобная той, коя бывает на поверхности воды от внезапно подувшего ветра. И немедля в пространстве все еще смотрящего в сторону ссасуа взора Даши появилось мощное напряжение, точно заполненное электрическим зарядом давеча ударившей молнии.

Ярчайший проблеск красного света снова затмил видимость глаз Дарьи, и испуганно вздрогнув (от этой мелькающей звездочки), она торопливо качнула головой и, очевидно, моргнула. Только десятком секунд спустя осознав, что веки ее представлены тонкими полупрозрачными пленками, нечасто наползающими сверху, и вроде как облизывающих глазное яблоко.

Прашант промеж того вновь встряхнул материей плаща и шагнул вперед, накинул его на плечи Дарьи, помогая ей продеть сквозь проемы руки и стыкуя несколько внахлест сами края на груди. Он значимо снизил указательный тон в речи, видимо, осознав мощь выплеснутого на него досель, и плавным движением укрыв голову бурсака капюшоном, скрыв его полами и само лицо, пояснил:

– Сия одежда называется дхату. Тяперича, вы не должны говорить, вплоть до прибытия на планету, Велесван. – Всего только самая малая пауза, и ссасуа, много просительней дополнил, – и капюшон, пожалуйста, не снимайте.

– А кто эти два существа, преграждающие проход? – чуть слышно спросила Дарья, она была готова исполнить прозвучавшей просьбой указания Прашанта, однако, не в состоянии поколь справиться с собственным интересом в отношении виденного.

– Это не существа, – и вовсе тихо отозвался Прашант, зримо для юного велесвановца склонив вниз голову, чтобы его не услышали сторонние. – А представители расы перундьяговцев. Они сопровождают нас в поездке за вами, абы наравне с тарховичами и ерьгловцами опекают нашу расу. В этот раз через перундьяговцев, таусенцы спустили сведения о вас, как выставленном на торг аукционном экземпляре диэнцефалона. Каковой раса велесвановцев сумела выкупить, по причине идеальных параметров обобщенно установленных для нас. И еще, – голос ссасуа понизился до проникновенного шепота, растерявшего всякое подчинение и оставившего только теплоту старшего к младшему. – Некогда более, бурсак, не называйте высокоразвитые расы существами, сие сравнение не допустимо, и возможно в применение всего-навсего малоразвитых видов в основном человекообразных форм, кои осуществляют поставку органов центральной нервной системы, для тех или иных нужд Веж-Аруджана. А, днесь, с этой секунды, вы молчите. – Прашант медленно испрямил спину и шею, скинув вверх голову и значимо громче, точно демонстрируя, это стоящим перундьяговцам и таусенцам дополнил, – и ежели не желаете, абы вам пришили хвост, пятое ухо аль обратили в звероящера с сего мгновения ни слова.

Ссасуа незамедлительно ухватил Дашу за руку, где-то, вероятно, под локтем и стремительно повернувшись, повлек ее вслед за собой, достаточно властно сказав, преграждающим проход перундьяговцам, обладая на то ошутимой властью:

– Пресветлый авгур, Девдас, указал ждать его обок вайтэдрома.

И безотлагательно оба перундьяговца взмахнули своими четырьмя руками и расступились в стороны, высвобождая сам проход в коридор. Онный, как правильно заметила допрежь Дарья, смотрелся в виде бело-серого длинного коридора с округлыми стенами.

Впрочем, в ту же секунду оба таусенца шагнули вперед, прокладывая путь, а перундяговцы сомкнули за ними с Прашантом строй.

Низкий капюшон дхату скрывал видимость происходящего. Однако Даше удалось узреть, что сам широкий коридор с гладко-отполированным, асфальтного отсвета, полом плавно стыковался с округлыми стенами и потолком. По первому представившийся серовато-белым цвет оказался всего-навсего промежуточным слоем, на вроде впаянных прожилков, пятен или полос. Тем не менее, именно они, данные прожилки, пятна и полосы и освещали сам этот удивительно длинный, идущий однородно ровно вперед коридор. Только свет от тех отметин вспыхивал синхронно идущим и также разом гас, когда тот или иной участок проходили, отсвечиваясь на асфальтном полотне пола и вовсе ярчайшими бликами. Сам коридор имел множество ответвлений, дверей. Потому как те или иные створки не раз во время их движения открывались, да только из них никто не показывался, ибо идущие впереди таусенцы в такие моменты резко вскидывали вверх руки, по-видимому, перекрывая все жаждущим выход.

Немного погодя, однако, коридор сделал резкий поворот налево, сменив цвет стен, потолка и пола на стальные оттенки, кажется, минутой спустя явив перед шедшими огромное помещение. Здесь не только едва просматривались стены, но осязательно недоступным был сводчатый потолок, отливающий зеркальной поверхностью. В этом мощном помещении, к которому можно было бы применить название ангар, находились, стоящие в три ряда космические суда. И это не только привычные в понимании землян-солнечников летающие тарелки инопланетян. Схожие с вытянутым эллипсоидом серебристые суда, по поверхности которых просматривались проложенные широкой полосой голубоватые люковые отверстия. Но и высокие пирамидальные суда имеющие четырех-, пяти- или восьмискатные вершины с устремленными вверх тонкими антенного вида шпилями. Сами вершины по скату покрывали маленькие круглые светящиеся люки, а корпуса переливались почти синим цветом с мельчайшим проблеском серебристого. Меж этими достаточно мощными пирамидальными судами поместились совсем небольшие цилиндрической формы, чья гнутая по кругу плоскость, очень даже пестрила радужными движущимися огнями.

Впрочем, из этого обилия космических аппаратов Даша обратила внимание на несколько длинных судов, схожих по виду с самолетами солнечныхников. Точь-в-точь повторяя форму самолета, с серебристым корпусом и проложенными по спинке голубоватыми полосами люков, без крыльев, однако, имеющие фюзеляж, хвостовое оперение, данные космические корабли болезненно резали ее воспоминанием, тем самым которое последовало после проведенного спецслужбами медицинского теста, изменившего не только саму жизнь, но и тело.

Коридор вывел таусенцев, велесвановцев и перундяговцев вроде как на второй уровень сего ангарного зала. Потому Дарья смогла рассмотреть стоящие суда и местами прохаживающихся рядом с ними таусенцев, одетых, как и те кои их сопровождали, в белые комбинезоны. Ступив на выступающую (в соотношении с полом коридора, нависающую на первом уровне) треугольную площадку, тот же миг остановились и не только таусенцы, но и Прашант с Дарьей, и перундяговцы. И незамедлительно, площадка мягко поехала вниз, один-в-один, как лифт. Отчего юному велесвановцу подумалось, что и данное устройство в свой срок было подарено, передано или обменено, землянам, таусенцами.

Достигнув уровня пола самого ангара, который поражае той самой зеркальностью цвета, только не воспроизводя отражаемого в нем, повернули налево и направились вдоль стоящих судов (по правую сторону) и плоской, слегка выгнутой металлического отсвета, стены (с другой стороны). Остановившись, минут десять спустя подле выстроившихся в строй пятерых перундяговцев, одетых в темно-лиловые рубахи. На металлических, широких поясах, которых висели венчающие короткие, бурые рукояти, шаровидные, черные

головки с десятью зубчатыми ребрами, почти оранжевого сияния, придающие загнутым носам серебристых сапог мерцанием желтоватого света, видимо, исполняющие роль оружия.

Впрочем, Дарья, вздев вверх голову, уставилась не на перундяговцев, а на корабль, что своей мощью они старались прикрыть.

Однако только старались.

Так как данное судно, даже высокорослым перундяговцам, было невозможно загородить.

Стоящий в общем ряду космический аппарат, более походил общей своей формой на древнюю славянскую ладью, парусно-весельное судно, предназначенное для хождения по реке и морю. Длина его, верно, превышала все тридцать метров, а ширина была порядка семи-восьми. Весьма высокие, вертикальные борта ладьи, как и сам овально-вытянутый корпус, и плоское днище, казалось, были выдолблены из целого дерева. Ибо обшивка в точности повторяла цвет дерева, и не просто дерева, а вроде дуба, имея соломенно-желтый тон и тонкослоистую прожилку. Приземисто-отвесной смотрелась корма ладьи. А высоко возвышающийся над закругленными бортами нос, завершался массивной головой льва, восседающей на мощной шее. Это была четко передающая образ сего зверя голова, с длинной белой мордой (местами покрытая узкими песочными пятнами), закругленными ушами, снаружи серебристыми, и густой, выющейся, черно-серебристой гривой, укрывающей шею и часть носа корабля. Крупные, темно-зеленые глаза льва, не просто чудились живыми, они в унисон раскрывающейся пасти (демонстрирующей черный язык и с синеватым отливом ряды зубов) вращались. А когда голова покачивалась вправо-влево, по гриве сверху вниз перекачивались мельчайшие голубоватые огоньки, точно капли воды.

Нос ладьи по обоим бортам, вплоть до шеи льва, прикрывали по пять каплевидных, с пурпурным сиянием, пластины, напоминающие щиты. На которых большими, золотыми буквами (на старославянский манер) было написано «альдеі Перкунъ Ась».

Взглянув на данную надпись, очевидно, указывающую на название судна, Даша ощутила невообразимую радость, будто встретила близкого человека, с коим теперь физически ничего не имела общего, Впрочем, которого продолжала любить, и тотчас слышимо выдохнула. Так, что тем своим дыханием всполошила стоящего подле нее, и дотоль смотрящего куда-то влево, вдоль других космических аппаратов, Прашанта. Он внезапно, торопливо пригнул голову, заглянув в лицо Даши, и чуть плотнее придержав ее за локоть, спросил:

– Бурсак, вам, что тяжело дышится?

– Нет, все в порядке, – очень тихо отозвалась Дарья, переводя взор от надписей на судах перундяговцев на ссасуа, и немедля осеклась, вспомнив его наказ молчать.

– Первоначально бывает, – будто, и, не замечая прозвучавшей оплошности, пояснил Прашант, и теперь вздев вверх не занятую руку, ласково огладил края ноздрей юного велесвановца. – Что в результате движения ощущается тяжесть дыхания. Об этом необходимо незамедлительно сообщить старшему. – Даша легонько кивнула, не очень надеясь, что ее поймут, но так как ссасуа, тот же миг прекратил поглаживание, стало очевидным, что поняли. – Это космическое судно перундяговцев, называемое вайтэдром. На борту указано, что оно принадлежит космической альдии планеты Перундяаг, Системы Дюдола-тиара, и имеет величание Перкунас. У велесвановцев, в отличие от многих иных рас не имеется космических судов, поелику мы пользуемся зачастую услугами тарховичей, перундяговцев и ерьгловцев, и нам они без надобности. Мы же сейчас находимся на межгалактической станции, гвотака, – дополнил Прашант, вновь испрямляясь, оглядывая пространство кругом и потому став говорить чуть громче. – Гвотака принадлежит тарховичам, обаче, поколь используется таусенцами, на особых условиях. Одно из которых, на ней могут находиться межрасовые корабли, посему вам, бурсак, дана возможность лицезреть сие их многообразие.

Дарья хотела было спросить, кому принадлежит то самое с серебристым корпусом судно (похожее на самолет), но вспомнив, что ей надо молчать, не решилась заговорить. Не то, чтобы она испугалась того, что ей пришьют хвост, пятое ухо аль обратят в какого-то там звероящера, просто заключила для себя поколь не нагнетать обстановки, осознавая собственное бессилие.

Глава десятая

Дарья уже окончательно устала стоять, зарясь в основном на прикрывающих нос вайтэдрома перундьяговцев (при более детальном рассмотрении оказавшихся совершенно отличными друг от друга формой лица и его чертами) когда Прашант внезапно громко вскрикнул:

– Внимание, идет пресветлый авгур, Девдас!

Обращая данный возглас в первую очередь на перундьяговцев, не только тех, оные стояли обок носа вайтэдрома, но и охраняющих их, а также таусенцев. Ибо в следующий миг представители иных рас пригнули голову. Прашант также резко развернул Дашу, выставив ее поперед себя, и теперь ухватил за оба локтя.

Девдас шел с иной стороны ангара, в этот раз без сопровождения Минжминжо Нию, лишь прикрытый сзади шагающими перундьяговцами, отчего Дарье подумалось, что на гвотаке он частый гость. Его размашистая, хотя и неторопливая, ходьба сопровождалась легким помахиванием, в такт шагу, рук и одновременным круговым покачиванием больших пальцев, вроде каждую секунду ощупывающих пространство окрест себя. Все с той же степенностью собственного поведения ассаруа остановился напротив юного велесвановца, и, обдав его заинтересованным взглядом, точно видел впервые, или в этом сумрачном ангаре старался разглядеть, понять, несильно качнул головой. Зримо для глаз Даши края ноздрей Девдаса пошли малой зябью, и немедля до ее слуха вновь долетело шумное дыхание, сопровождаемое дрожанием нескольких струн гуслей, создающих какую-то мелодию, уже не литературное произведение, не картинку из него, а только напевную музыку. Потому Дарье показалось, после смены тела изменилось восприятие происходящего в настоящий момент времени, и коль раньше она не могла обходиться без творчества, сейчас будто притухло и само желание писать, и, что-либо придумывать. Видимо, диэнцефалон, как всегда с ней бывало, снова перепрыгнул на новый уровень собственного развития, оставив позади творчество.

А немного погодя ассаруа не менее шумным дыханием и проигрыванием струн гуслей отозвался стоящий позади Прашант. Данный наигрыш слышался таким заунывным, наполненным печалью, что юному велесвановцу почудилось, старший ссасуа, Прашант, просто-напросто на него настучал, припоминая то самое неподчинение его взгляду. Вероятно, именно после этого ассаруа ухватил всеми четырьмя пальцами правой руки подбородок Дарьи в щепотку, и, вскинув вверх саму голову, наотмашь ударил взглядом своих бирюзовых радужек ее по всей поверхности диэнцефалона, к удивлению не пробивая какой-либо дыры, щели в самой черепной коробке. Впрочем, ощутив заглянувший в глубины ее мозга взгляд Девдаса, ощущая ровность его исследующего движения, по той поверхности, она достаточно мощно (ибо имела на то силы, или точнее мощь) сказала: «хватит копошиться в моих извилинах». Минутой спустя (вроде давая отдышаться себе и ассаруа) добавив: «это явление не для тебя гадость».

Уже и не понятно, зачем бурсак дополнил собственные мысли бранным словом, пожалуй, потому как был не в силах справиться с правящим в нем раздражением и мощным волнением окутавшим диэнцефалон. Однако Девдас обладал не меньшей силой диэнцефалона, продолжая смотреть, исследовать, ковыряться в ней, и дабы данное неприятное шевеление извилин прекратить, Дарья энергично дернула головой вправо. Не только вырывая взор из цепкости глаз ассаруа, но и высвобождая подбородок из хватки его пальцев.

И враз перед глазами, свершив махонистый кувырок, появилась, точно вспучившая собственные объемы пятилучевая, красная звезда. Совсем на чуть-чуть пропало понимание текущего момента, и только мощная хватка локтей Прашантом, двумя-тремя минутами погодя принесло осознание собственной немоги и раскачивание взад-вперед.

– Громовник Будилия Аусей Перкун, мы отбываем, – прозвучал, словно полностью наполняя звуком ангар, голос авгура Девдаса, только затем разрушая шевеление звезды перед глазами Даши. – Сообщите, прошу вас канцлер-махари Врагоч Вида Выша и князю перундьяговцев руксам Баоша Ялись Дьаг, что договорной свод мною одобрен в полном объеме. И мы ждем, дабы было разрешено наше отбытие, и полная выплата контрибуции таусенцам.

Голос авгура велесвановцев окончательно (итоговой своей фразой про таусенцев) разрушил качание поперек глаз Даши красной звезды, а промелькнувшие перед видимостью тонкие, полупрозрачные веки, наползшие сверху, не просто облизили глазные яблоки, но и сняли всякое напряжение, вновь сделав зрение четким. И, первое, что увидела Дарья это сосредоточенно встревоженный взгляд ассаруа, сейчас не проникающего в ее мысли или диэнцефалон, а только обеспокоенно наблюдающий за состоянием. Девдас протянул в сторону ее лица, все еще вздетую руку, и нежно огладил края ноздрей, как оказалось, смахивая оттуда мельчайшую капель свернувшейся слизи, вероятно, образовавшейся вследствие возникновения звезды.

– Слушаюсь, пресветлый авгур, Девдас! – отозвался, стоящий первым из пятерых перундьяговцев в строю, прикрывающих нос вайтэдрома, громовник Будилия Аусей Перкун, одетый в темно-лиловую рубаху.

Он, не мешкая, испрямил спину, подняв голову, тем превысив в росте стоящего недалеко Девдаса (почти головы на две), и развернувшись, торопливо направился к судну, обходя его по правому борту, на ходу и вовсе низко прохрипев, как рыкающий медведь:

– Отбываем! Отстыковать правые борта! Левый четвертый сошник отделить, палицы укрепить на выходные запалы!

И вслед его громким указаниям, сорвались с места довольно скоро (для такой массы тела) все остальные четыре перундьяговца. Два из которых кинулись обходить вайтэдром с правого борта, а два других поспешили на левую его сторону. Будилия Аусей Перкун меж тем направился к наклонной лестнице, что вела в само судно, и стыковалась с краем его правого борта. Дюже быстро взбежав по ступеням и сокрывшись для обозрения за высокими, вертикальными бортами, он все еще низко выкрикивал уже оттуда какие-то распоряжения, когда, Девдас, вновь огладив края ноздрей Даши, со всей степенностью повернулся и опять же величественно (тем напоминая идущего к трону короля) двинулся в сторону лестницы.

Прашант, все то время поддерживающий юного велесвановца под локти, несильно подтолкнул его вперед, поощряя идти вслед ассаруа. И так как шаг Дарьи, после мелькания звезды, стал отдаваться дрожью в голени ног, ссасуа подпихнув ее чуть сильнее, склонившись, шепнул в ушные пластинки:

– Быстрей! Нельзя отставать от ассаруа!

Впрочем, они и не отставали. Ибо Девдас шел достаточно медленно, это, наверно, Прашант был слишком исполнительным, или боялся, как-либо не справится с возложенными на него обязанностями. Дашу все еще покачивало, а дрожь в голених ног после нескольких шагов сменилась на головокружение, потому, когда ассаруа стал подниматься по лестнице, она замерла возле края первой ступени, оглядев саму ее поверхность. Лестница, не имела перил, представляя собой помост с достаточно широкими и высокими ступенями, предназначенными для ног перундьяговцев, отчего даже ассаруа приходилось делать на них по два шага. Также будто собранные из дерева, потемневшего (будто состаренного), почти сероватого отлива, узкие доски были набиты в диагональном к краю направлении, потому делали сами ступени, сам помост еще более просторным, широким.

Около двадцати ступеней Дарья миновала под неусыпным шептанием поторопиться ссасуа, продолжающего цепко придерживать ее под локти. И оказалась на самой палубе,

опять же демонстрирующей ровность, непрерывность по всей длине, вплоть, до венчающей нос приподнятой на метр-полтора настройки, с двумя не менее широкими ступенями. Посредине настройки стоял высокий, узкий стол, от которого в разные стороны отходили дугообразно загнутые столешницы. И если сам стол опирался на расширяющуюся книзу (на вроде ствола дерева) одну ножку, то входящие в него дугообразные столешницы нависали над поверхностью пола настройки, соединяясь с ней (и очевидно, механизмами находящимися внутри) тончайшими нитями проводов, прозрачно-голубого сияния с мельтешащими по их глади каплевидными, синими огоньками. На поверхности столешницы, определенно, панели управления судном, располагались (разнообразной цветовой гаммы) клавиши, датчики, кнопки не только в виде небольших квадратов, но и кружков, а также миниатюрные прозрачные мониторы экранов. Торчащие на полотне столешницы серебристые рычажки, ключи и даже измерители с градуированной шкалой и стрелочными головками приборы, вместе с тем придавали панели управления двадцатый век развития землян, солнечных.

Сама палуба, как и настройка и внутренние двухметровые борта вайтэдрома, казались собранными из тонких (вроде планок паркета) набитыми внахлест друг другу досок, тем не менее, сохранивших ровность поверхности, только с видимостью тех стыков.

В центральной части вайтэдрома располагались стоящие в три ряда широкие с высокими спинками кресла, точно сюда доставленные извне, оно как своим видом они не гармонировали с самой ладьей. Девять кресел имели хоть и деревянный каркас с выгнутыми ножками и широкими подлокотниками, тем не менее, бархатная отделка самих сидений и высоких спинок придавала им вид роскошной мебели. Полукруглые мягкие, подушечного типа выступы с двух сторон спинок, были украшены овальными, золотыми брошками, а фактура ткани, белоснежной расцветки, переливалась собственной лощенностью.

Вероятно, эти кресла установили тут на время и только для велесвановцев, потому как стоящие в три ряда, очень длинные широкие лавки, ажурно украшенные резьбой, поместившиеся на корме вайтэдрома, также смотрелись деревянными.

Девдас уже воссел на среднее кресло в первом ряду, словно утонув в его нависающей спинке, когда Прашант снова подтолкнул оглядывающую внутри судно Дашу в том направлении. Ссасуа, однако, повел юного велесвановца на второй ряд кресел, желая усадить туда, да только Девдас довольно строго сказал, проходящим мимо воспитанникам:

– Прашант, бурсак пускай сядет подле меня. Сам же поколь отдохни.

Старший ссасуа незамедлительно развернул Дарью в направлении ближайшего кресла, и бережно усадив в кресло, торопливо направился во второй ряд. Сам, впрочем, опустившись на кресло как раз позади ассаруа. Головокружение, начавшееся внизу и бывшее результатом движения звезды (коя стала появляться пред глазами Даши еще на Земле), прибавилось, когда она уселась в кресло, а голова ее вошла в мягчайшую обивку спинки, отчего на пару минут, не более того, пропала какая-либо четкость взгляда. Перундьяговцы оные охраняли велесвановцев также вслед них поднявшиеся на палубу судна, разместились на лавках кормы, поколь Будилья Аусей Перкун управлялся возле панели управления настройки.

Тем временем на судно поднялись и иные перундьяговцы в темно-лиловых рубашках и исполняющие роль команды вайтэдрома. Два из них притом поспешили к Будилью Аусей Перкуну на настройку, встав соответственно с одной и иной стороны загнутого края столешницы, а два других застыли возле правого борта судна, обок лестничного проема. Они открыли утопленные внутри стенки борта небольшие, круглой формы, прозрачные экраны мониторов, на которых немедля возникло несколько кнопок, почти желтого свечения. Сами экраны весьма напоминали современные компьютерные мониторы солнечных, потому

Дарье подумалось, что и эти устройства власти Земли выменяли на мозги своих сопланетников.

Перундьяговцы нажали на кнопки экрана, и тот же миг лестница стала втягиваться в край борта, смыкая прозрачной стенкой сам проход. А после также неспешно из бортов, сразу по всей поверхности вайтэдрома стала выезжать вверх прозрачная крыша. Она, степенно выдвигаясь, опять же принимала овальную форму, сойдясь зараз стенами почти в середине крыше по одной линии разграничения, образовав вид срезанной сверху половинки яичной скорлупки. И в ту же самую секунду (когда стенки бортов образовали единую линию, будто войдя друг в друга) под ногами Дарья уловила глухое рокотание, словно заработавшего двигателя, определенно, указывающего, что вайтэдром был двухпалубным судном.

– Бурсак, вы плохо себя чувствуете? – спросил неожиданно Девдас, и, протянув руку, убрал с головы юного велесвановца капюшон, опять ощутив края ноздрей.

Дарья несмело качнула головой, помня наказ Прашанта ни с кем не разговаривать, а после медлительно вздела взгляд и воззрилась на профиль лица авгура велесвановцев, сейчас имеющего и вовсе плавные очертания, без каких-либо выступающих черт.

– Не слышу ответа, – авторитарность в голосе Девдаса вразы усилилась, приглушив баритональные нотки и оставив только насыщенное его звучание.

Еще не более десяти секунд и ассаруа медленно повернул голову в направлении лица Даши, чуть-чуть наклонив подбородок, так, дабы могли встретиться их взгляды. И сразу же внутри диэнцефалона бурсака, будто мощной волной выплеснулся поток мыслей, дотоль правящего головокружения, раздражения, и указаний Прашанта. Дарья сызнова резко дернула головой, вырывая из цепки взора Девдаса собственный диэнцефалон и взгляд, и едва слышно добавила:

– Хватит ковыряться в моей башке. Мне это неприятно и вызывает головокружение, слабость.

– Разговаривать нельзя с перундьяговцами и таусенцами. Мне вы обязаны немедля отвечать, – проронил Девдас и нижний края его рта изогнулся, тем изображая улыбку. – Прашант не правильно вас информировал. Обаче сие для меня не новость, ссасуа во всем дюже дотошен.

– Меня об этом не предупредили, – отозвалась Дарья, ощущая, как под ногами прямо-таки содрогнулась палуба, и завибрировала спинка кресла. Отчего, она торопливо подалась вперед от нее, и чуть тише дополнила, – не предупредили, что вам я обязана отвечать, а Прашант дюже во всем дотошен.

Сомкнувшая пространствоверху прозрачная крыша на немного вроде притушила свет и внутри вайтэдрома. Да только минутой спустя, ее поверхность стала вроде как, бледнея, насыщаться почти желтым сиянием, освещая недра лады и с этим высвобождая происходящее вне вайтэдрома.

– Видимо, это была едкая насмешка, – произнес Девдас, смещая руку вниз к плечу бурсака, придерживая его от раскачивания. – Сие не допустимо в среде велесвановцев. Также как дотоль переданные Прашанту и мне начертания не копошиться в вашем диэнцефалоне. И используемое в процессе данного начертания ругательство. Одначе вельми славно, что вы ощущаете данное воздействие на ваш диэнцефалон, удивительно, что умеете тому, пусть и не осознанно противостоять. Это указывает на особые в вас способности, и делает весьма приятным само обучение и общение с вами бурсак.

Дарья легохонько дернула плечами, не столько намереваясь скинуть с одного из них руку ассаруа, сколько внезапно ощутив как вайтэдром тронулся с места, самую толику взлетев вверх, а после качнувшись назад, точно ведомый кормой. Девдас, уловив покачивание юного велесвановца, торопливо прислонил его к спинке кресла, вложив в свои действия

особую заботу, воспринятую последним телесно, и вновь возвращая собственному голосу насыщенную баритональность, сказал:

– Аккуратно. Более не отклоняйтесь от зауа, – мельком окидывая взглядом само кресло, – понеже вайтэдром начал движение.

И впрямь, Девдас оказался прав. Ибо стоило Дарье прислониться к спинке, и вздуть вверх голову, как над ней в несколько десятков секунд промелькнул сводчатый потолок, отливающий зеркальной поверхностью, гвотаки, межгалактической станции, а после треугольный сегмент створки, все еще уползающей наверх. Вылетев, как оказалось из хвостового отсека и вовсе огромного корабля, полностью оправдывающего собственное название станции, они оказались в космическом пространстве. Это было овальной формы гвотаки, сжатое по бокам и имеющее желтовато-белую обшивку. Передняя часть станции зрительно была толще более уплощенной хвостовой. Сама обшивка пестрила мерцанием многочисленных огней, местами принимающих форму сияющих пятен или выступающих над общим уровнем гвотаки площадок, покрытых небольшими выступами, образующими какие-то узоры. Множество тонких антенн (похожих на плавательные ножки, двуветвистых пластинок) подвижных и черного свечения, опоясывали межгалактическую станцию по краю сжатых, до состояния плоской грани, боков.

Скорость вайтэдрома была столь огромна, что он мгновенно миновал поверхность гвотаки, вылетев и вовсе в невообразимую космическую даль. Каковая глянула на Дашу не только множественностью мельчайших, серебристых крапинок звезд (точно пролегших ровной полосой справа), но и проступающих нескольких туманных областей, удаленно мерцающих слева. Одна из них представляла собой рассеянный дымчатый темно-зеленый круг, вытянутый по краям, с внедренными меж подобно намотанных друг на друга лент, нитевидных, голубых блистающих линий. Образующие единое целое покрывало вокруг и вовсе ярко-красного светового пятна те линии, временами, достаточно ярко мерцали. Итоговая, самая крайняя из темно-зеленых дымчатых лент, смотрелась рассыпчатой, лишь кое-где вроде собравшаяся в более насыщенные пятна. Она по собственному рубежу медленно переплеталась с диагонально расположенной и уходящей, очевидно, в далекое пространство космоса розоватой туманностью. Видимый верхний слой этой туманности блистал крошечным белых звездных скоплений, возможно, отражающихся от более мощного в собственном сиянии ее центра, кажущегося белым, светящимся пятном, прикрытого вспученными розовыми облаками.

– Как красиво! – восторженно дыхла Даша, и легкохонько вздрогнула, когда серебристые крапинки звезд слева, выступили как-то враз крупными, отдельными светящимися небесными телами, а туманности слева, сошлись в единое целое разлитое марево синезелено-розового мерцания.

Девдас дотоль неотрывно смотрящий на замершего около панели управления на настройке громовника Будилия Аусей Перкуна едва слышно, что-то рыкающего двум стоящим недалеко от края дугообразной столешницы соплеменникам, оказывается, также нажимающих на кнопки и клавиши на небольших выехавших вверх экранах, медленно развернул голову в сторону Даши. Края его рта, не только нижнего, но и верхнего сейчас изогнувшись, начертали на лице широкую улыбку, придав самим чертам мягкости, посему Дарья поняла, ассаруа ею любит, не прикрито демонстрируя собственную радость от ее появления. Высокий рост Девдаса в сравнение с Дашиным если и не делал его мощным, то придавал года, указывая на старшинство, знания. Отчего бурсак ощущал себя в отношении ассаруа ребенком, не смышленным таким глупышом, каковому простительно не послушание и, очевидное, хоть и не желательное, не подчинение.

– Сие есть Галактика Сварга, – умягченно молвил Девдас. Видимо не собираясь ее вычитывать, пугать, вспать того желая расположить в отношении к себе, привязать. – Мы

летим по системе Дюдоло-тиара, в направлении нашей планеты Велесван. Это система, включающая в себя центральную звезду – Рашхат и тридцать семь не звездообразных объектов, в основном представленных различной формы планетами. Велесван находится на восьмой по удаленности эллипсоидно вытянутой орбите от Рашхат. На коей также соседствуют планеты Перундьяаг и Сим-Ерьгл. Право молвить сии планеты втрое превышают размеры Велесван, посему ее можно сравнить со спутником иноредь виденном с поверхности данных планет.

Девдас неторопливо поднял лежащую на подлокотнике правую руку и нежно огладил большим пальцем края века левого глаза Даши, слегка оттянув его вниз, и осматривая саму радужку. А после, вновь пройдясь подушечкой по верхнему веку глаза, и вовсе с нежностью в голосе добавил:

– У вас бурсак, удивительные по цвету радужки. Я такого еще не видел, а ведь каждый из приобретенных нами велесвановцев был осмотрен и доставлен на Велесван мною. Абы сие есть моя привилегия и обязанность. – Он на немного прервался, а когда заговорил, голос его стал звучать волнообразно, начинаясь с высокой ноты и завершаясь низкой, словно вытянутой на выдохе. – У нашего расаначальника негуснегести Аруна Гиридхари радужки голубо-алого цвета, и это при том, что у всех остальных велесвановцев их вариации находятся от бледно-голубого до темно-зеленого. У вас же, бурсак, они густо сине-алые, почти тай, что темно-лиловые.

– Бурсак, по-моему, не лучше, чем АЭ-сто двадцать четыре. Как думаете, ассаруа? – чуть слышно спросила Дарья, и прикрыла свои удивительные густо сине-алые, почти темно-лиловые, глаза веками. Не только полупрозрачной пленкой, наползающей сверху, но и значительно более плотной, поднявшей снизу и враз поглотившей и сам свет, и бирюзовость любующихся ею радужек Девдаса.

Глава одиннадцатая

Движение вайтэдрома неожиданно застопорилось и столь резко, что Дарья это уловила. Посему открыв веки, обе пары, воззрилась на сидящего в соседнем кресле, вернее заууа, Девдаса. Он, точно ожидая, когда она откроет глаза, качнул головой в сторону крыши судна, и, проследив за движением его взгляда, Даша увидела сине-алое пространство космоса, такое же густое по цвету, как и ее нынешние радужки, местами покрытое плотными пылевыми туманами в виде мелких просеянных звездных скоплений. Правую сторону крыши вайтэдрома, впрочем, прикрывала растянутая полоса желтой туманности с едва различимыми вкраплениями россыпи белых звезд, и тонких бордово-синих полос, увенчанных в местах стыка и вовсе крупными голубого свечения небесными телами. Неожиданно по носу судна четко нарисовался (вероятно, от небольшого его поворота в космосе) огромный шар бело-зеленой расцветки, по окоему прикрытый густыми белыми парами дыма.

– Это планета Перундьяаг, – нарушая тишину, правящую внутри вайтэдрома, молвил Девдас. – Вайтэдром сейчас расположился как раз над планетой Велесван. Прежде чем я укрою вас дхатой, хотел показать вам сию красоту, как вы выразились, ранее. Ибо ее вы увидите поколь не скоро. Велесван вращается вокруг своей оси с периодом в тридцать два часа. Поелику Перундьяаг и Сим-Ерьгл попеременно можно увидеть на его поверхности в виде шара в течение шестнадцати часов, в зависимости от расположения Велесван относительно Рашхат.

Девдас смолк и окинул взглядом Дашу, точно возвращая состояние ее головы в исходное состояние, а сам взор, опуская в направление собственных глаз.

– Велесвановцы никогда не произносят ругательств, – произнес он не то, чтобы впихивая данные знания в бурсака, просто стараясь ему подсказать. – Вам следует от этого отвыкнуть. Я укажу Прашанту и Сохану, моему среднему ссасуа, абы они затем пронаблюдали. Но все-таки мне хочется, дабы вы сами понимали, как сие дурно выглядит. – Авгур опять же мгновенно перевел речь, демонстрируя тем свою непредвзятость и теплоту в обучении Дарьи, пояснив, – у ассаруа велесвановцев, назначенных из лучших самим негуснегести, состоят три воспитанника, ссасуа. Поколь старший из них не достигнет состояние мастера, и не приступит к своим прямым обязанностям.

Казалось Девдас, и не говорил, а будто нарезал свою речь. Иногда выстраивая, выдыхая сразу целые фразы, предложения, а потом сказывая только отдельные слова, или даже слоги. Словно он все время подыскивал выражения, будучи не совсем уверенным в правильности сказанного, определенного чужого и плохо им известного языка.

– Вы сами, походу, – не выдержав того самого выкапывания фраз, отозвалась Дарья, – русский язык не очень знаете. – Надрывно дернулись ее плечи, и так достаточно высоко вскинутые вверх, за счет стояния лопатки, и она дополнила, – вы, ассаруа, говорите столь отрывисто, что порой теряется сам смысл ранее сказанного. И мне все время приходится запоминать дотоль вами сказанное выражение, чтобы выстроить предложение.

Вайтэдром тем временем ощутимо дрогнув, принялся опускаться вниз. Дарья это поняла, потому как планета Перундьяаг, будто прикрывающая саму систему, стала выступать более масштабным шаром, смыкая пространство меж крышей и космосом, изображая голубой, слегка сплюснутый эллипсоид с четко просматриваемыми океаническими впадинами, сетью островов и десятью (расположенными на данной стороне планеты) зеленовато-лазурными материками. Местами курились обок Перундьяаг голубовато-белые полосы облаков, прикрывающие планету, изредка, точно трепещущие своими рыхлыми полами.

– Видимо, бурсак, у вас полностью отсутствует какая-либо учтивость в отношении старшего, – опять же отрывисто и достаточно ровно сказал Девдас, даже не глянувший на Дашу.

Впрочем, последняя мельком пройдясь по его лицу взором увидела небольшой изгиб нижнего края рта, демонстрирующий улыбку. Несомненно, ассаруа не рассердился на ее бестактность, она его развеселила, ибо голос его вновь приняв верхнюю ноту, добавил:

– Также я заметил в вас полное отсутствие уважения и подчинения. Будем надеяться, сие качества не есть суть вашего диэнцефалона. Понеже мне бы не хотелось вас наказывать, как принято в среде велесвановцев, и исправимо станет путем бесед. Поелику не скрою, вы мне приглянулись, как ссасуа, и можете стать моим баловнем.

Последнее слово в устах ассаруа прозвучало столь слащаво, что Даша моментально перекосила лицо, однозначно, где-то на нем заложив тонкие морщинки. И с тем же неприятием враз откликнулась, даже не скрывая собственного раздражения:

– Лучшем решением будет пришить мне хвост, пятое ухо или обратить в звероящера, потому как я ненавижу всякие поучительные беседы. Всегда оставаясь при своем мнении.

Девдас и допреж неотрывно смотрящий на нависающую планету, заслоняющую все пространство за крышей вайтэдрома, неторопливо перевел взгляд на Дашу, зримо дернув уголком правого глаза. Точно тем движением вскидывая его вверх и придавая собственному лицу выражение плохо скрываемого восторга. Впрочем, он согнал с нижнего края рта улыбку, и много строже заметил:

– Не уверен, что вам захочется стать звероящером. Поелику вы не наблюдали сию расу в близком общении, да и их традиции, обряды несколько могут смутить. Что же касемо хвоста и пятого уха, выкажу уверенность, они вас не украсят. Да и ваш диэнцефалон никогда б не попал в руки данных рас. Его бы скорее оставили в прежнем обитании системы, абы только не передавать малоразвитым расам порой приторговывающих с таусенцами. Посему, бурсак, – он на чуть-чуть прервался, его глаза многожды сузились, оставив для наблюдения тонкую щель, в черноте каковой утонула бирюзовость радужки. – Ежели, вы не желаете быть моим баловнем, – дополнил авгур, – и воспитываться в традициях велесвановцев, вас запросто уничтожат.

Девдас произнес последнюю фразу достаточно жестко. И тем самым вызвал надрывистое сокращение мышц внутри нового тела Даши, да легкий холодок ужаса, заполонивший ее голову, указывающий на тоску напитанную невозможностью возврата и диким желанием увидеть Павку. Видимо, ассаруа все же рассердился на бурсака, потому как внезапно резко протянул к его голове руку и натянул на нее сверху капюшон дхаты, укрыв почти полностью глаза.

Вайтэдром между тем опускался вниз, его движение происходило ощутимо вертикально, и оттого, досель заполнившая пространство крыши планета Перундьяаг, также неторопливо стала отодвигаться вбок и с тем вроде как лишаться четкости собственного рельефного строения поверхности. Теряя не только сами неровности в виде суши и океанских зон, но и цветовую гамму, превращаясь в огромный белый, дымчатый шар. Уступая место космической дали, наполняющейся парными бело-голубоватыми, густыми сгустками газовой оболочки атмосферы.

Теперь полет вайтэдрома казался не таким скорым, хотя ощутимым, вроде раздвигающим плотную газовую оболочку Велесван, и напивая пространство над прозрачной крышей судна небосводом. Едва голубоватого отсвета, словно заглушаемое белыми лучами звезды, небо расширяло свои границы. Впрочем, с трудом, чрез нависающий край капюшона, поглядывающая на него Дарья, всего то и видела, что его кусочек, соприкасающийся с носом вайтэдрома.

Еще несколько неторопливых минут и ладья ощутимо сотряслась. Два перундьяговца в темно-лиловых рубахах, дотоль стоящие подле ступеней настройки, поспешили к проходу, и когда прозрачная крыша вайтэдрома надломившись в единой линии, принялась расходиться, въезжая в сами борта, раскрывая внутренность судна, приоткрылись утопленные внутри стенок прозрачные экраны мониторов. Крыша еще толком не въехала в борта, а перундьяговцы нажали на выскочившие на экранах кнопки, тотчас размыкая проход и выдвигая вниз к поверхности планеты лестницу. Глухое рокотание двигателя, однако, не стихло, и указывало на то, что остановка на Велесване будет короткой.

Посему когда с настройки спустившись вниз, поспешил к велесвановцам громовник Будия Аусей Перкун, и замер в нескольких шагах напротив кресел, Девдас медлительно встал с заууа. Он уцепил под локоть Дашу и также поднял ее на ноги, единожды, как можно ниже надвигая на лицо капюшон дхаты на ее голове. Потому в наблюдение у нее остались только загнутые носки серебристых сапог перундьяговца, в которых мерцали белыми пятнами отсветы, оставляемые от висевшего на поясе оружия, напоминающего славянскую булаву, с черной, шаровидной головкой и десятью зубчатыми ребрами оранжевого сияния.

– Громовник Будия Аусей Перкун благодарим за помощь, – молвил Девдас, высвобождая локоть юного велесвановца из хватки своих пальцев. – От имени его превосходительства негуснегести Аруна Гиридхари подтверждаем полное выполнение вами всех договорных отношений. Отдельно благодарим князя перундьяговцев руксам Баоша Ялись Дьаг за участие в аукционных торгах.

– Всегда рады помочь, пресветлый авгур! – рыкающим выдохом отозвался Будиль Аусей Перкун, став и вовсе схож голосом с медведем.

Дарья стремительно дернула головой вверх, стараясь рассмотреть его, и тот же миг не менее скоро рука стоящего подле Девдаса надавила на макушку, заставляя принять исходную, несколько наклоненную позу. А громовник между тем резко выкинул вверх все четыре руки, широко расставив пальцы, точно стараясь дотянуться до звезды Рашхат, и дополнил еще громче:

– Хвала негуснегести Аруну Гиридхари! – в этом исполняя какой-то привычный только для перундьяговцев ритуал. Потому как уже в следующий миг низкое грохотание «хвала» исторгнутое его соплеменниками наполнило весь вайтэдром, выплеснувшись даже наружу. Девдас, однако, даже не отозвался, посему складывалось впечатление, что к этой традиции велесвановцы не имели отношения, или просто обладали более высоким статусом собственной расы. Ассаруа промеж того степенно сойдя с места направился к проходу, принявшись спускаться по лестнице, вроде как позабыв про бурсака.

Дарья все еще смотрящая на загнутые носки сапог перундьяговца тронулась вслед за ним, лишь после того, как со второго ряда кресел к ней подступил Прашант. Он вновь ухватил ее под правый локоть и весьма грубо потянул к проходу.

Движения старшего ссасуа в этот раз были резкие, жесткие, точно он был раздражен или злился. Может оттого, что ее посадили подле ассаруа, или потому как предложили стать его баловнем. Спустившись по лестнице, Даше даже не дали оглядеться. Хотя она все время пыталась вскинуть голову или хотя бы сдвинуть капюшон плаща. Да только Прашант, идущий подле, неизменно пресекал такие манипуляции, тянул полу капюшона вниз или дергал ее локоть в бок.

Впрочем, Дарья смогла разглядеть площадку, на кою спустились с лестницы. Это была огромная в размерах площадка серого цвета, по структуре напоминающая металл. Она находилась, вероятно, на какой-то возвышенности, потому как когда ее миновали, ступив на узкую дорожку, каменную с голубоватым отливом поверхности, ощутимо начерталось ее наклонное положение. Дорожка ограничивалась с двух сторон низкими бордюрами

с плавно-округлыми линиями, также, видимо, каменными в лучах Рашхат поигрывающих бело-серебристыми огоньками, словно сигнальными маячками.

Они остановились тогда, когда позади послышался свистящий звук двигателей отбывающего с Велесван вайтэдрома. Девдас застопорил свой ход столь внезапно, что Прашант шагающий рядом с Дашей, едва успел ее придержать.

– Необходимо разуться, – указал авгур, впрочем, его повеление не носило роль команды. Вспять того оно звучало умягченно, очевидно, он не раздумал назначить юного велесвановца собственным баловнем, потому сейчас пытался повлиять на него только словесно, располагая к себе. Девдас неторопливо развернулся, и, сняв с головы Дарьи капюшон дхаты, очень нежно огладил края ее ноздрей, тем движением проверяя состояние всего этого юного тела. Засим, он также медленно провел кончиками пальцев по векам правого, левого глаза, и, изогнув нижний край рта, улыбнулся. Девдасу и впрямь приглянулся новый его воспитанник, и с правящей в нем теплотой он не мог справиться, наглядно ее демонстрируя даже при старшем ссасуа. Возможно, таким образом, устанавливая определенное поведение Прашанта.

Ассаруа несильно качнул головой, и, следуя за ее движением, Даша оглядела местность, где оказалась. Как правильно она дотоль догадалась, сейчас они находились на возвышении. Нельзя было сказать, что данная приподнятость рельефа относилась к горной местности, скорее к насыпному валу, хотя и весьма широкому в своем основании. Расположенный на достаточно ровном плато, густо поросшем лесными массивами, в вершине вал представлял собой посадочную площадку, в виде круглой металлической поверхности. Вдоль по склону пролегали вниз до пяти каменных дорожек, подобно той на которой сейчас стояли велесвановцы. Они расходились уже вне бугра в разных направлениях и терялись в лесных массивах, покрывающих всю зримую область и создающих сплошной сизовато-серый покров из собственных крон, входящих в самую голубо-белую полосу горизонта.

Впрочем, более всего поразило Дашу сияние звезды, освещающей планету. Диск Рашхат, как и четко проступающие восемь широких полос, оставленных лучами, были почти белого цвета с легким лазоревым оттенком. В основном светло-синие тона присутствовали на стыке с самим небосводом, каковой, однозначно, смотрелся бледно-голубого цвета или сизым в соприкосновении с кронами деревьев. Потому что цвет Рашхат был близок к белому, вся наблюдаемая кругом местность чудилась пасмурно-голубой, с отдельными линиями белого, лазоревого и даже серого, не имеющей привычной для Земли яркости, насыщенности красок. Легкий дымок, создающийся в сочетании падающего света на кроны деревьев, и вовсе придавал состояние мороки, непродолжительного ненастья. Вместе с тем нельзя было сравнивать сей вид света с пасмурностью земного хмурого дня скрываемого небосклона под плотными серо-стальными облаками. Дабы яркость самого Рашхат была столь очевидна, с поразительной совсем чуть-чуть слепящей глаза искристостью поигрывающих бликов, отражающихся в многочисленных широких руслах синих рек разрезающих лесные пространства, и раздвигающих их в стороны корытообразных глянцево-лазурных озер. Взгляд Даши также потряс нависающий справа огромный шар, точно подпирающий саму поверхность планеты, зрительно входящий в нее своими вспученными, белыми, представленными в виде дымчатых паров объемами. Вроде рыхлая по своему окоему планета Перундьяаг не просто заслонила небосвод справа, она, очевидно, придавала и всей остальной его поверхности тот самый блеклый свет, в сочетание с лучами Рашхат погасив какую-либо возможную синеву.

– Ого! как красиво! Обалдеть, да, и только! – наконец, выдохнула из себя Даша, не только любуясь таким удивительным видом, но и поражаясь этому новому этапу в ее жизни.

– Разувайтесь, – чуть слышно дыхнул, склонив голову, ей в ухо Прашант и опять дернул за руку немного вниз.

– Бл..! заканчивай меня дергать! – достаточно грубо откликнулась Дарья, не менее раздраженно выдергивая из удерживаемой хватки руку и несильно толкая Прашанта локтем в расположенный напротив живот.

Толчок ее локтя был, видимо, довольно-таки сильным, а может только неожиданным, потому вызвал из уст Прашанта однократный возглас боли или удивления. Бурсак в том не успел разобраться, ибо стоящий подле вполоборота Девдас, внезапно развернувшись к нему, резко выкинул вперед руку. Большой палец правой его руки, предположительно являющийся отдельным органом движения, мгновенно уткнулся Даше в закругленный конец подбородка, резко подняв вверх. Сейчас авгур поднял вверх не просто голову Дарьи, а все ее тело, так, что оно прямо-таки взлетело. И лицо бурсака замерло напротив глаз ассаруа. В его бирюзовых радужках черные, овально-растянутые вдоль век зрачки мгновенно возросли в собственном диаметре, будто отразившись от белых тонких полос, проходящих по краю вывернутых век, в том сиянии всколыхнув в Даше тоску, чего-то утерянного, однозначно, не связанного с ее прежней жизнью на Земле, а являющейся чем-то изначальным. Потому юный велесвановец широко отворил рот, и судорожно дернув головой, тягостно вздохнул. И тотчас внутри головы выборочно, отрывочно поплыли мысли, слова, фразы, фрагменты воспоминаний. Наполненные лишь болью, слезами и пережитым горем, они выплескивали в диэнцефалон отдельные звуки, выражения, запахи, не просто болезненные, а прямо-таки непосильные для восприятия. Отчего Даша гулко, с дрожью в голосе закричала: «Прекрати! Прекрати сейчас же!»

А секундой спустя, все еще пытаясь преодолеть напряжение в голове, она вскинула вверх руку и махнула ею, намереваясь ударить Девдаса по щеке, и тем освободить себя от этой зрительной сцепки. Впрочем, мгновением спустя, ее рука, так и не достигнув лица ассаруа, стремительно упала вниз, а перед взором возникла оранжевая туманность наполненная скоплениями газов, плазмы, пыли. Имеющая форму выпуклого кольца, туманность внутри представляла собой волокнистую структуру, в виде отдельных вытянутых струй, спиралей и значительно более мелких глобул, в основном темно-синего или черного, глянцевого сияния. Выступив участком, напоминающим огромный человеческий глаз, каковой был вроде как прикрыт оранжевыми парами со всех сторон. Плоская форма глаза имела вздутые, значительно вытянутые уголки. Слегка вывернутыми были подвижные складки вокруг него, без ресниц и устья желёз, с розовой тонкой полосой, проходящей по самому краю, без склеры. А особой волной волнения, похоже, сказала лиловая радужка с находящимся внутри овально-растянутым синим зрачком, не столько близким, сколько вроде своим.

– Прекратить ругательства! – наполнило диэнцефалон четко выданное указание Девдаса, разрушающее такое родное, словно собственное лицезрение глаза.

И тот же миг ассаруа скинул с пальца удерживаемый подбородок Даши. И она резко полетела вниз, приземлившись не на ноги, а упав на правый бок, болезненно ударившись щекой о каменную поверхность дорожки, с тем окончательно изгоняя увиденную оранжевую туманность и растворившийся в нем глаз, а также выдворяя какую-либо родственность, тоску об ушедшем.

– Днесь и впредь никаких более ругательств. Слушать меня. И исполнять все указанное мною, и переданное через старших ссасуа Прашанта и Сохана! – также стремительно врезался голос Девдаса в наступившую серую видимость глаз Даши, возвращая свет, и вспенивая множественность царящих кругом запахов, тончайших, напитанных сладкой пылью меда, леденящими струйками воды и кисловатым аромат цветущих хвойных деревьев.

Надрывистой судорогой данному новому осязанию ответило все тело юного велесвановца, а перед глазами возникла голубоватая поверхность дорожки, наблюдаемая особенно

четко правым глазом. Ее гладкость, и как оказалось, при ближайшем рассмотрении, изъеденность мельчайшими трещинками, вроде прокопанных нор, зримо качнулась, намереваясь в тех местах, похоже, лопнуть.

Глава двенадцатая

– Поднимайтесь! – тихо и торопливо проронил Прашант да присев подле лежащей Даши на корточки, принялся помогать ей вставать. Его руки обхватили плечи бурсака, и немного потянув на себя, подняли с поверхности дорожки, сначала посадив, а после с собственным подъемом с присядок поставив на ноги. Он оправил на ней полы плаща сзади и ласково (именно ласково) огладил ударенную щеку, вложив в сам жест мягкость, точно пожалев. В голове все еще гудело, и не столько от звуков и картинок, вызванных Девдасом или его указанием, сколько от тоски почему-то ушедшему, невозвратному, тому без чего и не хотелось существовать, впрочем, сейчас к изумлению Дарьи не связанному с ее детьми, или жизнью на Земле. Поторапливаемая молвю Прашанта, Даша принялась неторопливо снимать с себя плащ и мокасины.

Девдас, между тем, энергично развернулся, и, сделав наблюдаемо для своих ссасуа несколько шагов вперед по дорожке, не наклоняясь, снял со стоп белые мокасины. Промонстрировав не только длину собственных рук, но и подвижность суставов ног, а после рывком кинул их на поверхность голубоватой дорожки.

– Скорей! Скорей, бурсак! – проронил над Дарьей старший ссасуа, вырывая из ее рук плащ и снятые мокасины, сворачивая их на ходу в сверток и подталкивая вслед авгура. – От ассаруа Девдаса нельзя отставать. И более не ругайтесь, будьте послушны, не спорьте. Иначе ассаруа всяк раз будет вызывать в вашем диэнцефалоне поток мыслей, искусственно заставляя подчиняться. Очень плохо, что ассаруа решился на это, понеже сие может принести заболевание и применяется на Велесван весьма редко.

Старший ссасуа вновь подтолкнул (слегка разворачивая) юного велесвановца в спину, вкладывая в сей толчок не грубость, а мягкость, точно и сам испугался действий Девдаса, еще ниже дополнив:

– И подберите две ассаруа. Он указал нести ее вам.

Дарья было открыла рот, чтобы возмутиться и проведенному над ее диэнцефалоном насилию, и тому, что заставляют нести обувь-две Девдаса, но Прашант точно упреждая данное возмущение досказал:

– Не надобно днесь противоречить решению ассаруа, иначе вас накажут. И сие не только вызов потока мыслей в диэнцефалоне, но и привычное на Велесване прохождение наказаний, в виде долгого срока нахождения в изоляции или лишения права общения с велесвановцами. И поверьте мне, бурсак, вы весьма близки к такой изоляции, поелику никто не станет терпеть ваше своеволие, даже ассаруа, коему вы приглянулись. Будьте, благодарны.

Прашант добавил последнюю фразу ощутимо ласково, стараясь повлиять на младшего ссасуа и с тем убедить не противиться воли старшего, не уточняя, его ли или ассаруа. Даша, уловив ту любовную интонацию, немедленно взяла себя в руки. И резко шагнув вперед, обреченно замерла возле мокасин Девдаса, с тоскливой болью осознавая, что даже встать и хлопнуть дверью, как дотоль она позволяла себе на Земле, сейчас не может. А миг спустя, скручивая в рулон собственную гордость, стремительно опустилась на корточки, и, подхватив пальцами правой руки под язычки две Девдаса, также резко выпрямившись, направилась по дорожке. Внутри собственного диэнцефалона точно пережевывая посланную ассаруа установку, поучения Прашанта и тоскливое состояние при виде оранжевой туманности. Старший ссасуа вскоре нагнал Дарью и очень мягко подтолкнув в спину, низко молвил:

– Бурсак, побыстрей. Мы не должны отставать от ассаруа Девдаса, он будет сердать. И две ассаруа соедините подошвами и подсуньте подмышку.

Теперь в его касаниях, указаниях плыла только теплота, а голос став низким, старался приободрить, будто он считал себя виновным в произошедшем с младшим, и хотел загладить собственный промах. Слабость в ногах, не столько привычно в коленях, сколько в голени, однако, не дала возможности Даше прибавить шагу, еще и потому как само туловище и голова слегка раскачивались вправо-влево. При всем том она, не мешкая, выполнила указание ссасуа по поводу обуви, и, сложив их подошвами, подсунула подмышку правой руки.

Минут пятнадцать спустя, того неторопливого хода, дорожка стала многожды ровней, и, спустившись с посадочного вала, безотлагательно вступили в раскинувшийся подле его подножия густой лес. Деревья здесь смотрелись зачастую высоченными великанами, достигая в длину сорока-пятидесяти метров, и поражали взгляд либо формой кроны, либо чудным видом листвы. Они как-то враз прикрыли небосвод своими кронами, впрочем, не заслонив самого Рашхат, пробивающегося белыми с голубоватым отливом лучами сквозь ветви, и создающего внутри леса парящую сероватую дымку. По большей части деревья, растущие тут, с толстым стволом не менее полутора-двух метров в диаметре, с черной, трещиноватой корой имели несомкнутую, раскидистую крону, крепкие ветви, которые покрывали тонкие, длинные серо-голубые листья, закручивающиеся на концах и висящие густыми причудливыми прядями, подобно земному мху. Эти плотные лохмы тончайших, словно нитей листьев, не просто свисали с веток, они их опутывали, притом создавая в самих кронах витые сети, порой смотрящиеся скрученными, свисающими вниз комками. Иные из деревьев хоть и были менее рослыми, выделялись своими толстыми (с синеватым отливом) ветвистыми стволами, в диаметре вдвое или второе превосходящие соседей. Их ветви, весьма корявые, короткие, росли перпендикулярно стволу, и завершались короткими пучками кожистых удлиненно-пластинчатых листов. Каждая из таких ветвей имела множество более коротких веточек, опять же удерживающих на кончиках пластинчатые буро-коричневые листочки с выделяющимися на их поверхности крупными красными жилками. Среди этих гигантов не редкостью хоронились приземистые, молодые деревца, с изогнутыми, тонкими зелено-серыми стволами и длинющими кожистыми листьями, более похожими на коричневые кожаные ремни. Такие листья дотягивались до почвы и на концах столь сильно расщеплялись, что своим видом напоминали большие, лохматые шевелюры.

Почва под деревьями, покрывала плотная поросль растений, с низкими стебельками, опушенными маханькими шаровидными головками пепельно-голубых листочков. К удивлению, совсем мало даже в глубине леса было упавших веток, еще меньше поваленных стволов, их всего-то из долгого, вероятно, двухчасового пути Даша увидела два или три. Создавалось такое ощущение, что за лесным массивом кто-то следил, в положенный срок, срезая сухие ветви, высаживая молодую поросль. Потому как мощные великаны деревья вроде полосами иногда перемеживали их более юными собратьями. Говоря же о дорожке, по каковой шли велесвановцы, так на ней также не имелось опавшей листвы, а нависающие ветви, переплетаясь с побегами соседствующих деревьев, созидали нечто в виде сводчатого перекрытия. Лишившаяся своих сигнальных бордюров, дорожка теперь завершалась отвесными краями, которые входили в почву, имеющую опять же по месту стыков сизый отлив.

Догнать Девдаса удалось минут через десять, и лишь потому как он сам немного снизил ходкость шага, вероятно, «выпустив из себя пар», – как подумала Дарья. Еще не более получаса, время которое юный велесвановец поколь соизмерял с земным, шли молча.

Оглядывая этот иной мир, другой, чужой планеты, Даша подметила достаточное разнообразие, хоть и непривычных растений. Едва лишь представленных ранее описанными видами деревьев, и всего-навсего изменяющими окраску шаровидных листочков растений ползущих по почве начиная с пепельно-голубого вплоть до темно-синего. Вместе с тем на данной планете удалось различить множество запахов, вроде обоняние Дарьи усилилось

или стало работать значительно сильнее. Потому получилось отметить сладкий аромат чего-то цветущего (словно перемешанного с духом свежести, оставленной после прошедшей грозы) и отдельно пришедший кислый запах скошенной травы, а может даже вскопанной земли.

Звуки в основном воспринимались странными, хотя лес наполняли отдельные трели, схожие с пение земных птиц. И привычное кле-кле, тиу-тиу, цик-цик, чак-чак всегда звучавшее на Земле высокой нотой, здесь разносилось весьма низко, переплетаясь с не менее низким скрипом, стрекотом, хрустом и даже отрывистым клекотом. Порой и вовсе этому глухому многозвучию вторил долетающий откуда-то издали протяжно-хрипящий стон, точно жалующегося на судьбу создания. Он начинался очень высокой фонацией, и степенно изменяя сам тембр, переходил на прерывистые хрипы. Даше все время хотелось спросить, кто это так тревожно скулит, но после пережитого перемешивания ее мыслей, пропало стремление как-либо говорить с Девдасом.

На ветвях деревьев порой можно было увидеть птиц, в основном размером с земного голубя или даже ворона. Зачастую тела таких птиц были покрыты перьями, ярких (для общей бедности красок Велесван) цветов. Посему они блистали оранжевыми, красными, синими и даже зелеными брюшками, а их широкие распушенные хвосты переливались золотыми, белыми полосами. Густые красные гребни топорщились на округлых кожистых, белых головках птиц с почти пурпурными клювами и мощными того же цвета лапами. Впрочем, у неких из этих птиц хвост состоял из отдельных, очень длинных и, одновременно, тонких синих перьев, на конце увенчанных каплевидными белыми уплотнениями, точь-в-точь повторяющих форму и цвет их глаз. Пару раз Даша увидела и вовсе огромную птицу, тяжело перелетающую с ветки на ветку. Лишь частью тело этой птицы покрывали короткие темно-серые перья, с небольшими крыльями. Сама голова, брюшко, ноги и даже хвост имели кожистый и весьма сморщенный белесый вид. Ярко окрашенный в желтые и зеленые цвета треугольной формы клюв, был огромным, занимая собственным основанием треть головы и свешиваясь вниз длинным концом.

Изредка на ветвях, листьях, стволах деревьев висели тонкие в палец голубые, бурые и даже синие с длинными плоскими, гладкими телами и множеством тонких, дугообразных ножек, животные, напоминающие змей. Едва заметно мелькали мимо голубовато-прозрачные паучки с маленькими крылышками. И крупные почти в палец бирюзово-глянцевитые жуки, с размашистыми округлыми крыльями. Впрочем, как пришла к выводу Дарья, животный и растительный мир, смотрелся на Велесван, достаточно однотипным, повторяющим общие формы живых существ, и отличающихся в основном окраской.

– На нашей планете, – внезапно заговорил Девдас, даже не оглядываясь, точно и так понимал, что теперь его слушать будут более внимательно. – Обитают только теплокровные, яйцекладущие животные, насекомые и рептилии. И если вы заметили, сам растительный мир не слишком пестрит многообразием, поелику в свой срок Велесван населяли принудительными методами. Сим в частности занимались тарховичи и ерьгловцы, посему здесь вы не увидите многообразия, кое можно наблюдать на так называемых естественно развивающихся планетах.

В этот раз ассаруа говорил более четко, почти не делая промежутков между слов, словно прислушался к подмеченному в его речи недостатку, который сделал Даша. Видимо, для Девдаса оставалось важным, чтобы юный велесвановец его понимал. Голос его теперь звучал ровно, растеряв всю властность, лишь источая насыщенную плавность, несомненно, авгур этой теплотой гасил дотоль проявленную грубость, демонстрируя, как он может быть нежен со своим младшим ссасуа.

А местность между тем почти и не менялась. Впрочем, сейчас досель встречающиеся приземистые деревца, с изогнутыми, тонкими зелено-серыми стволами и длинющими

кожистыми листьями как-то разком набрали росту. Теперь их стволы, большей частью похожие на толстые бочонки, округлые в серединке сменили цвет коры на почти сизый, а дотягивающиеся до почвы и на концах расщепленные листья стали темно-коричневыми. Распластанные по земле концы образовывали и вовсе здоровущие в размерах рыхлые комки, переплетаясь одиночными полосами с растущими на земле стебельками, опушенными шаровидными серо-голубыми листочками из центра коих выглядывали заостренные соцветия. Некие из соцветий были приоткрыты, и тогда демонстрировали розоватые трепещущие зубчатые лепестки. В воздухе все сильнее ощущалась влажность, ноне не просто оставленная сероватой дымкой от проникнувших в недра леса лучей Рашхат, а будто подымающаяся из самой почвы.

Из монотонного монолога Девдаса, Даша поняла, что Велесван был не просто искусственно населенной планетой, ее еще и искусственно создали, нарочно для расы велесвановцев. Когда-то ее подарили его превосходительству негуснегести Аруну Гиридхари тарховичи. И лишь потом степенно на ней налаживали быт существующих растений и животных ерьгловцы, в обязанности каковых до сих пор входит уход за лесными массивами и водными источниками. Сейчас на Велесване находилось более двадцати крупных поселений, называемых слободы с собственным старшим, боизой, назначаемым Аруном Гиридхари. В слободах были построены неприхотливые деревянные жилища, они опять же, как и дорожки и посадочные полосы, в свой срок возводились перундьяговцами. Центральной слободой на планете считалась Вукосавка, где и проживал сам негуснегести. Слобода, в которой жили Девдас и его ученики, именовалась Далибора и в ней боизой, естественно, был назначен он.

Арун Гиридхари, со слов ассаруа, оказался единственным и полновластным правителем Велесван. Он также был единственным, кто имел возможность передавать необходимые информационные компоненты для появления новой плоти велесвановцев. Негуснегести, в отличие от старших велесвановцев (в число коих входил и Девдас) не брал воспитанников, хотя в свой срок вырастил четырех авгуров, обладающих особыми способностями диэнцефалона. Рассказывая о самой планете, ассаруа пояснил, что день на ней длится двадцать часов, а ночь двенадцать. А сам колоход, вращение Велесван вокруг Рашхат, занимает шестьсот восемьдесят суток.

За время своего словесного изложения Девдас так ни разу, и не оглянувшись, вероятно, будучи убежденным, что его слушают внимательно. Сама же Дарья, хоть и слушала ассаруа, неизменно наблюдала за удивительным миром Велесван. С любопытством отметив для себя трех птиц, сидящих в рядок на одной из ветвей дерева. Это были небольшие птицы, чуть больше воробья с рыжеватым опереньем тела и маленькой ярко малиновой головой, на которой находился хохолок из шипообразных длинных наростов. Очень длинные оперенные ноги, с загнутыми когтями, придавали птицам достаточно нелепый, если не сказать уродливый, вид.

В данной части леса все чаще и чаще стали появляться маленькие с ноготок бабочки. Желтой или синей расцветки, данные насекомые обладали количеством крылышек вдвое, а то и втрое превышающие тех, что имели их земные собратья. Потому со стороны бабочки смотрелись какими-то порхающими шариками.

И на своих удивительных крылышках они словно принесли смену и самому лесу, где теперь появились с раскидистой кроной и сизовато-черной корой мощные деревья. Их ветви были покрыты серо-зелеными листочками, тонкими клиновидными, точно сделанными из шелковой ткани (легчайшими на вид), и потому, даже при малом дуновении ветерка машущими, как флажки на параде. Также сменилась и растительность на земле, уступив место плотным полотнищам мха с голубоватым отсветом. Создавая нечто в виде ровного слоя ковра, подходящего впритык к стволам деревьев, окутывающего их чуть выступающие округлые корневища и даже наползающие на низко-нависающие ветви. Не редкостью тут

были крупные зеленые с черными прожилками камни, иногда овально-растянутые, а изредка круглые, будто нарочно раскиданные на земле.

Влажность здесь сменилась на сырость так, что стало трудно дышать, а в небольших углубления мха теперь просматривались лужицы с голубоватой водой, где поверхность воды почасту рябила, очевидно, из-за возникшего слабого ветерка. Вдобавок Рашхат отправился на покой. Его свет не то, чтобы стал гаснуть, просто много сильнее посмурело само небо, подобно тому, как его заслоняют на Земле грозовые тучи, только не бурые, а фиолетовые. Рашхат опустился значимо в сравнении с идущими и теперь его белые лучи, слегка вбирающие сизый отсвет крон деревьев, пробивались меж стволом да точно лежали на поверхности голубых мхов. С тем побледнела и дотоль рыхлая поверхность планеты Перундьяаг. И если, раньше подпирая Велесван, она вроде придавала его верхнему слою блеклый свет, то сейчас став и вовсе прозрачной явила лиловую синеву небосвода.

Глава тринадцатая

Когда Рашхат опустился настолько, что его лучи лишь издали подсвечивали мхи, прорезая на них отдельные мельчайшие стебельки, а небо полностью стало сиреневым, Девдас остановился. Справа от дорожки, несколько в углубление леса лежал и вовсе мощный валун с выступающими вперед стенами и нависающей крышей, образующий небольшой грот. Это был цельно спаянный камень, без каких либо стыков, точно изнутри его, образуя пещеру, очень ровно выплавили кусок.

– Думаю, пора остановиться на ночлег, – пояснил свои действия ассаруа. – Ибо Рашхат скоро пойдет за кругозор. – Он, наконец, развернулся в сторону стоящих ссасуа, и нескрывая нежно взглянул сверху вниз на Дашу, с теплом в голосе дополнив, – завтра дойдем до Вукосавки. Понеже по традициям велесвановцев обязаны представить нового члена расы его превосходительству негуснегести Аруну Гиридхари.

Его взгляд исследовательски прошелся по лицу Дарьи так, что последней показалось, он ею любит, подобно милым чадам, рождение которого долго ждал. Когда же авгур, вскинув руку, снова огладил перстами края ноздрей и нижнее веко, поняла, что это ей не почудилось. Девдас, вероятно, сейчас старался снизить напряжение, оставленное в бурсаке от собственных действий, а может только утверждал его статус среди собственных ссасуа.

Он еще не более минуты оглаживал подушечками пальцев лицо Дарьи, а после стремительно развернулся, и, приподняв края парео вверх, зараз ступил с дорожки в покрывала мхов. Все с той же величавой торопливостью, ассаруа довольно-таки быстро направился в сторону каменного грота, каждый раз опираясь на мшистую поверхность данной почвы только пальцами и слегка вздевая вверх саму пятку. Даша также медлила чуть-чуть, да так и не дождавшись каких-либо распоряжений от Прашанта, шагнула вслед за ассаруа, поставив на голубоватые его слоевища сначала правую подошву стопы, а потом и левую. И также мгновенно почувствовала под ногами вязкое движение верхнего слоя мха, будто расходящегося в стороны и с тем всасывающего ее в собственные (видимо, бездонные) глубины, сперва по щиколотку, погода по колено, а секунд через пять почитай по пояс.

– Ох! – испуганно вскрикнула Дарья, ощущая мощную хватку на бедрах, и медленное движение вниз в целом всего тела. Отчего перестали восприниматься не только стопы, голени, но, похоже, и сами бедра. Резкая боль внезапно прорезала кожу ног, словно внутри этой сероватой, вязкой субстанции разлом, появились, внедрившись в ее кожу до сотен мельчайших иголок.

– А...! а! – теперь Дарья закричала в голос и, не мешкая, дернулась вперед, вслед идущего ассаруа, раскидав в стороны руки, выронив с подмышек обувь. А трясина, произведя очередной значимый хлопок, втянула ее в себя почти по грудь, потому сами пальцы внедрились в еще укрывающие местность слоевища мха.

Девдас уже достигший грота, немедля повернулся, да в три шага покрыв расстояние до своего младшего ссасуа, крепко ухватил его за руку. Единым и достаточно резким движением он вскинул вверх руку Дашу и также мгновенно выудил всю ее, вплоть до стоп, из вязкой субстанции, безотлагательно пустившей по своей сероватой глади маленькие пузырьки. А вытянутое из плена тело юного велесвановца тотчас покинула боль, будто из кожи единым махом выдернули иголки, оставив только неприятное нытье давешней раны.

Продолжая удерживать за простертую вверх руку Дарью, благоразумно или только интуитивно поджавшую ноги, Девдас развернувшись, направился к гроту. Во время ходьбы он опять же опирался на мхи всего-навсего передними пальцами, и тем стал ассоциативно схож с балеруном. Впрочем, таким своим шагом ассаруа очень быстро достиг каменного убежища, и, пристроив младшего ссасуа на мягкое полотно мха (пепельно-синего цвета)

внутри него, слегка встряхнув ногами, вроде смахивая с них зазевавшиеся вязкие капли, строго спросил:

– Что вы так кричите? И разве вам было дано указание идти за мной?

Теперь он и сам вступил в грот, пригнув голову, и выпуская из левой руки, все еще приподнятое парео, правый край которого тем не менее немного вымок, да воззрился на Дашу.

– Я! Я! – всполошено продышала Дарья, впервые, очевидно, не зная как ответить и с тем ощущая мощную волну негодования, – да, вы уже меня заманили! – все-таки выкрикнула она. – Сколько можно! Я вам чё тут, бл... сопливая девчонка! Чтоб меня это... это...

Даша враз смолкла, словно захлебываясь собственным гневом и речью, и прерывисто вздрогнула всем телом, потому как ее внезапно пробил озноб. Стоявший напротив Девдас промеж того еще сильнее согнул шею, свесив вниз голову и вроде зондируя взглядом собственного воспитанника, молвил не столько вопрошая, сколько утверждая:

– Видимо, вы снова ругаетесь? – однако, вопрос его прозвучал не уверенно, по-видимому, он не желал задеть, обидеть ссасуа, тем самым накалив и без того разгоряченную обстановку. – Понеже я не понял ничего из вашей речи. Кроме отдельных слов, в основном я, можно и девчонка. Выражайтесь, бурсак точнее, абы имелась возможность понять и как-либо отреагировать.

– Ладно, проехали, – сбивчиво отозвалась Дарья, враз опуская голову и упирая сам взгляд в поверхность пухлого, точно мохнатый ковер, мха, осознавая, что если сейчас попытается что-либо пояснить, вновь будет наказана за произнесенное ругательство.

– Еще более непонятное выражение, – досказал Девдас, и в голосе его не плыло раздражение или властность, лишь попытка успокоить собственного воспитанника и как-то настроить на общение.

Впрочем, он, определенно, давая бурсаку отдышаться, повернул голову в сторону дорожки и шумно дыхнул, при этом сопроводив его легким дрожанием струны гуслей, в направлении все еще замерше стоящего на ней Прашанта. Старший ссасуа тотчас приподнял правой рукой (под подмышкой которой находился сверток в виде плаща и обуви) высоко вверх парео, и сошел с дорожки. Он также как ранее шагал Девдас, ступил на мхи лишь пальцами ног, вздевая вверх саму пятку и направился напрямик к гроту, право молвить, обходя по краю образовавшуюся от ныряния Дарьи, лужицу, тем не менее, выловив из нее обувь ассаруа.

– Итак, – ноне голос Девдаса прозвучал очень высоко, будто единым тем словом он старался все-таки совладать со столь строптивым воспитанником, потому Дарье показалось, осуществлял такое моральное давление не впервой, хотя и не столь часто. – Хочу услышать все дотоль вами произнесенное без ругательств и на приемлемом для восприятия языке.

– Я не знала, что за вами идти не следует, – немедля отозвалась Даша, едва вскидывая голову и всматриваясь в теперь низко нависающее над ней лицо ассаруа. – И испугалась, когда меня стало всасывать, потому и закричала.

– Вот так лучше и более ясно, – проронил Девдас и чуть-чуть улыбнулся, к удивлению бурсака не только изогнув нижний край безгубого рта, но и вскинув его уголки вверх. А после шумно дыхнул, к еще большему изумлению так и не открыв рта, словно свершал это легохонько затрепетавшими ноздрями.

И не мешкая Прашант (уже вошедший в грот и опять же склонивший голову) направился к правой его стене и провел перстами по самой поверхности. Тем легчайшим касанием, наполняя каменное убежище голубоватым сиянием, истончаемым самими стенами. Старший ссасуа прошел грот по кругу (ибо внутри он представлял именно закругленную форму) и когда убежище наполнилось светом, и стала четко различима мшистая поверхность пола, остановился подле Девдаса.

– Прашант, смени одежду на нашем бурсаке, – молвил незамедлительно ассаруа, все еще поглядывая на Дашу и будто не замечая приклонившего рядом голову старшего ссасуа. – Он еще очень юн, понеже его здоровье вельми шатко. А засим сходи и собери немного плодов – кажданки. Надобно, абы бурсак подкрепился.

Вся речь Девдаса сейчас касался только Дарьи, так словно для него и была интересна только она, ее здоровье, благополучие. Он вновь вздел руку (и точно не в силах справиться с собственными чувствами) ухватил большим пальцем подбородок юного велесовановца да вздернув вверх вместе с головой, воззрился в сами глаза, теперь приоткрыв рот и явив очень узкие, и с тем значимо длинные зубы синего цвета, усеянные мельчайшими белыми прожилками, и чуть шевельнувшийся за ними и вовсе тонкий, плоский, черный (на кончике еще и расщепленный) язык. Прашант немедля отправился к правой стене грота, да сложив вприщеп к ней выловленную обувь ассаруа, развернул сверток, и выпавшую из нее две свою и бурсака, пристроил рядом. Развернувшись, он встряхнул полами дхату и когда Девдас выпустил из хватки своего большого пальца подбородок Даши, легохонько кивнул. Ассаруа медленно ступил в левый угол грота, и, опустившись прямо на выстланный одеялами мха, пол, вытянул ноги да прислонился к стене спиной.

– Раздевайтесь, бурсак, – мягко протянул Прашант, сейчас будучи самой предупредительностью.

В любой другой момент времени Дарья может как-то и занервничала, засомневалась, но не сейчас. После пережитого не очень-то и хотелось ругаться или спорить. Потому она торопливо принялась искать (как оказалось) мельчайшие белые крючки, удерживающие парео по боку, а расстегнув их, размотала саму ткань, сняла тунику, и, бросив под ноги, дала возможность Прашанту одеть на нее дхату, сведя меж собой стыки внахлест на груди (где располагались тончайшие металлические пластины, осуществляющие действия на вроде притягивающихся магнитов).

Завернувшись в дхату, юный велесвановец надрывисто передернул плечами и поколь Прашант (точно исполняющий в этом путешествии роль слуги) выйдя из грота, пристраивал на ветвях ближайшего дерева ее вещи, оглядел сам временный приют. Внутри каменного убежища было очень светло. Неровные стены имели множество выемок и неровностей, указывающих все-таки на их естественное происхождение, сам же пол столь густо порос мхом, что казался каким-то ворсистым ковром, очень сухим и к удивлению теплым. Даша, несмело тронувшись с места, едва поглядывая на сидящего и не подающего признаков жизни Девдаса (прикрывшего обе пары век, дабы теперь глаза его скрывались под непрозрачной, белой пленкой) подступила к стене, и, протянув руку, несмело коснулась пальцами ее наружной стороны. Ребристая, слегка теплая поверхность, ответила едва ощутимой вибрацией, вроде была живой и с тем осуществляла малый вздох, а после еще менее продолжительный выдох.

Прашант, сокрывшийся в лесу, словно притянул со своим уходом ночь. Впрочем, в отличие от земной, она не была такой темной, густой, очевидно, Рашхат в соотношении с положением на орбите Велесван так и не опустился до конца. И редкие его лучи продолжали (только частично) освещать планету, правда, пролегая по самой поверхности, кажется, даже не столько по растительности покрывающей ее, сколько по самой почве, сейчас всего-навсего выглядывая из-под отдельных стебельков, слоевищ. Небосвод к этому часу к сиреневому цвету добавил сине-пепельные полосы справа, определенно, отображающиеся от разрозненного шара Перундьяаг, степенно (как догадывалась Даша уходящего с наблюдения) и темно-серыми слева, очевидно, от надвигающийся планеты Сим-Ерьгл. В небе все же просматривалась мельчайшая россыпь звезд. Впрочем, они в отличие от земных, виделись не серебристыми огоньками, а белыми или желтыми мерцающими искорками. Также явственно раскидавшимися в разные стороны тончайшие сияющие лучики.

Оглядев сам грот, Даша развернулась и залюбовалась небесным куполом, небосклоном, твердью, небесной высью, небесной лазурью, сварогом, как величали его земляне, точнее солнечники, а после торопливо ступила к выходу, и, выглянув из каменного убежища, уставилась на враз вспыхнувшие (теперь на самой Велесван) желто-зеленые мельчайшие огоньки. Кои осветили не просто мхи, поросшие на земле, но и ветви деревьев, и сами стволы, немедленно перекликаясь с вторящим им хрустящим, дребезжащим стрекотом ночных насекомых, приглушившим редкие, одиночные окрики птиц.

Прашант вернулся в грот немного погодя, продолжая ступать перстами на мхи, и вскидывая вверх пятку, прижимая к груди плоды. Это были крупные с кулак плоды, блестящие, округлые, голубо-алого цвета. Войдя в каменное убежище, старший ссасуа направился к Девдасу, и, опустившись подле него на колени, слегка пригнул голову, стараясь, стать ниже и этим признавая его власть, да чуть слышно добавив:

– Ассаруа, – тем его пробуждая.

Девдас немедленно отворил обе пары век, и зримо для оглянувшейся Даши, протянув руку, ощупал лежащие в парео Прашанта плоды, да выбрав самый крупный, сжал его в правой ладони. С тем также наблюдаемо надавив большим пальцем на чуть угловатую макушку плода. Слышимо треснувшая коробочка выпустила изнутри видимый голубоватый дымок, словно сам плод там варился. Девдас теперь тремя пальцами (помогая дополнительно двигающимся во всех направлениях большим пальцем) освободил внутренность от лопнувшей скорлупки, явив ярко-желтый с голубыми пятнышками овальный плод.

– Бурсак, – окликнул ассаруа стоящую возле края грота Дарью, обращаясь к ней, как и досель лишь в мужском роде. – Это – кажданка, – выставив вперед руку, ассаруа протянул на ладони плод, – он хоть и не утолит до конца голод, обаче придаст сил.

– Это мне? – враз разворачиваясь, спросила Дарья, и тотчас несмело ступила от края грота вглубь его, останавливаясь обок Прашанта.

– Вниз, – торопливо дыхнул старший ссасуа, поворачивая голову и прочерчивая взглядом путь движения Даши до поверхности мхов.

– Не надо, – незамедлительно откликнулся Девдас на указание старшего воспитанника, единожды наблюдая за неторопливыми действиями Дарьи и точно радуясь ее независимости. – Это вам, бурсак. Первая пища на планете Велесван ссасуа вручается ассаруа, чтобы тот помнил, чьей руке обязан своей жизнью.

Дарья, медлительно опустившись на мхи, села, и протянув руку, приняла плод, слегка сжав его пупырчатую поверхность в руках, да вскинув взгляд в изучающие ее глаза Девдаса, сказала:

– Спасибо. – Миг, помедлив много более вызывающе дополнив, – а можно не называть меня бурсак. А то это несколько смахивает на баурсак, маленькие кусочки теста, поджаренные в масле. И как-то не то... не так звучит, неприятная ассоциация.

– Баурсак, – растягивая буквы, повторил вслед за Дарьей ассаруа, и теперь взял в руки иной плод, резко надломив нажатием большого пальца. Он медленно качнул головой и Прашант тотчас поднявшись на ноги, отправился к противоположной стене грота, ссыпав кажданки прямо на мох, да сам, опустившись рядом, принялся их разламывать, освобождая от скорлупок.

– Нет никаких ассоциаций у меня не возникает, – наконец, сказал Девдас, и в голосе его послышался легкое дребезжание, очевидно, он стал негодовать на речь юного велесвановца, может заподозрив, что тот вновь ругается. – Можете идти к старшему ссасуа и кушать, он вам почистит кажданки, – дополнил он, едва качнув в сторону Прашанта головой. – Велесвановцы питаются в основном фруктами, плодами, овощами. Впрочем, юные наши воспитанники также получают для роста необходимое им мясо, каковое на Велесван доставляют перундьяговцы и ерьгловцы.

– А почему вы называете жителей планеты Сим-Ерьгл не симерьгловцами, а ерьгловцами? – спросила Дарья, неспешно поднимаясь на ноги, да сжимая и вновь разжимая в ладони поданный плод.

– Не существенный вопрос, – мягко отозвался Девдас и слышимо для слуха бурсака хмыкнул, вероятно, удивляясь озвученному собственным воспитанником и вновь качнул головой в сторону старшего ссасуа, медленно поднеся ко рту кажданку.

– И кстати я не ругалась, – разворачиваясь спиной к ассаруа, и, направляясь к Прашанту, отметила Дарья, возвращаясь к ранее сказанному. – Баурсак, это не ругательство, а хлебное изделие.

– Бурсак, также не ругательство, а очень почетное величание, – все с той же умягченной интонацией откликнулся Девдас и Даша поняла, она ему очень нравится. И все, что она говорит, вызывает в авгуре не раздражение, а только заинтересованность, словно виденным, слышанным таким впервые.

Опустившись подле Прашанта, юный велесвановец, наконец, попробовал поданную ему кажданку, которая на вкус была схожа с жареным каштаном, являясь, видимо, близкородственна тому земному плоду. Дарью также изумило то, что за прошедшее время (от собственного пробуждения вплоть до этого момента) она не ощутила голода, того привычного человеческого голода от коего подводит желудок или бурчит в нем. Впрочем, съела не только свой, но и поданные Прашантом кажданки, притом не ощутив наелась ли она, переела или осталась голодной. Старший ссасуа, съел всего один плод, в том подражая ассаруа, а может, только стараясь накормить младшего, а после, собрав все скорлупки, вынес их из грота. По возвращению же он принес воды в угловато-деревянном ковше с длинной ручкой, дотоль пристроенном в углублении на стене прямо около выхода. Так, что создавалось впечатление, этот грот являлся небольшой такой мини-гостиницей, только без привычных для солнечника удобств, точнее даже вообще без удобств.

– Бурсак, попейте, – протягивая ковш Даше, молвил старший ссасуа.

Перед этим предложив воды ассаруа, также как и сам Прашант, отказавшись. Дарья, однако, не отказалась от воды, еще и потому как старший ссасуа настоятельно сунул край ковша к ее рту, в том предвзяв данный отказ.

– Это особый камень, называется голубит, – молвил Девдас со своей стороны грота, когда и сами его воспитанника замерли напротив, прислонившись к стене, внимательно поглядывая на бурсака. – Когда Рашхат заходит за кругозор Велесван, слегка обаче продолжая его освещать, вследствие небольшого размера нашей планеты, голубит вспыхивает при любом прикосновении. Ибо насыщен накопленным светом от звезды, истончая его почти все темное время суток. Голубит, является одним из источников света на Велесван.

– На вроде аккумулятора, да? – догадливо отозвалась Дарья, она сидела в глубине грота, прикрытая расположившимся слева Прашантом, и, протянув большой и столь подвижный палец, провела его подушечкой по поверхности голубита, вызывая на той поверхности еще более насыщенное свечение.

– Аккумулятора, – повторил сразу за бурсаком Девдас, слегка потянувшись на мху и теперь уже укладываясь на него полностью. При этом он взбил сами мхи, подцепив их большим пальцем правой руки, придав вид подушки.

– Я не ругаюсь, – торопливо сказала Даша, ибо ей показалось, в голосе ассаруа вновь прозвучало недовольство, а по тонкой зеленовато-коричневой коже с болотно-сизыми, расплывчатыми пятнами его щек пробежала легкая зябь.

– Я знаю, – немедленно отозвался Девдас, и поддерживающе улыбнулся, неспешно прикрывая глаза сначала верхними полупрозрачными веками, а после нижними белыми. – Когда вы ругаетесь, бурсак, в вашем голосе ощутимо звучит гнев. Абы ругательства выдыхаются всплесками. Днесь же я просто повторил непонятное для меня слово, запоминая его и ассо-

циативно определяя понятие. А теперь ложитесь спать. Завтра с утра продолжим путь, нам надо к трети дня дойти до слободы Вукосавки, дабы после полудня нас смог принять негуснегести Арун Гиридхари.

Дарье, естественно, хотелось спросить ассаруа еще и о Вукосавке, и о негуснегести, но она сообразила, что будет приличней прислушаться к его совету. Поэтому тотчас улеглась на мох, распрямив тело да к собственному удивлению, так и не коснувшись ног Девдаса, уж такой оказался внутри грот длинный. Прашант, и дотоль молчавший, опять же разком прилег подле, право молвить, согнув ноги в коленях и тем самым представившись Даше каким-то угнетенным. Он заботливо подбил под головой юного велесвановца мох, сделав его много мягче, и тем самым, вероятно, также принимая избранность младшего ссасуа в глазах Девдаса, да вполголоса указал сомкнуть не только верхние, но и нижние веки.

– Бурсак, мысленно пошлите диэнцефалону распоряжение прикрыть веки и погасить освещение, – дополнил Прашант, разворачивая Дарью на левый бок и прикрывая нижней половиной дхаты голени ее ног.

Темно-синие радужки глаз старшего ссасуа смотрелись сейчас посеребрившимися, а густая слизь, образовывавшая и на самих краях ноздрей махунечки катушки, в освещенном гроте придавала его зеленовато-коричневой коже щек легкие переливы сизого, а после болотного цветов.

– Прашант, а почему и вы, и ассаруа обращаетесь ко мне на вы, и в мужском роде? – так и не закрыв глаза, чуть слышно спросила Даша, стараясь втянуть старшего ссасуа в разговор и тем хоть как-то отблагодарить за поддержку и заботу.

– Что? – точно не понимая прозвучавшего, переспросил Прашант и рука его, дотоль оглаживающая на юном велесвановце материю дхаты, на пару секунд недвижно замерла.

– Понеже, – нежданно внедрился в этот едва воспринимаемый разговор Девдас, поразив Дашу своим чутким слухом. – Обращение в перундьяговском языке имеет лишь такую форму. Уважительно-почтительную форму «вы». Также как и осуществляется только в мужском звучании. Поелику сама раса перундьяговцев представлена токмо мужским населением. Их продолжение осуществляется забором информационных кодов и выращиванием потомства. Перундьяговцы являются генетическим усовершенствованием простейшего человеческого подвида. Хотя в отличие от велесвановцев, компоненты информационных кодов каждого из перундьяговцев живые и любой из них может иметь потомство. А теперь спите! – это ассаруа сказал авторитарно, единым словом сворачивая беседу.

И тотчас Прашант прикрыл свои глаза обеими парами век, и Даша (хотя желалось все уточнить) также неторопливо послала диэнцефалону указание спать.

Глава четырнадцатая

Кажется, не прошло и трех-четырёх минут, после того как Дарья сомкнула обе пары век, как ее голова ощутимо дернулась в бок. Плотная темнота дотоль правящая перед глазами в один миг сменилась на ярчайший проблеск света, точнее мельчайшей пятиконечной, красной звезды. Небольшое небесное светило, неожиданно вспыхнуло много сильнее, приняв прямо-таки рубиновый оттенок и свершив кувырок в воздухе воткнулось одним своим лучиком в углубление-выемку между глаз Даши. Еще не более секунды и возгоревшись мощней, звезда не просто ослепила глаза, а прямо-таки закупирила дыхание, застопорила бие-ние сердца и течение крови в сосудах, застав густой влажностью легкие, гортань, склеив поверхность рта и ноздрей.

Внезапно поверхность сего небольшого небесного тела враз вздрогнула и, словно ссыпала со своих лучиков оранжевого сияния песок. Сыпучие крупинки хоть и покинули лучики, не просыпались, они лишь зависли на заднем плане звезды, принявшись как-то и вовсе рывками разлетаться в стороны, одновременно, разрывая на части и утягивая вслед за собой небесное светило. Данное действие сопровождалось и звуковым эффектом, отчего слышимо прозвучала мельчайшая барабанная дробь от разлетающегося песка и скрипящий хруст раздираемого неровного верхнего слоя звезды, высвобождая пространство допрежь ею прикрытого.

И перед взглядом Даши предстал огромный в своем размере зал. С высоким потолком в виде трех полусферических отдельных сводов, стыкующихся гранями, и сходящихся в общий центр, из которого торчал, нависая, громадный, каменный, черный, пятилепестковый цветок. Зал имел форму яйца, потому покатыми в нем были не только стены, но и вогнутым сам пол. Бело-светящаяся поверхность этого мощного помещения, точно парящей обок плавных стыков стен и потолка дымки, был испещрен тончайшими красными нитями, пронизывающего его во всех направлениях, создавая эффект чудного организма, внутри коего оказался. Зал смотрелся столь сильно наполненным светом, что даже язычковые, черные лепестки цветка нависающего с потолка не затемняли данного сияния. Вероятно, еще и из-за того, что сама его корзинка, в форме прозрачного диска, перемещала по своей большущей в диаметре окружности мельчайшие, яркие огни от фиолетового, вплоть до красного, с тем словно проигрывая цвета земной радуги. Пол в помещении, впрочем, как и стены, и сводчатый потолок, был гладким, представляя собой продукт горных пород, лишь на доли мига проступившего в виде слоистой текстуры и перемешивающей полосчатую в тональности окраску внутри.

Взор Дарьи, не более нескольких секунд, оглядывал саму залу, а после прозвучал ее алыт, лишенный какой-либо женственности и наполненный авторитарной мощью, привыкшей всегда повелевать:

– Передайте амирнаху Раджумкар Анга ЗмидраТарх, что я готов с ним встретиться.

Несомненно, это говорила Даша, ибо в следующий миг ее взгляд (досель смотрящий на каменный цветок в своде залы) степенно тронулся вниз, словно прочерчивая линию или только желая взглянуть на стоящее, где-то в шаге существо, имеющее низкий в сравнение с ней статус.

Однако взгляд так и не коснулся того существа, потому что внезапно (как это бывает во сне) на смену залу пришел длинный коридор, полуподвального помещения. И хотя коридор в высоту был не менее двух с половиной метров, стены в нем, как и потолок, побеленные, от долгого срока службы, местами обветшали и показывали плохо заштукатуренную кирпичную кладку. В стыках стены и потолка и вовсе иногда просматривалась синевато-зеленая плесень, будто нарочно протянувшаяся полосами или круговыми пятнами, вероятно,

образованная в местах протечки воды. Не менее жутко смотрелся покрывающий пол линолеум, определенно, когда-то имеющий серый цвет, а сейчас грязно-коричневый с длинными полосами пролегшей беловатой пыли, словно ссыпавшейся со стен и потолка. Еще рывок движения или только поворот головы Даши, и на полу также мгновенно возник лежащий мальчик, поваленный туда мощным ударом ноги в грудь. Мальчуган как-то разом подскочил с пола на ноги и испуганно огляделся. И Дарья тотчас признала в этом ребенке, своего любимого Павку. Только слишком изменившегося, и не то, чтобы повзрослевшего (хотя сейчас сын был старше, точно шести-семи лет). Его дотоль кругленькое, полненькое личико гляделось исхудавшим, осунувшимся, в двух крупных, серо-голубых глазках, обрамленных длинными темно-русыми ресничками и изогнутыми негустыми бровками, стояли слезы. А сизо-серые мешки под глазами, будто указывали на изможденное состояние, или частое избиение. На левой щечке теперь не выделялась, как прежде, глубокая ямочка, потому как пропала их детская припухлость, а рассеченные в нескольких местах и кровоточащие губки, похоже более и не могли улыбаться. Пашуня даже лишился столь любимых Дарьей густых, русых волос с медным оттенком, кои было так приятно взлохмачивать и целовать. Сын, кажется, и не подрост, хотя с тем зрительно вытянулся, очень сильно похудел, а сидящие на нем черные, мятые брюки и клетчатая рубаша, мешковатые, указывали на их ветхость, не ухоженность.

– Мамочка, – едва слышно шепнули, приоткрывшиеся губы с четко выраженной галочкой на все поколь верхней, – почему ты умерла? Как мне страшно без тебя, дедушки и бабушки.

– Касторнов, ты, что делаешь в этом коридоре? – теперь раздался женский голос с металлическими нотками внутри, вроде все и вся ненавидящий, и Павка тягостно вздрогнув, пригнул голову.

А Даша вдруг ощутила мощную струю страха сына перед неизбежным, неизменным, очевидно, принятую на его выдохе, и тотчас закричала. Секундой спустя ощутив нестерпимую боль в собственной голове, а потом и во всем теле. Кожа на нем в единый момент покрылась крупными мурашками, больше похожими на щетинки, на лбах старших велесвановцев, и также враз взмокла, словно исторгнув из себя не просто слезы, а потоки воды. Тьма, поглотившая все виденное, и перебравшаяся в сам диэнцефалон, опять же резко вызвала сокращение мышц в конечностях, спине, шее, и мгновенно открывшая глаза Дарья, тягостно застонала.

В первое мгновение ничего пред собой, не увидев, и даже не услышав, однако, четко осознав, как на место исторгнувшейся из нее воды, пришло легкое трепетание самой кожи, точно более не могшей прикрывать себя столь необходимой слизью. Лишь немного погодя над Дашей проступило прикрытое дымкой лицо Прашанта и его чуть приоткрывающийся безгубый рот, что-то шепчущий, указавший ей, что надо открыть верхние пары век. Впрочем, стоило Дарье улучшить видимость, как сразу стало тяжело дышать. Чудилось, в ноздри засунули заслонки, а через рефлекторно открывшийся в помощь рот воздух не захотел поступать. Еще не более десятка секунд и в груди нежданно и слышимо, не просто ощутимо, что-то забурлило, а после весьма четко и достаточно громко с обеих сторон грудной клетки попеременно застучали сразу два (как показалось Даше) сердца, тем самым заколачивая собственным бессистемным биением работу легких.

Слух так и не появлялся, а от нехватки воздуха вновь пропало зрительное восприятие, хотя юный велесвановец знал, что веки его открыты. Перед глазами проступили сначала мелкие, а миг спустя вспухшие голубо-зеленые капли, принявшие водить скорый пляс меж собой. Чуть позднее, когда от данного хоровода закружился и сам диэнцефалон Дарьи, будто захваченный в кружение, капли внезапно вспухли, соединились в единое полотно и поглотили понимание происходящего.

Это состояние напряжения правило, вероятно, какое-то время, сменившись на симптомы схожие с пробуждением после глубокого сна, связанного с сильной болезнью. И вылились в мощный озноб, полную (и как оказалось невыносимо болезненную) сухость кожи тела, впрочем, вернув Даше слух и зрение. Посему минуту погодя, она услышала:

– Спокойнее, бурсак, тц... тц, – произнесенное встревоженным голосом Девдаса.

А в следующий момент Дарья увидела и само его овальной формы лицо, повторяющего вид головы, едва озаряемое голубоватым отсветом стен грота, нескрываясь обеспокоенный взгляд бирюзовых радужек и еще сильнее растянувшихся овальных черных зрачков. Глянувшее на нее сверху, потому что сама Даша лежала на спине.

– Тц... тц, – сказал он, не столько успокаивая, сколько принуждая. Его чуть вздрагивающие пальцы беспокойно пробежались по краю ноздрей, отчего сухая кожа на них прямо-таки запекла, вызвав повторный стон у Дарьи.

– Что происходит с вами? Вам, что-то приснилось, привиделось? – настойчиво спросил Девдас, требуя ответа, и ощутив сухость кожи, резко отдернул руку от лица бурсака.

– Кожа печет и болит голова, – со стоном выдохнула Дарья, только когда, начав говорить, ощутив, мощную, нестерпимую боль диэнцефалона. – Так болит мозг, – дополнила она, и мелко-мелко задрожала, будто при высокой температуре.

– Диэнцефалон? – толь, поправляя, толь, переспрашивая, молвил Девдас.

Он сидел подле Дарьи, сложив ноги по-турецки, и когда ее стало трясти, стремительно подхватив тело за плечи, повернул его на левый бок, слегка пригнув голову, и тем в тот же миг, снизив боль в диэнцефалоне до терпимого состояния. Однако опять же разком с понижением головной боли появились резкие, болезненные, сокращения мышц во всем теле. Кажется, не просто натянувшие мышцы, а прямо-таки рывками их дергающие, точно желая разорвать. Боль выплеснулась в Дарью столь мощно, что она громко закричала, начав выгибаться в позвоночнике, откуда рвущееся состояние, распространившись по спине, принялось выворачивать руки и ноги в суставах в разные стороны.

Еще чуть-чуть, и в диэнцефалоне, что-то ощутимо и слышимо щелкнуло, будто переключилось. И тотчас низко нависающее над ней лицо Девдаса, сменилось на тьму, только не плотную, не черную, а схожую с оранжевой туманностью, наполненной скоплениями газов, плазмы, пыли, имеющую форму выпуклого кольца, с сияющим внутри огромным глазом какого-то мощного, величественного создания. Неподвижно замерший глаз с лиловой радужкой и овально-растянутым синим зрачком теперь явственно (хотя и очень медленно) рассеивался в оранжевых парах туманности. Зримо распадаясь на отдельные мельчайшие, пылевидные крупинки, молекулы, частички, смешиваясь с ее оранжевой составляющей создавая новые производные: газы, плазму, пыль.

Дарья проснулась, или все-таки очнулась много позже. Это она не столько поняла, сколько догадалась, так как лежа на левом боку, увидела пролегли в ее сторону лучи восходящего Рашхат. Сейчас подсвечивающие мхи на мельчайшие стебельки в обратном направлении, точно изменившем расположение. Само небо, едва проглядывающее из-за кромки крыши грота, вновь приобрело блекло-лиловый цвет, лишившись не только своей темно-сиреновой густоты, но и темно-серых полос, и мельчайшей россыпи звезд. Да и мхи, ветви, стволы деревьев более не мерцали желто-зелеными огоньками, а предраассветная тишина была столь оглушающая, словно торжественно-замершая перед началом нового дня.

Подле нее все также в позе по-турецки сидел Девдас, слегка прикрывая своей мощной фигурой видимость неба и местности. Стоило Даше пошевелиться и с тем ощутить болезненную стянутость мышц в теле, сухость кожи и боль диэнцефалона, как он мгновенно протянул руку в сторону ее спины и мягко огладив, склонился. Волнение, как-то и вовсе враз отразилось в его бирюзовых радужках, и ассаруа очень нежно улыбнувшись, не только изо-

гнул края рта, но и проложил мелкие морщинки вплоть до края ноздрей, став похожим на старичка.

– Что со мной случилось? – очень тихо спросила Дарья, понимая, что лишнее слово или повышение голоса, махом вызовет повторные судороги в теле.

– Вы, что-то видели, во сне. Расскажите, что, – немедленно отозвался Девдас.

– Видела, – повторил юный велесвановец, и, приоткрыв рот, глубоко вздохнул. Принявшись неторопливо, почасту прерываясь рассказывать свой сон, однако, только первую его часть, про чудной, огромный зал. Утаивая кусок увиденного про сына, ибо это было слишком личным. Впрочем, даже легкое воспоминание о Павле моментально принесло на себе сокращение мышц в ногах, руках и шее, и пронзительно-болезненный стон Даши. Девдас незамедлительно принялся гладить подушечками всех пальцев правой руки ее позвоночник, с тем вроде как снимая судороги в шее, не допуская их прихода в спинной хребет. И, одновременно, пальцами левой рукой, торопливо разминал вытянутые вдоль тела верхние конечности Дарьи, оставляя боль только в ногах, и, несомненно, снижая сами мученья.

– К кому вы прибыли на встречу, повторите? – негромко спросил Девдас, когда боль снизилась, и вновь наступило состояние стянутости мышц в теле, и сухости кожи.

– Не помню. Какой-то амирнарх Раджумкар, что ли, – ответила Дарья, напрягая собственную память и тотчас ощущая боль внутри диэнцефалона, не столько самой головы, сколько, будто наполняющей внутренность черепной коробки.

– Амирнарх Раджумкар Анга ЗмидраТарх, – договаривая за резко прервавшуюся Дашу, молвил ассаруа, и правая рука его, досель поглаживающая позвоночный столб, остановилась меж лопаток и тот же миг там завибрировала кожа, точно ее что-то приподняло.

– Да, вероятно, именно так. Зал помню, такой огромный, с бело-светящими стенами, – все также вполголоса досказала Дарья, и легохонько вздрогнула. – И здоровущим таким черным цветком, нависающим в потолке, очень большим, – она резко смолкла, ибо все мышцы в теле единым махом сократились, снова рывком и однократно. Болью опять же мгновенно отозвались конечности, кончики пальцев и голова, вызвав новые стоны.

– Тц... тц, спокойнее, бурсак, – понижая тембр до проникновенного шепота произнес Девдас, принявшись теперь пальцами обеих рук гладить Даше спину и позвоночник, свершая по ним круговые движения, определенно, массируя, и не допуская новых судорог.

– А, где Прашант? И, что со мной, ассаруа? – спросила Дарья, немного погодя, только сейчас уловив, что в гроте они вдвоем.

– Ежели сие то, о чем я думаю вmale, вы не будете звать меня ассаруа, – несколько уклончиво проронил Девдас, не прекращая круговых манипуляций на спине бурсака. – Прашант ушел в слободу Вукосавку за помощью, надеюсь, к первой четверти дня они будут тут. А теперь более не стоит говорить, тратить силы. Всякое усилие будет вызывать повторную корчу и еще большую боль в диэнфецалоне.

Он на немного прекратил массировать, как теперь окончательно уверилась Дарья, мышцы на спине и сам позвоночник, да приподняв ей голову, слегка подпустил под ней мох. Тем самым в голове, оказавшейся несколько выше лежащего тела, на чуть-чуть снизилась боль и словно перетекла в голени и стопы, выплеснувшись хоть и терпимой, судорогой.

– Дайте мне таблетку, что ли, – проронила приглушенно Даша. И уловив несколько напряженно-застывшее состояние ассаруа, с протянутыми, но так и не коснувшимися ее руками, пояснительно дополнила, – какое-нибудь лекарство, настой, вытяжку, зелье, черт возьми, – закончив тираду любимым ругательством.

Девдас вновь пришел в движение, и все-таки дотянувшись до спины бурсака, медленно провел пальцами по позвоночнику, а потом принялся свершать круговые массажи, спускаясь теперь от шеи к позвоночнику, параллельно разминая мышцы обок позвоноч-

ного столба, ощутимо надавливая даже через материю плаща. Минут через пять не раньше того массажа он, наконец, отозвался:

– Я же вам указывал не ругаться. Сочтем сие просто последствием вами испытанного. А по поводу зелья, – тем определяя название лекарственных средств в перундьяаговском языке. – Тут никакое зелье не поможет, понеже это не болезнь, нечто иное. Днесь вас может спасти токмо негуснегести Арун Гиридахари, поелику будем надеяться, что он поторопится, как и Прашант. Вам же поколь не нужно делать никаких движений, и стоит потерпеть. Лучшем будет, коли вы уснете. Дайте установку диэнцефалону на сон, возможно, ему удастся погрузить ваш организм в состояние более-менее посильного покоя, частью прекратить работу сознания, и тем самым снизив боль.

– Вы это серьезно говорите, ассаруа, – неуверенно отозвалась Даша, слегка разворачивая голову, и стараясь разглядеть лицо Девдаса. – Насчет установки диэнцефалону, просто мне всегда казалось, это диэнцефалон дает установки.

– Значит, передайте сие требование вашим сознанием на диэнцефалон, может, что-либо и получится, – очень мягко откликнулся Девдас и на миг, прекратил массировать спину юного велесвановца одной рукой, лишь затем, чтобы вновь вернуть его голову в надобную позу. – Велесвановцы в состоянии поддерживать связь между сознание и диэнцефалоном, направляя в него необходимые установки.

Дарья, впрочем, не стала выполнять указанного ассаруа. И не потому как была против уснуть, а потому как когда ее голову вернули в исходную позу, почувствовала новую волну боли, прокатившуюся по поверхности диэнцефалона, так, что он вздрогнул, да побоялась его еще сильнее побеспокоить. Вроде она, ее сознание, и впрямь было отделено от мозга, и только сейчас стало настраивать необходимые связи, а может лишь овладевать им, осваивать его неисчерпаемые просторы.

Движение Рашхат, как правильно заметила Дарье, теперь шло со стороны входа в грот, очевидно, в той стороне и был восток, восход светила. Сам восход был столь медлительным, временами не замечаемый, или всего-навсего проскальзывающий между порой смыкающимися верхними веками бурсака. Однако он наблюдался наполняющимся почти синим цветом лучей звезды отражающихся от отдельных тонких стебельков мха, чьи слоевища досель имели голубоватый отсвет. Кончики стебельков нежданно вздрогнули и вроде как набухли, образовав мельчайшие (вероятно, не более пяти миллиметров) почки. Каковые теперь уже степенно, иль только синхронно с поднимающимися лучами Рашхат, подсвечивающими сначала извне, затем сверху сами слоевища мхов, принялись наращивать свои объемы. Было заметно, как по их синей поверхности пролегли нитевидные трещинки в трех направлениях, а после они (зримо для глаз Даши) лопнув в своей усеченной макушке, стали раскрывать и вовсе малешенькие, махонечкие, масенькие (как сказали бы земляне) венчики цветков. Выпуская из себя ярко желтые расчлененные лепестки, будто выкидывая их вперед и мгновенно наращивая саму пышность соцветия за счет расщепления на еще более тонкие листочки. Наблюдая за раскрывающимися цветками, расположившимися подле края грота, и не охваченного им внутри, Дарья увидела, как совсем посмурело небо, лишившись допрежь правящей лиловой синевы, будто его вновь загородили фиолетовые тучи, только подсвеченные по самому горизонту голубоватой каймой. Рашхат теперь явил широкие полосы лучей белого цвета с лазоревым оттенком, однако, поколь не показав свой диск, тем оттенив сизый отсвет на черной коре растущих деревьев, посеребрив и сами серо-зеленые клиновидные их листочки. По левую сторону, от входа в грот, на небосводе четко нарисовался состоящий из рыхлых дымчатых паров шар, планеты Сим-Ерьгл. Шар зрительно, казалось, надавливал своими огромными размерами на Велесван, определенно, скрывая часть неба. Тем не менее, через его пары удалось рассмотреть на заднем плане, пепельную синеву неба.

Рашхат еще медлил пару минут, а потом стремительно выдвинулся из-за горизонта Велесван своим белым диском, и тотчас все стебельки мхов вне грота насыщенно покрылись раскрывшимися желтыми цветочками, полностью заслонив с голубоватым отливом слоевища. И в тот же самый миг лес наполнился перекличкой птиц не только привычного, хотя и весьма низко звучащего кле-кле, тиу-тиу, цик-цик, но и скрипом, стрекотом, отрывистым клетотом, и даже протяжно-хрипящим стоном.

– Красиво, – протянула Дарья, также низко, и это не столько от любования, сколько от слабости.

Впрочем, ее восхищению немедля ответило тягостно содрогнувшееся от непроходимой корчи голеней и стоп тело, каковое поддержал дробный перестук обоих сердец в груди, сначала справа, а после слева. Девдас на тот момент нежно массируя ее правую руку (теми же круговыми движениями) начиная от пальцев вплоть до плечевого сустава, сразу опустил взгляд, уставившись в лицо Даши. Все с той же взволнованной степенностью, которая была возможна его сущью, он проследил за взглядом бурсака, и, воззрившись на мхи ставшие ноне желтыми, сказал:

– Сия красота недолго продлится. Всего токмо пару минут.

Он также резко вернул свой взгляд на Дарью, и словно почувствовав перестук ее сердец, провел сразу по спине обеими ладонями, слегка нажимая на лопатки, таким образом, стараясь, успокоить то дробное биение.

– Минут? А каковы единицы измерения времени на Велесван? – обратилась незамедлительно к ассаруа с вопросом Даша, ощущая, как после нажима стала легче дышать и сердца вновь застучали синхронно. – И мне кажется, или у меня и впрямь в грудной клетке два сердца?

В протянувшихся лучах Рашхат (теперь промелькнувших сквозь стволы деревьев, и слегка тронувших ветви) в белом сиянии внезапно заиграли лазурные, голубоватые и сизые полосы. Видимо, рефракция света на Велесван находилось только в этом диапазоне и пусть не столь многообразном как на Земле, но удивительно прекрасном, с ярчайшим отблеском еще более нежнейших полутонов, кажется, преломляющихся в местах стыка с деревьями, растениями и краем каменного грота.

– Наконец, я слышу мудрые вопросы из ваших уст, – откликнулся, немного помедлив Девдас, и склонив голову, заглянул в лицо Даша. – Вы мне очень понравились, бурсак. И даже при вашей отличительной строптивости, кою я не приемлю в ссасуа, вы, непременно, стали б моим баловнем, моим абхиджату, абы поразительно проницательны и умны. Но, видимо, станете только ровней. Обаче при ваших способностях диэнцефалона нельзя сказать, что сие меня должно поразить, – не очень понятно проронил ассаруа. И из данной длинной речи, вновь молвленной отрывисто, юный велесвановец, в силу собственной слабости и постоянно испытываемой боли, ничего толком не уяснил. – Касаемо же времени на Велесван, – словно припомнив упрек Дарьи, уже в следующую секунду поправляясь, проронил Девдас, – в сутках у нас тридцать два часа, каждый час включает девяносто минут или четыреста пятьдесят секунд. Одну секунду можно вычислить более малым временем, таким как тридцать пять долей, аль совсем кратким промежутком: мгновением, мигом, сигом. Данные единицы времени приняты в Дюдола-тиара, и действуют для планет нашей системы. Оначе сутки на Перундьяаг и Сим-Ерыгл, в связи с их размерами составляет соответственно шестьдесят шесть и семьдесят один час. Понеже движение планет в иных системах различно и сами единицы времени не сходны. В частности в системе Тарх, в сутках сорок восемь часов, наши полтора часа примерно равны их часу, соответственно в минутах, кои тарховичи величают части сто тридцать пять минут. А по поводу двух сердец.

Девдас смолк, вновь испрямил свой стан, и медленно ощупав спину Даши, вроде ощущая стянутость мышц даже через материю плаща, в который она была обряжена, неспешно

исследовал подушечками пальцев верхние и нижние ее конечности. Он немного развернулся, и, сместив руки на голени ее ног, принялся разминать правую, а после левую, наконец, продолжив разговор:

– Вы правильно отметили. В теле велесвановца находятся два этих мышечных органа. Они также связаны с единственным легким, и осуществляют свою работу в едином ритме. Сие необходимо, дабы мы могли дышать в воде и в межзвездной среде, но поколь в вас данные схемы общей работы не созданы, не сориентированы. В понимание велесвановца вы воспитанник, ссасуа, в понимание человеческого, токмо дитя. Вам в ближайшие колоходы придется не только обучаться нашему языку, способностям, но и расти. Это можно считать благом, что вы хотя бы знаете перундьяговский, абы он являлся родным человеческой ветке вашей системы.

Дарья слушала Девдаса очень внимательно и более не проявляла присущей ей враждебности ведения диалога. Ибо для себя осознала, что ей впервые в жизни свезло и она, (не важно как сознание, или как диэнцефалон) попала к расе, где может быть пригодятся врожденные, воспитанные в ней качества, а именно: трудолюбие, ответственность, дисциплинированность (как не странно), порядочность, честность, весьма отодвинутые в закоулки собственной совести у солнечников. Вместе с тем некоторые понятия из рассказа Девдаса для нее остались не выясненными. К ним относилось и само понимание времени, которое по привычке Даша соизмеряла с движением Земли вокруг Солнца и вокруг своей оси, и теперь хотелось уточнить, сколько же примерно земных минут в минуте на Велесван. Однако она не стала выпрашивать, предположив, что такое, вероятно, ассаруа не знает, вряд ли оно ему вообще надо. Ведь в сравнение с Велесван, с системой Дюдолоа-тиара и сами солнечники, и их система считалась малоразвитой. Впрочем, итак становилось ясным, что движение Велесван вокруг своей оси было ощутимо более медленным, удлиняя и без того длинный день.

– Перундьяговский родным является не для всех землян, солнечников, – пояснительно дополнила, немного погодя, Дарья. – Эта только наш народ, русский, говорит на нем. Все остальные народы говорят на других, порой очень даже сходных с ним, языках.

– Тогда, нам, видимо, повезло, что вы родились в этом народе, – негромко отозвался Девдас и тотчас смолк. Ибо в следующий миг голова Даши энергично дернулась назад, так сильно отозвалась в ней проскочившая внутри боль, а судорога внезапно скрутила мышцы на груди, отчего стало невозможно дышать. Открыв широко рот, бурсак также мгновенно узрел выступившего, словно со стороны пролегшего по поверхности мхов луча Рашхат, голубоватого пятна, не только поглотившего пространство кругом, но и утопившего в своем цвете осознание себя, как личности, боль и скрученность конечностей.

Глава пятнадцатая

Дарья приходила в себя медленно, много раз, и каждый из них рывками. Не всякий, впрочем, из этих осознанных раз помня происходящее. Однако неизменно любое пробуждение сопровождалось сначала бледностью голубоватого пятна, затем рыхлостью его полотна, лишь после стекающими вниз отдельными каплями воды. Голова от боли и тело от судорог теперь болело нестерпимо, так, что вскоре и массирующие движения пальцев Девдаса стали вызывать приступы острой боли и корчи, потому от них пришлось отказаться. Иногда, особенно, в моменты и вовсе мгновенного возвращения сознания и такой же стремительной его потери, Даша слышала игру струн гуслей. И это не просто играли на одном таком инструменте, а сразу и на многих, впрочем, какофонии не создавалось. Звук хоть и долетал издалека, всяк раз соответствовал мелодии, поэтому также попеременно бурсаку слышалась мелодия его народа, родного края, земли Русской, Земли. Слышалось напевное звучание планеты Земля.

Состояние пробуждение и беспамятства длились значительное время, потому как в один из таких моментов, когда Дарья вновь смогла узреть перед собой мхи, они полностью потеряли свои цветы и сейчас представляли собой полотнища с голубоватым отсветом. Рашхат же полностью выкатился на небосвод, слепяще освещая поверхность Велесван широкими белыми полосами, с легким лазоревым оттенком. Хотя нижний край его диска все еще касался горизонта, придавая самому небосводу бледно-голубой цвет, на стыке с кронами деревьев смотрящийся сизоватым.

В этот раз сухость стала ощущаться не только на коже, но и во рту, и внутри организма, точно он был обезвожен. Чудилось, что еще самая малость времени и не только кожа треснет, уж так она натянулась (лишившись слизи), но и внутри тела полопаются все органы.

– Пить. Пить хочу, – прошептала, едва шевельнув краями рта Даша, не очень надеясь, что ее услышат, ибо в гроте она была одна.

Тем не менее, стоило ей шепнуть, как Девдас мгновенно возник перед глазами. Он, очевидно, стоял на дорожке, а услышав, юного велесвановца, торопливо подняв парео ступил во мхи, снова опираясь лишь на пальцы ног. Ассаруа, шел в этот раз очень быстро, и было сразу заметно его волнение, нервозность в движениях. Не то, чтобы он не знал, как можно помочь Даше, просто вследствие каких-то причин не мог это сделать, посему и психовал (как сказал бы человек).

Девдас вступив в грот, опять пригнул голову, и, опустившись на колени, присев на вытянутые голени, заботливо заглянув в лицо, сказал:

– Надо потерпеть, бурсак. Пить сейчас нельзя. Это может вызвать новую фантазмагорию, кою вы не сможете перенести. Вам нужен негуснегести Арун Гиридхари, потерпите. Думаю, помощь скоро прибудет.

– Очень пить хочу. Мне, кажется, кожа прямо-таки треснет и полопается все внутри, – чуть слышно откликнулась Дарья, и, не успев услышать чего-то поддерживающего от Девдаса, вновь утонула в боли. От каковой не только появились судороги во всем теле, но и каковая словно располосовала диэнцефалон на множество мелких частей.

В этот раз, Дарья очнулась от легкого сотрясения, будто под ней качнули поверхность земли и растущих на ней мхов, как-то сразу открыв обе пары век. Также мгновенно ощутив туго сведенные корчей конечности, уже на стопах и кистях онемевшие, или только замерзшие. Очень сильно болела голова, и теперь не только сам диэнцефалон, растерзанный на части, но и черепная коробка, и кожа на ней. Сухость кожи казалась столь зловещей, растянутой до того самого последнего мгновения, после коего должны были пойти уже даже не мельчайшие трещинки, а самые настоящие разрывы.

Впрочем, и от боли в голове, и растянутости кожи удалось мгновенно отвлечься. Ибо на дорожке, достаточно четко просматриваемой из грота, Дарья увидела стоящую огромную птицу, по внешним данным, которую можно было бы сравнить с земным страусом. Однако от земного собрата эта птица отличалась более высоким ростом и крупным сложением, слегка удлинённым туловищем. У нее хоть и имелась шея, но она смотрелась более короткой. Сходством же являлась небольшая уплощенная голова с прямым плоским красным клювом и двумя крупными глазами, а также длинные, сильные, и очень плотные ноги с тремя передними и одним задним пальцами. Оперение у птицы было рыхлым, серо-стального цвета. И как показалось Даше, у этого вида не имелось крыльев совсем, вместе с тем оперенными было не только туловище, ноги, но и шея, и голова. Лишь лапы смотрелись кожисто-серыми в мелкую трещинку.

Желая рассмотреть птицу лучше, Даша чуть-чуть приподняла голову, и тотчас вскрикнув от просквозившей и вроде как зазвеневшей в ней боли, вскрикнула. Синяя дымка внезапно пыхнула прямо в глаза бурсака густыми парами, сдерживая само дыхание и застилая видимость. А уже в следующий миг, когда Дарья вновь смогла наблюдать происходящее, вроде втянув и сами пары, и синюю дымку ноздрями или открытым ртом, она увидела лежащий прямо на мхах, впритык к гроту узкий, серебристый ковровый настил. По которому торопливо шагали два велесвановца, первый незнакомый, а следом за ним, Девдас.

Вероятно, тот, что шел первым и был столь ожидаемый негуснегести Арун Гиридхари, единственный и полновластный правитель Велесван, расаначальник велесвановцев. Это даже при незначительном взгляде сразу как-то улавливалось. Не только по его более дорогой одежде, манере держаться, но и вообще по самой фигуре, лицу, словно указывая данными критериями на того, кто является основой и единственным продолжателем целой расы.

Яркая синяя туника, почти до колен и без рукавов, обработанная понизу и пройме атласной золотой полосой и медно-золотое парео придавали и без того высокому негуснегести стройности и вроде как гибкости. Потому он зрительно казался более рослым, чем Девдас. Его тонкую талию огибал пластинчато-собранный пояс, покрытый сверху платиной, а длинные и уже тканевые, золотистые прядки были унизаны множеством драгоценных камушков. Небольшие, чуть больше чем ноготок человеческого пальца, они имели разнообразные оттеночные цвета: желтые, зеленые, красные, голубые, черные. Достаточно качественно ограненные, камни по форме соответствовали шестигранной пирамиде, и при движении совсем чуть-чуть соударяясь, позвякивали. Как и Девдас, и Прашант, негуснегести был не обут, и форма его стопы, впрочем, как и все остальное: тело, голова, конечности, лицо, имели те же общие параметры и черты, что и в целом у велесвановцев.

Хотя про лицо Аруна Гиридхари можно было сказать, что в нем полностью отсутствовала какая-либо мягкость. Вспять того оно смотрелось очень мужественным, и даже без привычных для Даши губ и носа (который заменяли две широченные впадины ноздрей) было благородным, точно выказывающим в себе лучшую породу, лучшие гены. С тем высокий лоб негуснегести, также не имеющий приметных для человека надбровных дуг и самих бровей, переходя в чуть угловатую верхнюю оконечность, был украшен рядами крупных выпирающих чешуек. В отличие от того же Девдаса у Аруна Гиридхари по лбу проходило десять рядов, с соответствующим количеством: десять, девять, восемь, семь, шесть, пять, четыре, три, два и один, с медно-синим отливом отдельной чешуйки. Последняя из каковых находилась как раз между глаз расаначальника перекрывая углубление-выемку. Как и у иных велесвановцев, волосы у негуснегести росли только на макушке, соломенно-красноватые, и были заплетены в десяток тончайших (не более двух-трех миллиметров) косичек. Хотя вряд ли их там имелось в количественном отношении больше, чем у Девдаса или того же Прашанта.

Впрочем, поразил Дарью, Арун Гиридхари взглядом. Ибо в его крупных, с удлинёнными уголками, глазах, заканчивающихся в височной части головы, без привычной склеры с черными овально-растянутыми вдоль век черными зрачками, находились удивительного цвета радужки. Их можно было бы назвать бледно-сиреневые, но все же (как ранее говорил Девдас) к ним точнее применялось сравнение голубо-алые, уж такой это смотрелся нежный, изумительно красивый оттенок. Схожий с только, что распустившимся цветком сирени, только не ярким, а именно бледно-оттеночным.

Превосходство. Величие. Мощь.

Эти три слова один-в-один характеризовали повадки и стать негуснегести, потому когда он, достигнув грота, склонив голову, воззрелся на Дашу, она вдруг осознала, что этому велесвановцу не надо будет вызывать поток мыслей, дабы ее приструнить. Потому как она подчинится ему безоговорочно и сразу, следуя каким-то вписанным в нее рефлексам, впаиваемым в диэнцефалон инструкциям. Арун Гиридхари еще несколько секунд заинтересованно оглядывал лежащую Дарью, а когда от проскользнувших мыслей в голове той, что-то мощно сдавило, и она, открыв еще шире рот, застонала, торопливо шагнул в глубины грота. И тотчас уселся перед ней по-турецки, точнее, как теперь (ибо негуснегести сел к ней лицом) смогла Даша разобрать, принял позу лотоса, соединив меж собой плотно подошвы стоп и притянув их к промежности, слегка при этом подмяв под них материю медно-золотого парео. Уложив сами колени во мхи и дюже ровно испрямив спину в позвоночнике, он пристроил руки на стопы, будто вдавливая и их. Следом за негуснегести в грот вошел Девдас, теперь смотрящийся более степенным, уверенным в себе. Он замер почти на стыке мха и коврового настила, да преклонил голову, не потому как упирался в потолок каменного убежища, сколько показывая свой более низкий статус в сравнение с его превосходительством.

– Бурсак, – первым, тем не менее, заговорил Девдас. – Познакомьтесь с его превосходительством негуснегести Аруном Гиридхари.

– Доброго времени, – поздоровалась Даша, так как дотоль приветствовали таусенцы велесвановцев, осознавая, однако, что это время для нее совсем не доброе. – Очень пить хочу, – добавила она чуть громче, надеясь, что хотя бы прибывший негуснегести избавит ее от сухости кожи и столь мощного обезвоживания.

– Голубчик, Девдас, принесите воды, – произнес Арун Гиридхари, даже не оборачиваясь в сторону авгура, и все еще с беспокойством изучая лицо Дарьи.

Девдас незамедлительно развернулся и значимо быстрым шагом направился по ковровому настилу к дорожке, и в тот же миг вновь послышалось шумное его дыхание сопровождаемое легким дрожанием струн гуслей. Даша, наблюдающая уход авгура перевела взор на лицо негуснегести и безотлагательно всем своим изболевшимся, уставшим телом ощутила родство с ним. Вроде встретила, увидела, почувствовала в нем отца, мать или все же Павку, тех с кем была досель родственна собственным телом.

– Да, – приглушенно молвил Арун Гиридхари и голос его звучал ласкательно, делая насыщенной тональность отдельных звуков, потому, казалось, он подпевал каждому слову, удивительно-родной, напевной мелодией проигрываемой на гуслях. – Вы правы, мы физиологически близки, родственны, ежели не сказать точнее, тождественны. Отменно, что вы это ощутили.

Чудилось, он слышит ее мысли, но Дарья всего-навсего минутой спустя поняла, что негуснегести просто ответил на ее вопрос. Девдас возник в проеме грота также внезапно, как допрежь того пропал из поля видимости Даши на ковровом насте, переходящим в дорожку. В этот раз он вошел вглубь грота, и, пригнув спину, и голову протянул Аруну Гиридхари небольшую латунную с желтоватыми, высокими стенками чашку с шаровидной ножкой и без ручки.

– Ассаруа, возьмите чарку, – обратился Девдас к негуснегести, еще ниже склоняясь и, одновременно, опуская чашу.

Арун Гиридхари совсем немного развернул голову и также легохонько качнул ею вниз. И тотчас Девдас, точно понимающий его и без слов, уселся подле, приняв позу лотоса, и устанавливая чарку себе на ладонь да опирая ее в свою очередь на колено. Негуснегести снял правую руку со стопы, и, протянув ее к чаше окунул все три пальца в воду, а после опять же неспешно провел влажными их кончиками по краю ноздрей Даши, огладил нижнее веко на правом глазу, слегка его, оттягивая и заглядывая в радужки. Он вновь смочил подушечки пальцев и только теперь провел по краю рта бурсака, приоткрывая его и уронив несколько капель на язык, да вполголоса сказал:

– Сначала мы снимем боль, лишь потом вы попьете и покушаете. Днесь опасно делать, что-либо в иной последовательности.

Теперь он обхватил обеими руками Дарью за плечи, и рывком развернув, уложил на спину. От данного стремительного движения юного велесвановца вновь пробила боль внутри и снаружи головы, а мышцы в конечностях и позвоночнике единым махом сократились, рывком и однократно, потому и само туловище выгнулось дугой. Еще не более мига той мощной, пронзающей боли и вроде заслонившего видимость на обоих глазах сине-черного пятна, и на смену всему этому мучению пришло легкое поглаживание кожи лица влажными подушечками пальцем. А после не менее влажная, напоенная водой или только слюзы ладонь Аруна Гиридхари прошла по груди Даши, ощутимо даже через ткань дхату, передавая влагу стянутой коже, впитывая в себя боль, корчу. Его перста вновь приоткрыли рот и сбросили на язык несколько капель воды, снимая состояние сухости и в нем. Теперь лицо негуснегести снова появилось перед Дашей, а взгляд ее сфокусировался на его глазах, заглянув в тот удивительный голубо-алый оттенок радужек.

– Днесь, вы, голубчик, меня вельми внимательно послушаете, – произнес Арун Гиридхари и руки его замерли на грудной клетке юного велесвановца, сосредоточившись как раз в том месте, где когда-то на Земле в ином теле у нее была грудь. – И выполните в точности, как я говорю, – продолжил свою неторопливую речь негуснегести, словно стараясь ее плавно-мелодичным течением укачать Дарью. – Вам надо расслабиться и подчиниться боли, что правит внутри, наполняет ваше тело, органы, кости, мышцы, сосуды. Прекратите оказывать ей сопротивление, слейтесь с ней, доверьтесь ее правлению. И когда ослабнут мышцы внутри вас, вспомните пропущенную вашим диэнцефалом фантазмагорию. С самого начала, с того момента как она явилась к вам, или, что ее приходу предшествовало. Глаза надо будет сомкнуть обеими парами век, абы удалось создать видимость воспоминания.

– А, что такое фантазмагория? И почему ассаруа Девдас вас называл ассаруа? – спросила Дарья, лишь негуснегести смолк, словно и не очень-то его, слушая, впрочем, всего-навсего проявляя положенную ей живость характера и любопытство, за чью суть отвечал диэнцефалон.

Арун Гиридхари тотчас улыбнулся, не только изогнув нижний край рта, проложив по верхнему краю вплоть до ноздрей тонкие морщинки, но и вскинув сами уголки его вверх.

Тем, словно указывая, что и в проявление чувств он более открыт и порывист.

– Фантазмагория, это видение грядущего, каковое вы наблюдали, голубчик, – пояснительно проронил негуснегести и шумно дыхнув, будто сам себе подпел струной гуслей, и Даша поняла, это звучание воспроизвел именно он. – А Девдас один из моих воспитанников, ссасуа, носящий титул авгура. Посему я для него ассаруа. – Девдас дотоль сидящий недвижно рядом с негуснегести, торопливо смочил кончики пальцев в чарке с водой, и, протянув их в сторону лица юного велесвановца, увлажнил края его рта. – А, днесь, бурсак, – дополнил Арун Гиридхари и тот же миг прервался.

Потому как синхронно его молви, перебивая на полуслове, весьма недовольно отозвалась Дарья:

– Бурсак, это как баурсак, маленькие кусочки теста, поджаренные в масле, – ощутив в ладонях Аруна Гиридхари лежащих на груди успокоительную силу, вроде поглощающую боль. – Как-то не очень звучит.

– Сие не очень продлится недолго, – отозвался негуснегести, и в голосе его бархатисто-нежном звучала поддержка столь мощная, что Даше внезапно стало все равно, что ее будут звать бурсак. Ибо из уст Аруна Гиридхари это произносилось не обидно, а вспять мягко, полюбовно.

– А, ноне, закрывайте глаза, голубчик, – повторил негуснегести и легонечко качнул головой, – и следуйте моим указаниям. Слушайте меня и выполняйте все, как я говорю.

Дарья, не мешкая, прикрыла глаза, натянув на них сначала верхние, а затем нижние веки и тотчас узрела перед собой плотную темноту. Одна из ладоней Аруна Гиридхари медленно переместилась ей на лицо, прикрыв перстами глаза и немного ноздри, а другая расположилась в середине грудной клетки (как уже догадалась Даша) между двух сердец, их смыкая.

– Теперь, расслабьтесь, подчинитесь, отдайтесь боли, – и вовсе едва слышно проронил негуснегести, собственным голосом опутывая юного велесвановца, и его диэнцефалон. – Пусть боль правит внутри, наполняет само тело, органы, кости, мышцы, сосуды. Не оказывайте ей сопротивление, слейтесь с ней, доверьтесь ее правлению, поелику сие лишь власть вашего диэнцефалона.

Дарья совсем немного медлила, собираясь с мыслями, и все еще ощущая нестерпимую боль внутри и снаружи головы, и приступами возникающую корчу в стопах ног, и кистях рук. А после, как и поучал Арун Гиридхари, смирилась с происходящим внутри нее, расслабившись и словно утонув в болезненных ощущениях.

– А теперь, представьте себе начало фантазмагии. Первое, что пришло на смену дотоль царящей плотной темноте, – звучал голос негуснегести, вклиниваясь отдельными звуками в тело Даши, лаская его удивительно-родной, напевной мелодией проигрываемой на гусях.

И Дарья, следуя за этим голосом и мелодией с которой дотоль начиналась ее родная земля, а после возникали задумки новых произведений, представила себе мельчайшую пятиконечную, красную звезду. Крошечное небесное светило нежданно вспыхнуло сильнее, приняв прямо-таки рубиновый оттенок, и свершив кувырок в воздухе, воткнулось одним своим лучиком в углубление-выемку меж глаз Даши. И тот же миг откуда-то справа, словно разрывая находящуюся на заднем плане тьму, выскочил и внедрился в звезду, как раз между ее соседних лучей тончайший, серебристый бур (подобный сверлу дрели). Он стремительно быстро принялся накручивать на свою круглого сечения поверхность, прямо на малые канавки, покрывающие его и огромный зал с бело-светящимися стенами, и черный каменный цветок, и коридор, и самого сына Даши. Степенно вытягивая все это из диэнцефалона бурсака, пропуская через саму звезду, и вроде передавая через другой конец крутящегося бура, в едва заметную голубо-алую трещинку все еще видимую в черном полотне заднего вида.

Глава шестнадцатая

Дарья медленно отворила веки и увидела приглушенный бело-голубоватый свет, влияющий в грот от лучей Рашхат. Она лежала на правом боку, и была плотно укрыта, точно спеленована какой-то и вовсе ажурной, чуть влажноватой материей, по структуре схожей с органзой. И первое, что услышала (точно после перенесенного, все чувства сошлись на слухе) это голосистый стрекот птицы и гулкое гудение чего-то мощного, словно двигателя автомобиля. Потому первая мысль, посетившая Дашу, была той, что прилетели за ней, дабы забрать на перепродажу, обмен или уничтожение, и она (впрочем, как и всегда) ничем таким не обладала. Однако, немного погодя, Дарья услышала шумное дыхание, сопровождаемое легким дрожанием струны гуслей, и тотчас сообразила, что слышит разговор велесвановцев, стоящих, вероятно, на дорожке. Незамедлительно дернув ногами и руками, жаждая освободиться от стянутости материи, она также мгновенно поняла, что более не чувствует боли ни в голове, ни в теле. Пропало и само онемение конечностей, и напряжение в них от испытываемой судороги, и даже кожа вновь приобрела положенное покрытие, и потому перестала сохнуть. Осталась только мощная слабость, вроде утомление от тяжелого трудового дня, в котором было потрачено много физических усилий. Слегка дернувшись и с тем вздев голову, Дарья смогла увидеть стоящих на дорожке негуснегести, Девдаса и Прашанта, и тот же миг услышала голос первого:

– Бурсак, полежите поколь смирно, не делайте никаких движений, я сейчас подойду. – И так как Даша враз замерла, исполняя указанное, все с той же бархатистой теплотой добавил, – а вы, Девдас, можете отправляться в Далибору. И не расстраивайтесь, что так получилось с бурсаком, обещаю, следующий будет вашим ссасау.

– Добро, ассаруа, – отозвался Девдас, и, выкинув вперед руку, положил ее на правое плечо Аруна Гиридхари, да шагнув ближе, прижался к его груди лбом, став на немного и сам точно ссасау.

Негуснегести также пригнул голову и прикоснулся краем рта к макушке головы Девдаса, точно поцеловав его туда, тем напомнив Даше ласки солнечников, землян, людей. Затем он не менее нежно огладил края ноздрей Девдаса, когда последний выпрямившись, отступил от него, определенно, проявляя чувства любви. И опять же ласково прошелся на прощание по ноздрям Прашанта, таким образом, расставаясь со своими детьми, демонстрировал в отношении них все положенные родительские чувства и заботу.

Арун Гиридхари вошел в грот, когда и Девдас, и Прашант пропали из виду, уйдя в том направлении, куда они дотоль шли. На чуток заслонив лучи Рашхат, он замер в проеме, пригнув голову и воззрившись на лежащую Дашу, а после, стремительно шагнув к ней ближе, опустился в позу лотоса. Все с той же легкостью он развернул ее на спину, внимательно оглядел с ног до головы, и, остановив взгляд на глазах, протянув правую руку к лицу, большим пальцем очень бережно оттянул нижнее веко, негромко отметив:

– Удивительные, какие у вас радужки, зрачки, и сам цвет нижнего века. Я еще такого не видел, ни у одного велесвановца. Темно-лиловые радужки, синий зрачок и розовые веки, изумительное сочетание, – теперь он едва коснулся подушечкой самого глазного яблока, и умягченно спросил, – значит, бурсак, звучит не очень?

Даша слегка кивнула (так как позволяла стянутость материи), ощущая в присутствии этого велесвановца спокойствие, что даже тоска, по сыну отступив назад, пригlohла.

– А, что вы скажите, коли я вас до выбора имени буду звать авгур? – спросил Арун Гиридхари, той простой фразой не просто считаясь с мнением юного велесвановца, но и располагая его к себе, опутывая собственной теплотой, нежностью. – Авгур, всего-навсего ста-

тус среди велесвановцев, оный теперь вы носите, и весьма почетный. Но ежели он не вызывает неприятных ассоциаций, могу предложить его взамен бурсаку.

– Ага, – неуверенно отозвалась Дарья, успокаиваясь и понимая, что ее не отправят на перепродажу, обмен или уничтожение, а гудит на самом деле не автомобиль или судно, а похоже та самая птица, которая в данный момент, устав ожидать, прилегла на дорожку, спрятав под своим мощным телом ноги.

– Сейчас вы покушаете, голубчик, – молвил Арун Гиридхари, видимо, сочтя прозвучавшую утвердительную частицу, как согласие, и вновь огладил подушечкой пальца веки глаз ссасуа, сначала левого, потом правого, словно любуясь им. – Засим мы отправимся с вами в слободу Вукосавку, где вы станете жить, расти и учиться. Понеже с сего момента вы будете проживать со мной, и я стану вашим ассаруа.

– Вы? – повторила вслед за негуснегести Даша, внутри нескрываясь радуясь, что будет жить и соприкасаться с этим удивительно родным созданием, которого враз полюбила. Арун Гиридхари едва заметно кивнул, подтверждая вопрошание юного велесвановца, и, вроде упреждая новый вопрос дополнил:

– Будете моим ссасуа, потому как обладаете способностью фантасмагории, – и принялся неторопливо расстегивать места стыка на материи, в кою была укутана Дарья. – А поелику вы еще весьма юны, и не только ваша плоть, но и диэнцефалон, последствия прихода фантасмагории могу снять один я. Абы во мне, в отличие от иных велесвановцев, компоненты информационных кодов живые, способные давать продолжение, потомство, способные меняться и подстраиваться под необходимые меры.

Он, наконец, высвободил Дашу из плена платка, и, обхватив за плечи, также рывком поставил на ноги. Продолжая придерживать за одно плечо, ибо ее от слабости раскачивало взад-вперед и перед глазами поплыло досель наблюдаемое, негуснегести подался вперед с позы лотоса, и, привстав, уперся коленом правой ноги в мох. Протянув руку влево, он подхватил лежащий возле стены свернутый дхату, и, накинув на плечи юного велесвановца, сам просунул его руки сквозь проемы рукавов, сомкнув стыки на груди. Все тем же рывком Арун Гиридхари сгреб расстеленную на мху материю, и, швырнув ее в сторону, разком усадил Дашу, прислонив спиной к стене грота. Негуснегести проделал переодевания столь быстро, что юный авгур, кажется, того и не заметил, ощутив только слабость в голени и приходя в себя, когда вновь слышался его бархатисто-нежный голос:

– Я не беру ссасуа, – сказал он, точно стараясь расставить все точки над «и» и более не вызывать вопросов. – Поелику, весьма занят. Не только управлением планетой Велесван, но и политикой Веж-Аруджаном, а также необходимым присутствием в Великом Вече Рас. Абы велесвановцы, одна из основополагающих рас нашего Веж-Аруджана, обладают особыми способностями и оказывают услуги иным высокоразвитым расам. – Арун Гиридхари снова переместился, приняв позу лотоса, сев как раз напротив Дарьи, и неторопливо продолжил, – впрочем, порой мне приходится делать исключения, и брать на воспитание ссасуа. К таким исключениям относятся три первых моих ссасуа: Юджеш, Маниш и Девдас, с которых началась раса велесвановцев. А также мой последний ссасуа Пракаш, который обладал, как и вы, способностью фантасмагории, поелику его пришлось забрать у Маниша и растить самому. Хотя сие было давно и Пракаш уже сам ассаруа. Понеже я несколько ошарашен, что у нас новый авгур, не просто ссасуа, а наблюдающий грядущее велесвановец.

Арун Гиридхари величаво поднялся на ноги, проделав это очень быстро, и слегка пригнув голову, воззрился сверху вниз на Дашу, демонстративно любуясь ею, посему последняя, ощутив, тот нежный взгляд, произнесла, уже и сама толком не понимая зачем:

– А почему велесвановцы называют жителей планеты Сим-Ерьгл не симерьгловцами, а ерьгловцами? – задавая тот самый определенный Девдасом, как несущественный вопрос, однако, весьма ее заинтересовавший, и вздев голову, уставилась на ассаруа.

– На планете Сим-Ерьгл расположены два крупных материка, – к удивлению юного авгура, Арун Гириджари незамедлительно отозвался, вероятно, не считая данный интерес несущественным. – Сим и Ерьгл. Обаче защитой, управлением самой планетой, ведением политики Веж-Аруджана в Великом Вече Рас занимаются представители расы проживающие на материке Ерьгл. На Сим живут лекари, ученые, работники. Потому и ерьгловцы, ибо на чьей стороне сила и уважение, на той и принятие решения. Хотя, коль говорить о ерьгловцах, сия раса вельми мирная, редко участвующая в каких-то ни было войнах, вспать перундьяговцам.

Негуснегести протянул руку к голове Даши и очень ласково огладил ее макушку, да сказал, и снова голос его звучал ласкательно, делая насыщенной тональность отдельных звуков, правда, в этот раз, не подыгрывая себе струнами гуслей:

– Последний фрагмент фантазмагии был связан с человеческим ребенком, кто он вам?

– С человеческим ребенком? – повторила Дарья, удивляясь тому, что ассаруа поинтересовался ее сыном, ведь она ни кому не рассказывала о нем. – А вы откуда знаете про ребенка? – спросила она, и, опустив голову, отвела взгляд, внезапно почувствовав тугую боль от невозможности увидеть своего Павку и помочь ему хоть как-то.

– Вашу фантазмагию я впитываю. Ибо поколь один я могу ее правильно растолковать, понять и как это не прозвучит несообразно безболезненно принять, – пояснил Арун Гириджари, и его замершие на макушке головы юного авгура пальцы вновь ласково огладили кожу, поощряя говорить.

– Это мой ребенок, мой сын, – проронила Дарья, и голос ее слышимо даже для нее дрогнул, а само волнение выплеснулось сотрясением всего тела и легкой вибрацией внутри органов так, что пришлось сделать глубокий вздох, дабы не задохнуться.

– Данный фрагмент, связанный с этим ребенком прошлое, как вы считаете? – снова спросил Арун Гириджари, и теперь он огладил голову юного авгура всей ладонью, стараясь успокоить.

– Прошное? – задумавшись, протянула Даша, припоминая увиденное, и легохонько качнула головой, боясь сбросить с нее руку ассаруа, столь поддерживающую, успокаивающую. – Не похоже. Да, нет, это точно не прошное, – дополнила она свою речь секундой погодя, уже много уверенней, припоминая слова сына о собственной смерти.

– Не надобно больше об этом ребенке вспоминать. Сие для вас ноне ушедшее, – весьма назидательно, точно морально воздействуя на собственного ссасау, сказал Арун Гириджари. – С ним вас более ничего не единит. Еще несколько колоходов и компоненты информационных кодов подстроят параметры вашего диэнцефалона под общие составляющие велесвановцев. А сейчас, – теперь он вскинул руку от головы Даши, протянув ее в сторону, и слегка провел по вытянутым пальцам подушечкой большого, произведя чуть слышимый щелчок, схожий со стрекотом земного сверчка, будто подавая указание. – Вы покушаете, попьете, и мы отправимся в Вукосавку. Понеже поколь вы спали, Рашхат прошел отметку полудня.

Негуснегести тотчас шагнул в бок, да опустился на мхи, приняв позу лотоса, и разместившись несколько диагонально сидящей Дарье. Вместе с тем оставляя меж собой и ею небольшой промежуток. Он прямо-таки мгновенно соединил меж собой стопы, и, подмяв материю парео придвинул их к промежности, таковым видом, поощряя и собственного ссасау принять данную позу. Впрочем, Даша с трудом подтащила к себе, дотоль вытянутые ноги, и не из-за того, что они плохо изгибались, а потому как была слаба. Она даже соединила стопы, слегка подтянув их к промежности, однако, не так плотно как сделал ассаруа, боясь растерять и последние свои силы, да не стала отклоняться от стены поддерживающей ее спину.

Арун Гиридхари увидев неторопливые движения ног юного авгура, улыбнулся, едва изогнув нижний край рта и чуть вскинув его уголки вверх, а после легонько качнул головой в сторону выхода из грота, теперь вроде указывая смотреть туда. И Дарья более скоро, чем допрежь усаживалась, кинула в указанную сторону взгляд, узрев идущее по ковровому настилу создание, а может быть и существо. Весьма низкое в сравнение с велесвановцами существо, определенно, имело такой же рост, как и Даша. И хотя оно обладало руками, ногами, головой, туловищем, его было достаточно сложно назвать человекоподобным.

Туловище этого существа плоско-растянутым было не как у человека по длине грудной клетки, а вспять промеж позвоночного хребта и грудины. Оно сразу поразило ссасау выступающей (через темно-стального цвета кожу) костистостью ребер и угловатостью позвоночника, выгибающегося дугой, и тем зрительно делая спину покатой, плавно переходящей в грудь и опять же в выпирающую кость грудины. В соотношении с туловищем очень длинными были нижние конечности, с мощными бедрами, тонкой голенью и выставленными вперед коленными суставами, уменьшая рост существа и создавая иллюзию, что оно все время приседает. Мощные, овальные стопы завершались тремя расставленными крупными с когтями на концах пальцами. Четыре руки с кистями и пятью пальцами на каждой, мало чем отличались от людских по виду. Первая пара таких рук выходила из плечевых суставов, а вторая, будучи более длинной, из тех мест, где у человеческого рода располагались лопатки. Очень длинной была шея создания с повислой кожей, образующей небольшие складки возле плеч. Удерживаемая на ней уплощенная голова, со стороны казалась продолжением шеи. Узкая, длинная голова завершалась длинным мягким хоботком, на конце, определенно, исполняющим роль рта. Сверху на хоботке находились прорезы для ноздрей, а чуть выше, где голова слегка расширяясь, переходила в черепную коробку, поместился в середине один небольшой густо черный (без признаков склеры, зрачка) глаз. Нигде на теле не имелось волосяного покрова, не наблюдалось, кажется, и признаков пола. Верхняя часть туловища существа полностью просматривалась, и, хотя кожа на нем была гладкой, и чуть влажной (впрочем, не покрытая подобно велесвановцам слизью), словно давеча вспотевшей, сам наружный покров имел множество выемок, черных или коричневых отметин, возможно, родинок, пятен, рубцов. Однако нижнюю часть туловища, почти до колена, прикрывала набедренная повязка, на вроде клешенной юбки из плотной сине-серебристой парчи.

Двигаясь по ковровому настилу существо, низко клонило голову, всяк миг сгибало спину и покачивало туловищем вправо-влево, притом оно несло в руках плетеную из тонкой сине-сизой лозы корзинку с округлой крышкой, подпирающей саму его голову. Две руки создания держали корзинку за ручку, а две другие поддерживали его дно.

– Сие есть мой старший халупник Ури, – пояснил Арун Гиридхари, увидев с каким интересом, рассматривает Даша существо, слегка даже отклонившись от стены, впрочем, тотчас от слабости упершись рукой в мох.

– Звероящер? – предположила Дарья, чуть понизив голос, так как боялась оскорбить идущее создание. И немедля вновь прислонила спину к стене, так как ее тягостно мотнуло.

– Т-с, – беспокойно дыхнул негуснегести, пронаблюдав за покачиванием собственного ссасау, и немедля протянув вперед руку, нежно огладил края его ноздрей, смахивая оттуда образовавшуюся от свернувшейся слизи мельчайшую капель. – Аккуратнее, голубчик, – с заботой в голосе дополнил он, – вы еще очень слабы. Обаче это не звероящеры. Поелику звероящеры, создания, высокоразвитая раса, несмотря на агрессивность, постоянное плетение политических интриг и не приемлемые для иных рас традиции. Это же халупник, существо. Их создают таусенцы и продают, как дворовой люд, прислужников, слуг, халупников. Просто не всегда взятый от малоразвитых рас орган центральной нервной системы может

кого-либо заинтересовать, и тогда его помещают в подобное Ури тело, и продают как прислужника.

– Выходит он раб, – протянула обидчиво Дарья, наблюдая за входящим в грот халупником, – покорный, безответный раб, исполняющий любую работу.

И тот же миг передернула тягостно плечами, представив себя в роли такого халупника, ежели б ее не выкупили велесвановцы. С трудом обдумывая собственное поведение и последующие действия, и также мгновенно понимая, что выхода из таких обстоятельств нет. Даша медленно перевела взгляд с Ури на неотступно за ней наблюдающего негуснегести и вновь вздрогнула, подумав, что несмотря на столь нелюбимые широченные впадины ноздрей, с оттопыренными короткими колыхающимися бортами спаянные меж собой костяной перегородкой, окружающих трепещущие розоватые выемки, отсутствие губ и как таковых волос, ей все-таки сильно повезло.

– Раб, – пояснительно отметил Арун Гиридхари, и чуть-чуть склонив направо голову, откровенно залюбовался новым ссасуа, словно враз сплотившись с ним чувствами, полюбив его, что ли. – В нашем понимании носит, иное значение. Я вам расскажу позднее, кто такие рабы. А сие, именно, халупник, и да, вероятно, покорный, безответный, исполняющий любую работу. Для того они и нужны, дабы исполнять любую работу. Почасту таусенцы берут мозг у человеческих видов, Ури именно из таких. Он скроен по моему требованию, посему очень послушный и исполнительный, в свой срок заместивший постаревшего халупника, – очень ровно молвил негуснегести, и так как юный авгур вновь передернул плечами, протянул к нему руку и теперь огладил нижние веки под обоими глазами, а потом края ноздрей.

– Кошмар, а, что же делают с постаревшими халупниками? – спросила Даша, в словах ассаруа примечая соизмерение человеческого вида, и прислужников обобщенно, с животным али еще хуже с вещью. – Разве так можно относиться к людям. У них же есть чувства. А вы с ними словно с вещью, словно, они дерьмо, – не выдержав и снова ругнувшись, добавила Дарья.

И тотчас Арун Гиридхари предал голове положенный вид, а уголки его рта, слегка опустились вниз, будто он расстроился.

– Девдас мне сказал, что вы ругаетесь, – протянул он, впрочем, в голосе его не слышалось какого-либо гнева, вспять тому плыло попечение, теплота, отчего Дарье стало стыдно, что она столь грубо выразилась при нем. – Сие не надо делать, голубчик. Сие не красиво, – негуснегести прервался, давая время ссасуа обдумать и принять им услышанное.

А Ури тем временем опустился на мхи подле сидящих велесвановцев на колени, пристраивая свои большие стопы слева, и поставил корзину вниз. Действуя сразу четырьмя руками, он зараз снял с нее крышку (явив неглубокую, обитую зеленой материей внутренность), и достал оттуда овальной формы латунное блюдо, на котором лежал кусок розовато-белого с прожилками мяса, порезанный на маленькие квадратики (впрочем, все еще держащие форму куска) и зеленые, да белые в полоску небольшие, круглые плоды, пристраивая всю еду слева от корзины прямо на мхи.

– Извините, ассаруа, это дурная привычка, – наконец, отозвалась Дарья, ощущая собственную ущербность в соотношении с этим велесвановцем.

– Привычка, – негромко повторил Арун Гиридхари и уголки его рта вновь взлетели вверх, вероятно, он остался доволен ответом ссасуа. – Ну, раз это склонность поведения вашего диэнцефалона али сознания, будем степенно ее исправлять. Ведь согласитесь, голубчик, так выражаться на межрасовом языке общения не красиво.

Юный авгур торопливо кивнул, понимая, что вновь стал счастливчиком, ибо за ругательства его не будут наказывать, а только поправлять. Негуснегести между тем поднял руку и едва качнул пальцами и тотчас Ури, вскочив на ноги, пятясь назад, покинул сам грот,

однако, оставшись стоять на ковровом настиле, кажется, еще сильнее согнув спину и свесив вниз шею да голову.

– Касаемо, постаревших халупников, – протянул степенно Арун Гиридхари, опуская руку к куску мяса, и дотронувшись большим и, по-видимому, указательным пальцами до его поверхности. – Их у велесвановцев изымают тарховичи, для своих нужд. Одначе насколько я осведомлен, повторно такой мозг уже не используются, у других рас таких прислужников уничтожают. Относительно ваших возмущений по поводу человеческого вида, так он, как и многие иные малоразвитые расы, всего-навсего продукт для высокоразвитых рас. – Негуснегести подхватил двумя пальцами один из кусочков мяса, и, крутанув его перед лицом Даши, дополнил, – вот как, данный кусочек мяса, не более того. Понеже к таковому отношению надо привыкнуть. Впрочем, себя ни в коем случае тяперича нельзя ассоциировать с малоразвитыми расами. Вы, ноне велесвановец, а ваш диэнцефалон обладает особыми возможностями, редкими даже для высокоразвитых рас. Скажу более, ваш диэнцефалон, работая в том режиме, что измерен был в Солнечной системе и поступил на торги, осуществлял свое действие на грани гениального безумия. На сей тонкой грани, когда токмо и возможно приобретение каких-либо способностей. – Он на чуть-чуть прервался, отклонив руку с кусочком мяса в сторону от лица ссасуа, дабы его лучше видеть. – Обаче вследствие отсталости человеческого вида, – продолжил Арун Гиридхари, – невозможности распознать данное развитие органа центральной нервной системы. Диэнцефалон зачастую нарушает свою работу и развитие, переходя со стадии гениальности на этап безумия. И если бы тау-сенцы в сей, столь надобный срок, не выявили возможности вашего диэнцефалона, вы бы, голубчик, вскоре потеряли рассудок, помешались. А мы бы, велесвановцы, не имели такую уникальность в своем составе расы.

Арун Гиридхари замолчал и, не мешкая, приткнул к краю рта Даши кусочек мяса, слегка надавливая и тем, поощряя его открыть, да достаточно нежно, скорее даже полюбовно, с родительской заботой и попечением в голосе сказал:

– Первая пища на планете Велесван ссасуа получает из рук ассаруа, дабы тот помнил, чьей руке обязан своей жизнью. Открывайте рот, голубчик, я вас покормлю, або вы вельми утомлены, – дополнил он, и в такт его колыхающемуся бархатистому голосу подпела струна гуслей. И Дарья, не мешкая, приняла в рот кусочек мяса, однозначно варенного, и, как она любила хорошо просоленного, отдаваясь в воспитанники, этому велесвановцу с радостью.

Глава семнадцатая

– Он вас не понимает, голубчик, – отозвался Арун Гиридхари. Сейчас он стоял на дорожке, ласково поглаживая по голове, поднявшуюся на ноги птицу, которая как конь, взбудоражено, переступала с ноги на ногу, словно просилась в путь.

Эту фразу негуснегести сказал, потому как одевающий Дашу, Ури, очень плотно обвил вокруг ее бедер полосу бело-золотистой ткани, а она попросила несколько облегчить давление.

– Не слышит? – переспросила Дарья, почему-то в общение с негуснегести не ощущая как было дотоль с Девдасом напряжения, точно знала его очень давно.

– Не понимает перундьяговский язык, голубчик, – повторил Арун Гиридхари, на чуть-чуть прекращая голубить голову птицы, покрытую рыхлым, серо-стальным оперением, и оборачиваясь. – Ури говорит на языке велесвановцев.

– Шумно выдыхаемом через ноздри, – проронила Дарья, услышав, как перебил на последнем слог собственную речь шумным дыханием негуснегести, сопроводив ее легким дрожанием струны гуслей, и Ури немедленно ослабил хватку ткани на талии.

– Умница, – также враз откликнулся Арун Гиридхари, теперь сызнова разворачивая голову к птице и проводя правой рукой по ее спине. – Вы голубчик, просто умница, ко всему прочему еще очень проникательны. Вы мне нравитесь все больше и больше.

Теперь негуснегести слегка надавил на спину птице, находящейся почти наравне с его грудью, и та, согнув ноги в коленях, опустилась на дорожку.

– И вы мне тоже ассаруа нравитесь. И я очень рада, что вы меня забрали к себе, – отозвалась Дарья, просовывая голову и руки через проемы голубой туники, обработанной по низу, горловине и рукавам белой блестящей лентой.

Ури поправил одетую тунику на ссасуа и тот немедленно направился по ковровому настилу (как оказалось весьма прочному) к каменной дорожке. Даша остановилась подле негуснегести, со страхом поглядывая на лежащую под ногами мощную птицу, сейчас завертывшей головой, и замерла.

– Это ваша манера общения, как я понимаю, – произнес Арун Гиридхари совсем немного отступая назад и словно приглашая Дарью подойти ближе к птице, впрочем, все равно оставаясь обок нее и тем самым подстраховывая. – Связана с желанием самоутвердиться. Видимо, осознавая наивысшие природные способности собственного диэнцефалона, вы, не сумев достигнуть чего-либо значимого в человеческом мире, научились, таким побытом, защищать себя. Выказывая собственный ум, талант вы единожды низвергали преувеличенное мнение о самом себе оппонента до ущербности, свершая сие одним выражением, и предпочитая не вступать в диспуты. И не потому как боялись того, что не сумеете отстоять свое мнение, просто считая, не нужным умять себя перед недостойными. – Дарья вскинула вверх голову и воззрилась в лицо негуснегести, сдержав движение глаз на его удивительных голубо-алых радужках. – Почасту шутили, смеялись, – меж тем продолжал ассаруа, – над тем или иным суждением, мировоззрением, и именно сим защищали свой, определенный, продуманный, и, несомненно, мудрый взгляд на жизнь.

Даша резко вздрогнула от столь четко сформулированной, распознанной тактики поведения, которая порой раздражала ее саму. Да, точно все еще не в силах ответить, разком перевела взгляд с лица Аруна Гиридхари вперед по следованию дорожки, едва выхватив еще одну лежащую птицу на ней, и тотчас застопорив его на стоящих в два ряда четырех созданиях.

И вовсе – удивительных!

Довольно-таки плотными, крепкими были тела тех существ («вероятнее, все же существ», – решила Дарья) с темно-коричневой, влажной кожей. Не менее высоких, чем велесвановцы, они при внимательном наблюдении оказались все же чуть ниже Аруна Гиридхари. Хотя мощь их тел, мышцастость длинных рук, достающих в стоячем виде, запросто до поверхности дорожки, и вспять тому коротких ног, указывала на них, как на воинов, или телохранителей. Ноги в свой черед завершались круглыми стопами и пятью короткими пальцами, на концах преобразующихся в твердые образования, похожие на копыта. Овально-сплюснутая голова в районе ушей вдобавок была растянута, и тем самым образовывала форму расширенного в основании треугольника, а по краю подбородка проходили короткие, шипообразные, твердые выросты, смахивающие на маленькие рожки. Из-за этой растянутости уши составляли единое целое с щеками, имея несколько лоптастый вид, демонстрирующий ушную раковину и широкий слуховой проход.

На лице отсутствовали лоб, скулы и нос. Однако находился один крупный миндалевидный глаз, расположенный в середине, с песочного цвета радужкой и горизонтальной черной прорезью-зрачком, временами расширяющийся и принимающий ромбовидную форму. Под глазом располагалась одна широкая ноздря соединенная тонкой прорезью с верхней выпукленной губой и соответственно ртом.

Руки имели по пять пальцев и мощные кисти, а тыльные стороны ладоней, предплечья, плечи, как и сама грудь, спина были прикрыты у существ отдельными костяными квадратными пластинками. На туловище образующих прямо-таки панцирь, опоясывающих его даже с боков. Они смотрелись в виде сплошных полос, без привычной соединительной ткани, очевидно, будучи кожным окостенением, хотя и там, словно влажными. Панцирь полностью повторял изгибы тела, демонстрируя бедра и талию, на которой висел черный металлический пояс и короткие ножны, в кои была вставлена рукоять кинжала в форме изогнутой птичьей головы, ярко-красного цвета. Определенно, не имеющие пола, существа не были во что-либо облачены, видимо, в том не нуждаясь.

– Ого! – громко дыхнула Дарья, и снова нервно дернулась, ибо узрев сих существ, к собственному ужасу, или все-таки восхищению, заметила в них черты и признаки, которыми когда-то снабжала собственных воображаемых героев книг.

– Ого, сие выражение чувств, означает согласие выдвинутого мною мнения по поводу вас? – спросил, мгновенно переводя внимание на себя Арун Гиридхари.

– Ого, прозвучало в направлении увиденных мною существ, – ответила Дарья, и неторопливо перевела взор на лицо негуснегести, пристально ее разглядывающего, и совсем чуть-чуть изогнувшего нижний край рта. – Что же говорить о вашем мнении, ассаруа. Так тут вы, безусловно, правы. Только я всегда считала, что не смогла чего-либо достигнуть вследствие собственной несостоятельности. И не искала виновных извне.

– Эту вашу манеру общения Девдас бы не понял, – разъяснительно проронил Арун Гиридхари, и, протянув правую руку, нежно провел подушечками трех пальцев по макушке лысой головы ссасуа. – Благо, что у вас, голубчик, есть способности фантазмагии, а иначе вы бы не раз вынесли наказание. Поелику Девдас во всем видит строптивость. Касаемо человеческого вида, так его ущербность столь велика, не мудрено, что способности вашего диэнцефалона не были ими оценены. Днесь, относительно прозвучавшего «ого», – дополнил негуснегести, и ласково обхватив дотоль ласкающей голову рукой плечо юного велесвановца, развернул его в сторону лежащей птицы, – перед вами патага. Этот вид птицы, используется на Велесван для перевозки тех или иных грузов, а также самих велесвановцев и посетителей нашей планеты. Девдас мог взять патагу, и вы бы познакомились с ней много раньше, но голубчик считает, что бурсак первый свой путь обязан по Велесван до слободы Вукосавки проделать своим ходом, абы познакомиться с нашей планетой. – Теперь ассаруа слегка повернул Дашу в сторону стоящих на дорожке существ, продолжив рассказывать, – сие

перед вами, ранее упоминаемые нами рабы. В данном случае, раб это не покорный, безответный раб, исполняющий любую работу, а воин, охраняющий определенное лицо, правителя, властителя. Хотя, мне, кажется, вы итак о том догадались, как и правильно выдали им название, причислив к существам. – Он едва пожал удерживаемое перстами плечо ссасуа, а когда тот торопливо кивнул, молвил, – обаче данные существа относятся не к человеческому виду, а к дикарям – киклопам. Данных существ изымают с систем в юном возрасте, когда они растут и предают тот или иной вид, рост, признаки и способности, насильственно изменяя компоненты информационных кодов. А все потому как киклопы сильны, у них весьма долгий срок существования, они не подвержены как таковым заболеваниям, и притом их мозг достаточно прост, подчиняясь внедренным насильственно реакциям. Их зачастую используют как крылатую пехоту, в передовых или сторожевых воинских отрядах. Относительно наших рабов, несущих функции охраны, им предали более умеренный рост, абы они были ниже велесвановцев и сим осознавали собственную подчиненность.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.